

ISSN 0131-6117

Русь -

R U S S I A N

Сказья

S P E E C H

речь

2024

МАРТ-АПРЕЛЬ

НАУКА
— 1727 —

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

О. В. Антонова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Деметьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
А. В. Занадворова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет
В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия
М. А. Пузина к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

Зав. редакцией: М. А. Пузина
Зав. отделами: С. В. Дьяченко, О. В. Антонова

Статьи отбираются редколлгией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»
Телефон: +7 495 637-27-35
E-mail: rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2024

ISSN 0131-6117

Russian R U S S K A Y A Speech R E C H'

MOSCOW, 2024

**MARCH -
APRIL**

Founded in January 1967
6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Olga V. Antonova Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia
Evgeniya E. Dmitrieva M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia
Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA
Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK
Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Dina M. Magomedova Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Vladimir I. Novikov Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Mikhail A. Osadchiy Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Heinrich Pfandl University of Graz, Austria
Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA
Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland
Maria A. Puzina Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK
Anna V. Zanadvorova Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Maria A. Puzina
Editorial staff: Svetlana V. Dyachenko, Olga V. Antonova

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35
E-mail: rus-rech@mail.ru
Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... И. В. Крюкова. *Санта-Барбара*: семантические преобразования в русской лингвокультуре
- 18..... В. М. Мокиенко. Чужое в своем: заимствования в новой русской фразеологии
- 37..... Н. Н. Розанова. Босяки, босота и нищebroды: новая жизнь старых слов
- 52..... Е. В. Сенько. Амбициозный и самодостаточный, или Смена духовно-нравственных парадигм

Из истории русского языка

- 65..... А. С. Алексеева. Повергаются ли *верги*? (к вопросу о происхождении предполагаемого финского заимствования в русских говорах Северо-Запада)
- 77..... И. С. Добровольский. Правило замены тяжелого ударения на острое в новоцерковнославянском: дополнительные сведения

Язык художественной литературы

- 90..... О. Е. Белова. Персонажи-самодуры А. Н. Островского в свете первичных речевых жанров
- 98..... С. А. Васильев. «О ты, что в горести напрасно на Бога ропщешь, человек!..» Функции ломоносовской цитаты в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»
- 106..... Д. М. Дедковская. «Композитные образования» как стилистический прием (на материале романа Д. И. Рубиной «Маньяк Гуревич»)
- 117..... Н. Р. Тестова. Пасторальная комическая опера Екатерины Великой «Федул с детьми» как культурный образец

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Irina V. Kryukova. Santa-Barbara: Semantic Transformations in the Russian Linguistic Culture*
- 18..... *Valeriy M. Mokienko. Alien in Its Own: Borrowings in the New Russian Phraseology*
- 37..... *Nina N. Rozanova. ‘Bosyaki’, ‘Bosota’ and ‘Nishchebrody’: the New Life of Old Word*
- 52..... *Elena V. Sen’ko. Ambitious and Self-Sufficient, or the Change of Spiritual and Moral Paradigms*

From the History of the Russian Language

- 65..... *Alina S. Alekseeva. On the Origin of the Borrowing *Bepzu* in the Russian Northern-Western Dialects*
- 77..... *Ivan S. Dobrovol’skii. The Rule of Replacing the Grave with an Acute in Church Slavonic: Further Details*

The Language of Fiction

- 90..... *Ol’ga E. Belova. Tyrannical Characters by A. N. Ostrovsky in View of the Primary Speech Genres*
- 98..... *Sergey A. Vasilyev. “Oh, You, That in Sorrow You Grumble Against God in Vain, Man!..” Functions of the Lomonosov Quote in N. V. Gogol’s Comedy “The Inspector General”*
- 106..... *Darya M. Dedkovskaya. “Composite formations” as a Stylistic Device (Based on the Material of D. I. Rubina’s Novel “Maniac Gurevich”)*
- 117..... *Nika R. Testova. Catherine the Great’s Pastoral Comic Opera “Fedul and His Children” as a Cultural Pattern*

Санта-Барбара: семантические преобразования в русской лингвокультуре

Ирина Васильевна Крюкова, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Россия, Волгоград), kryukova-irina@ya.ru

DOI: 10.31857/S0131611724020019

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются семантические трансформации в русской речи названия американского мелодраматического сериала «Санта-Барбара» — с 1992 года (начало трансляции сериала на российском телевидении) до наших дней. На основе контекстуального анализа употребления имени собственного «Санта-Барбара» в СМИ, интернет-коммуникации, разговорной речи и массовой литературе выявляются его переносные значения, которые в течение 30 лет последовательно формировались в русской лингвокультуре. При этом название сериала расширяло семантический объем и сферы функционирования. Первое значение, отмеченное вскоре после выхода сериала, было позитивным — ‘элитарное место, комфортное для жизни’. В настоящее время оно практически ушло из речи, однако сохраняется в названиях гостиниц, кафе, ресторанов, жилых комплексов во многих городах России. Остальные переносные значения, функционально активные и в наши дни, негативные: 1) ‘бесконечный мелодраматический сериал’; 2) ‘сложные, запутанные семейные/любовные отношения’; 3) ‘скандалы, конфликты, интриги’. Последнее значение уже не связано с сериалом и характеризует сложные конфликтные взаимоотношения в самых разных коммуникативных ситуациях. В настоящее время «Санта-Барбара», в частности, используется в качестве политической метафоры в высокотиражных российских СМИ. Отмечается уникальность

рассмотренных переносных значений для русской речи при их полном отсутствии в речи американцев.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: имя собственное, постсоветский период, контекстуальный анализ, семантическая трансформация, переносное значение, позитивная оценка, негативная оценка

для цитирования: Крюкова И. В. *Санта-Барбара*: семантические преобразования в русской лингвокультуре // Русская речь. 2024. № 2. С. 7–17. DOI: 10.31857/S0131611724020019.

Issues of Modern Russian Language

Santa-Barbara: Semantic Transformations in the Russian Linguistic Culture

Irina V. Kryukova, Volgograd State Social-Pedagogical University (Russia, Volgograd),

kryukova-irina@ya.ru

ABSTRACT: The article deals with the semantic transformations *Santa Barbara* — the title of an American TV series — in the Russian speech. The study has been conducted on the texts dating back to 1992 (the beginning of the series' broadcast on the Russian television) and up to the present day. Having carried out the contextual analysis of the use of the proper name *Santa Barbara* in mass media, Internet communication, colloquial speech, and mass literature, we have determined certain figurative meanings, which have been consistently formed in the Russian linguistic culture for 30 years. At the same time, the name of the TV series has been expanding its semantic volume and application. The first meaning noted soon after the release of the series was positive: *a high-rank neighborhood, comfortable for living*. Nowadays, it has practically disappeared from speech, but it is preserved in the names of hotels, cafes, restaurants, and residential complexes in many Russian cities. The other figurative meanings that are still functionally active today are negative: 1) an endless melodramatic TV show;

2) complicated, intricate family/love relations; 3) scandals, conflicts, plots. The last meaning is no longer associated with the TV series and characterizes complex conflicts in a variety of communicative contexts. At present, Santa Barbara is used, in particular, as a political metaphor in popular Russian mass media. We also note the uniqueness of the listed figurative meanings for the Russian speech and their complete absence in the speech of Americans.

KEYWORDS: proper name, post-Soviet era, contextual analysis, semantic transformation, figurative meaning, positive evaluation, negative evaluation

FOR CITATION: Kryukova I. V. *Santa-Barbara*: Semantic Transformations in the Russian Linguistic Culture. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 2. Pp. 7–17. DOI: 10.31857/S0131611724020019.

Введение

Чередование стабильных и нестабильных эпох всегда сопровождается соответствующими изменениями в языке, наиболее чутко на социально-политические преобразования в жизни страны реагирует лексика. Для развития современного русского языка в этом отношении были особенно показательны 1990-е годы. Смена общественного строя привела к отмене цензуры и появлению новых источников информации, развитию новых форм коммуникации, разработке рекламных технологий, насыщению российского телевидения зарубежной развлекательной продукцией, в частности показу первых зарубежных сериалов. В связи с этим мы наблюдали «скачкообразное» развитие словаря и «бурный приток» новых слов [см., например, Вепрева 2005]. М. А. Кронгауз, говоря о ключевых словах этого периода, таких как «киллер», «рзкет», «откат», «новый русский», «гламур» и под., справедливо отмечает: «Про эти периоды можно философствовать бесконечно, можно снимать фильмы или писать романы, а можно просто произнести те самые слова, и за ними встанет целая эпоха» [Кронгауз 2013: 34].

Однако многочисленные исследования изменений в лексике постсоветского периода зачастую проводились без учета имен собственных. Между тем, по нашим наблюдениям, имена собственные как маркеры эпохи особенно показательны.

Для проверки понимания переносных значений имен собственных, которые стали популярными в 1990-е годы, три года назад мы провели психолингвистический эксперимент. В эксперименте приняли участие

200 респондентов разного возраста из разных регионов России, находящихся на значительном расстоянии друг от друга. Эксперимент состоял из двух этапов. На первом этапе испытуемым предъявлялись высказывания, взятые из средств массовой информации последних 30 лет, в которых имена собственные были употреблены в переносном значении, и предлагалось подобрать синонимы к данным именам так, чтобы максимально сохранился смысл высказывания. Так определялась степень узнаваемости имени в контексте. На втором этапе, при использовании методики дополнения, испытуемым были предложены незавершенные высказывания, предлагалось вставить вместо точек имя из списка и закончить высказывание. Так определялся уровень воспроизводимости имен собственных в переносном значении (подробно см. [Крюкова, Врублевская, Хвесько 2021]).

В результате определились имена с высокой степенью узнаваемости в переносном значении (*Рублевка, Абрамович, «Энерджайзер», «Макдоналдс», «Санта-Барбара»* и др.) и имена с низкой степенью узнаваемости, которые теряют переносные значения, переходят в ономастические историзмы или совсем забываются (*МММ, Лёня Голубков, Черномырдин, Беслан, ГКЧП* и др.). При этом именем-лидером по степени узнаваемости и уровню воспроизводимости в речи стало название американской мыльной оперы *«Санта-Барбара»*. Оно хорошо знакомо 92 % респондентов, представителям разных поколений, даже тем, кто в силу своего возраста не мог видеть этот сериал, легко опознается в переносном употреблении и потенциально может использоваться при производстве собственных высказываний.

Эти результаты определили актуальность и перспективность исследования функциональной специфики имени собственного *«Санта-Барбара»* в контекстуальном окружении.

С целью определения механизмов формирования переносных значений в динамическом аспекте — от начала появления в русской речи *«Санта-Барбары»* до развития у названия сериала полноценных понятий, не свойственных именам собственным в их нейтральном употреблении, — необходимо было провести комплексный контекстуальный анализ. При отборе материала для анализа основным источником стал «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ), т. к. хронологическое расположение контекстов в этом общедоступном источнике помогает установить этапы вхождения названия сериала в русскую лингвокультуру: когда оно появилось и как со временем изменяло свое значение. Материалы из «Национального корпуса русского языка» (основной, газетный и устный подкорпусы) были затем дополнены другими примерами из СМИ и интернет-коммуникации. Анализ проводился в следующей

последовательности: определение разовых переносных значений в отдельных контекстах, обобщение похожих значений, отмеченных во многих контекстах, и на основании обобщения — определение семантических признаков, характерных для разных этапов функционирования имени собственного в речи. За каждым из приведенных далее примеров стоит корпус из десятков, а иногда и сотен однотипных текстовых фрагментов. Авторская картотека, которая постоянно пополняется, сейчас включает около 1000 контекстов. В сумме они отражают поэтапные семантические преобразования «Санта-Барбары», которые происходили буквально на наших глазах.

Исследование и результаты

Первое появление имени «Санта-Барбара» в русской речи четко датируется, оно относится к 1992 году, тогда на российском телевидении начался показ американского мелодраматического сериала, самого длинного из когда-либо транслировавшихся в России. В течение 10 лет российские зрители с увлечением следили за жизнью нескольких богатых семей, жителей калифорнийского города Санта-Барбара. Начало показа сериала совпало с распадом Советского Союза, это было крайне сложное время для российской политики и экономики, возникали межнациональные конфликты, многие реформы проваливались, люди нищали, теряли работу. На этом фоне американская мыльная опера помогала телезрителям отвлечься от проблем постперестроечного периода. В «Комсомольской правде» так характеризуется феномен «Санта-Барбары» в России: «Через арки в заставке каждой серии юридически не советский, а российский зритель попадал в дивный новый мир. Оазис, где богатые ходят в роскошных костюмах и живут в живописной Американской Ривьере. Все чувствовали себя соучастниками и на удивление сильно сопереживали такому далекому во всех смыслах от всех нас клану Кэпвеллов и семьям, входящим в их ближайшее окружение» (Комсомольская правда. 01.08.2019). Так сериал стал для россиян культовым, а его название вошло в русскую лингвокультуру в нескольких значениях, различных по широте распространения и времени возникновения в речи.

(1) Санта-Барбара — элитарное место, комфортное для жизни

В первые десять лет функционирования в русской лингвокультуре у имени собственного «Санта-Барбара» отмечается позитивное переносное значение, связанное не столько с сериалом, сколько с городом Санта-Барбарой как престижным элитарным местом, комфортным для

жизни: «Санта-Барбара. Так за нерусскую красоту и ухоженность в народе называют поселок Новый под Калининградом» (Ландшафтный дизайн. 15.09.2001). По наблюдениям Р. В. Разумова, Санта-Барбара используется в качестве неофициального внутригородского названия престижных жилых районов во многих российских городах [Разумов 2016]. Однако в последние двадцать лет контексты с подобным переносным употреблением в массовой коммуникации практически не встречаются, ассоциация с калифорнийским городом Санта-Барбара утрачивается, что подтверждают, в частности, и результаты упомянутого выше психолингвистического эксперимента.

О существовании ранее данного значения говорят сохранившиеся до наших дней наименования многочисленных официально зарегистрированных коммерческих объектов. Например, название «Санта-Барбара» в наши дни носит жилой комплекс в Ульяновске, гостевые дома в Краснодарском крае, Адыгее и Крыму, базы отдыха в Казани, Самаре, Красноярске, кафе и рестораны в Симферополе, Ростове-на-Дону, Перми, Екатеринбурге и многих других городах. Большая часть этих объектов были построены в первые годы трансляции сериала, в конце 1990-х — начале 2000-х; при строительстве многих из них имитировалась архитектура Санта-Барбары, знакомая российским телезрителям того времени.

(2) Санта Барбара — бесконечный мелодраматический сериал

Через несколько лет трансляции сериала на российском телевидении имя собственное «Санта-Барбара» начинает употребляться в переносном значении для обозначения любого длинного мелодраматического сериала с многочисленными любовными перипетиями и сложными семейными взаимоотношениями. Оно становится инструментом неоднозначной оценки определенного кинематографического стиля, который в эти годы формируется в России. Для рядовых телезрителей такая оценка могла быть позитивной, однако создатели отечественных мыльных опер отрицательно реагируют на сравнение отечественных сериалов с «Санта-Барбарой»: «Недавно нам прислали письмо с несколько двусмысленной фразой “Остановка по требованию” должна быть бесконечной” и с пожеланием создать из этого свою “Санту-Барбару”. “Санта-Барбару” делать не будем» (Известия. 14.12.2001).

Значение ‘бесконечный мелодраматический сериал’ сохраняется и в последующие годы, однако утрачивает былую активность. Встречаем его в основном в отрицательных рецензиях на российские кинофильмы. При этом «Санта-Барбара» теряет кавычки, принятые в русском языке у названий подобного рода. Утрата кавычек отражает интуитивные представления

носителей русского языка о семантических трансформациях имени собственного, о развитии у него понятийных признаков: «Сериал “Здесь кто-то есть” — это просто Санта-Барбара какая-то (заголовок) // Почему назвал всё это Санта-Барбарой? Потому что сериал очень длинный и сильно затянутый, изобилует совершенно лишними и ненужными сюжетными вставками с семейными разборками и изменами» (Отзовик. 07.08.2019).

Стоит отметить не только орфографические изменения, но и формирование устойчивых синтагматических связей — употребление названия сериала с разговорными частицами «просто» и «прямо» в препозиции и с неопределённым местоимением «какая-то» в постпозиции. Такое контекстуальное окружение «Санта-Барбары» не только придает высказыванию разговорно-просторечный характер, но и усиливает значение полноты признака.

(3) Санта-Барбара — сложные, запутанные, любовные/семейные отношения

Практически параллельно, уже в конце 1990-х — начале 2000-х, «Санта-Барбара» выходит из телевизионного дискурса, начинает употребляться для характеристики реальных ситуаций в значении 'сложные, запутанные, любовные/семейные отношения'. Это значение часто встречается в разговорной речи. Отражение стилистически сниженного разговорного употребления находим в современной массовой литературе, в основном при негативной социальной оценке сложных взаимоотношений внутри одной семьи. Например, так характеризуются запутанные истории, связанные с рождением детей или частой сменой партнеров: «Он — единственный сын Жанны Михайловны от первого брака. Ваш отец его усыновил совсем мальчишкой, дав свою фамилию. Я кивнула и, чуть отвернувшись, закатила глаза. Прямо Санта-Барбара какая-то...» (Л. Мур. *Неправильная любовь*. 2018); «Когда мне было пять, мама вышла замуж за Женю, и родилась Лерка. Через несколько лет Женя тоже вылетел из маминой орбиты, потом у мамы было несколько мелких увлечений, и вот теперь у нас в доме поселился Андрей, который младше мамы на 10 лет, но, как говорит бабушка, это еще цветочки по сравнению с другими его недостатками. Короче, Санта-Барбара еще та» (В. Лосева. *Ты же девочка!* 2018).

В публицистическом дискурсе «Санта-Барбара» расширяет значение и используется для негативной оценки самых разнообразных межличностных отношений, в которых присутствуют интриги и скандалы. Кроме того, функционирование «Санта-Барбары» расширяет границы, распространяется на российские национальные республики и страны СНГ,

в которых сериал был не менее популярен: «Санта-Барбара по-турецки. Многодетная мать из-за конфликтов с мужем переехала в Турцию» (общественно-политическая газета Казахстана «Время». 28.08.2015); «В белорусских реалиях часто бывает так, что доли в компании не просто распределены интересным образом, но ещё и записаны на родственников или жён. И когда наступает пора распределять богатство, начинается “санта-барбара”!» (IT в Беларуси. 07.10.2019); «Бур лун, “Санта-Барбара”! (заголовок) // В Коми наблюдают за увлекательным сериалом о тайнах гламурной жизни местной элиты» («Трибуна». Общественно-политическая газета Республики Коми. 23.10.2020). В газете «Казанские ведомости» большой популярностью пользовалась постоянная рубрика «Санта-Барбара по-казански», в которой публиковались простые сентиментальные истории о любви, изменах, интригах. Эти истории были затем объединены в отдельное издание (Санта-Барбара по-казански: житейские истории от «Казанских ведомостей», 2012).

Когда значение ‘интриги, скандалы’ применительно к любовным/семейным отношениям закрепились в русской речи, название сериала стали использовать и в более официальных ситуациях. На психологических сайтах в последние 10 лет встречаем выражения «санта-барбара в отношениях» и «феномен санта-барбары», с заменой прописной буквы на строчную. Несмотря на некоторые различия в толковании этих выражений, суть их сводится к описанию определенного типа поведения, при котором люди драматизируют свою жизнь для привлечения внимания к себе: «Санта-барбара — это стратегия, в которой одна сторона в отношениях активно придумывает ложные события, чтобы управлять эмоциями своего партнера или окружающих. Чаще всего это происходит с целью получения внимания, сострадания или даже материальных выгод. И хотя некоторые люди могут считать это невинным развлечением, санта-барбара на самом деле может стать губительным фактором для отношений» (Психология для всех: сайт о взаимоотношениях людей в разных сферах общества. 30.04.2017).

(4) Санта-Барбара — скандалы, конфликты, интриги

В последние годы при сохранении активности в переносном употреблении мы наблюдаем ослабление значения ‘любовные/семейные отношения’ и усиление значения ‘скандалы, конфликты, интриги’. По нашим наблюдениям, особенно показательно в этом отношении использование «Санта-Барбары» в качестве политической метафоры в высокотиражных российских газетах, популярных телепрограммах, на информационных интернет-каналах. В большинстве публикаций, посвященных

противостоянию политических сил как внутри страны, так и на международной арене, «Санта-Барбара» употребляется в сильной позиции заголовка: «Арабская “Санта-Барбара” (заголовок) // События в Ливии напоминают качели — преимущество переходит от правительственных сил к повстанцам и обратно» (Новые известия. 29.03.2011). «Рогозин назвал отзыв приглашения в США “чудесной Санта-Барбарой” (заголовок) // Дмитрий Рогозин заявил, что отмена его визита в США — это “эпизод противостояния между Трампом и конгрессом»» (РБК. 09.01.2019). «“Санта-Барбара какая-то”: Миронов высказался о недопуске Грудина (заголовок). Лидер “СР — За правду” Сергей Миронов прокомментировал исключение Грудина из списка КПРФ» (РИА Новости. 28.07.2021).

К этому значению добавляется дифференциальная сема ‘длительность, затянутость важного политического события’: «Долгая Санта-Барбара Брексита близится к завершению (заголовок) // Участники переговоров между Великобританией и ЕС достигли соглашения после нескольких дней ночных переговоров и почти трехлетних жарких дискуссий, которые обострили отношения между ЕС и Великобританией» (ProfitGate. 17.10.2019); «Новостная “Санта-Барбара ЕС” об отношениях с российской нефтью закончится 15 мая?» (Picabu. 11.05.2022).

В полном объеме это значение реализуется при последовательном описании нескольких взаимосвязанных событий во время предвыборных кампаний, сопровождаемых скандалами и даже драками: «Чусовская “Санта-Барбара” (заголовок). Предвыборные события в “городе металлургов” — это не политический триллер, а ещё одна серия многолетней мыльной оперы с одними и теми же действующими лицами, которые интригуют, ссорятся, мирятся, и так — без конца» (Новый компаньон. 07.08.2013); «“Политическая Санта-Барбара” при избрании Маккарти едва не увенчалась дракой в конгрессе (заголовок). Политическая “Санта-Барбара”, которая продолжалась на Капитолийском холме в течение четырех дней, завершилась избранием Маккарти только в пятнадцатом туре голосования в ночь на субботу, побив исторический рекорд 1923 года, когда спикер был избран “уже” в девятом туре. <...> Палата погрузилась в хаос, когда два законодателя едва не подрались друг с другом: закипело разочарование от четырех долгих дней невозможности избрать спикера» (Российская газета. 07.01.2023).

Заключение

Так название американского сериала «Санта-Барбара» за тридцать лет прошло в русской лингвокультуре определенные стадии семантического развития: от простой номинации зарубежного телевизионного

продукта до символизации и формирования нескольких понятийных признаков. На этом пути оно последовательно расширяло свое значение, теряло признаки имени собственного и проникало в различные коммуникативные сферы, далекие от телевизионного дискурса, в котором первоначально употреблялось. В настоящее время название сериала активно используется в повседневной речи, художественной литературе, средствах массовой информации и различных формах интернет-коммуникации. Оно пополняет фонд образных средств русского языка и выражает ценностные ориентиры его носителей в данном обществе и в данное время: художественные вкусы — при оценке затянутых мелодраматических сериалов низкого качества, морально-этические установки — при оценке сложных и конфликтных любовных/семейных отношений, политические взгляды — при оценке политических интриг и скандалов и т. п.

В заключение заметим, что все рассмотренные переносные значения «Санта-Барбары» характерны исключительно для русской лингвокультуры, что может вызвать значительные затруднения при переводе. Наши поиски подобных контекстов в американском национальном корпусе (OANC) не дали результатов. Для американцев Санта-Барбара — это только топоним, название города в Калифорнии, прямое значение 'сериал' для них не релевантно, т. к. эта мыльная опера на своей родине давно забыта, а переносные значения отсутствуют полностью.

Литература

- Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-Пресс, 2005. 384 с.
- Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Астрель: CORPUS, 2013. 480 с.
- Крюкова И. В., Врублевская О. В., Хвесько Т. В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода: особенности понимания и воспроизведения // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 177–190.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorp.ru> (дата обращения 25.12.2023).
- Разумов Р. В. Коннотативная микроурбанонимия российских городов // In Nōminum Spatio: Материалы I Междунар. ономастических чтений им. Е. С. Отина (16–18 окт. 2015 г.). Донецк: Издание Фонда «Азбука», 2016. С. 94–10.
- OANC — The Open American National Corpus. URL: <https://anc.org/> (дата обращения 25.12.2023).

References

- Krongauz M. A. *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian language on the verge of a nervous breakdown]. Moscow, Astrel': CORPUS Publ., 2009. 250 p.
- Kryukova I. V., Vrublevskaya O. V., Khvesko T. V. [Connotative proper names of the post-Soviet period: features of understanding and reproducibility]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2021, no. 3, pp. 177–190. (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 25.12.2023).
- Razumov R. V. [Connotative microurbonymy of Russian cities]. In *Nōminum Spatio: Materialy I Mezhdunar. onomasticheskikh chtenii im. E. S. Otina (16–18 okt. 2015 g.)* [In Nōminum Spatio: Proceed. of the I International Onomastic Readings named after E. S. Otin (October 16–18, 2015)]. Donetsk, House of the Azbuka Foundation Publ., 2016, pp. 94–10. (In Russ.)
- The Open American National Corpus*. Available at: <https://anc.org/> (accessed 25.12.2023).
- Vepreva I. T. *Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epokhu* [Linguistic reflexion in the post-Soviet Era]. Moscow, OLMA-Press Publ., 2005. 384 p.

Чужое в своем: заимствования в новой русской фразеологии

Валерий Михайлович Мокиенко, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург), mokienko40@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724020022

аннотация: Статья посвящена проблеме заимствований в новой русской фразеологии. При всем настороженном отношении к прямым лексическим заимствованиям заимствования фразеологические не оцениваются критично ни обществом, ни языковыми пуристами. Причина этого в том, что, в отличие от заимствованной лексики, иноязычные фразеологизмы, как правило, образуются путем калькирования, т. е. буквальным переводом составляющих их компонентов. Это делает их образность прозрачной и узнаваемой. Современный русский язык после политических и других перемен в 90-е годы прошлого века обогатился множеством фразеологических калек. Часть из них — перифрастические обороты, обозначающие некоторые сферы жизни, бывшие прежде чуждыми в советском обществе. К такого рода оборотам относятся и выражения военной тематики (в большинстве своем публицистического стиля): *звездные войны*, *ядерный клуб*, *ядерный зонтик*, *тактика выжженной земли* и под. Сюда относятся и наименования воюющих: *зеленые береты*, *красные береты*, *голубые каски* и под.

Тематическая группа калек с английского, так или иначе связанных с характеристикой власти, начальства, представлена в русском языке идиоматикой с яркой образностью. Такова группа усвоенных русским языком фразеологизмов с компонентом *ковер*: *вызывать на ковер кого*; *быть на ковре*; *идти/пойти на ковер* и др.

Предлагается также анализ фразеологических неологизмов политической и банковской сферы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: заимствования, языковой пуризм, неологизм, фразеологизм, новая русская фразеология, калька, фразеологическая калька

для цитирования: Мокиенко В. М. Чужое в своем: заимствования в новой русской фразеологии // Русская речь. 2024. № 2. С. 18–36. DOI: 10.31857/S0131611724020022.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при поддержке РНФ № 23-18-00141, проект «Идеографический словарь русской фразеологической неологии: динамика языка и мышления», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете.

Issues of Modern Russian Language

Alien in Its Own: Borrowings in the New Russian Phraseology

Valeriy M. Mokienko, Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg),
mokienko40@mail.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the problem of borrowings in the new Russian phraseology. With all the wary attitude towards direct lexical borrowings, phraseological borrowings are not critically evaluated either by society or by linguistic purists. The reason for this is that, unlike borrowed vocabulary, foreign phraseological units, as a rule, are formed by tracing, i.e. literal translation of their components. This makes their imagery transparent and recognizable. The modern Russian language, after political and other changes in the 90s of the last century, was enriched with many phraseological cripples. Some of them are periphrastic turns denoting certain spheres of life that were previously alien in Soviet society. Expressions of military subjects (mostly journalistic style) also belong to this kind of turnovers: *star wars*, *nuclear club*, *nuclear umbrella*, *scorched earth tactics*, etc. This includes the names of the belligerents: *green berets*; *red berets*; *blue helmets* etc. The thematic group of calques from English, one way or another connected with the characteristics of power, bosses, is represented in Russian by idiomatics

with vivid imagery. Such is the group of phraseological units adopted by the Russian language with *the carpet* component: *call someone to the carpet; be on the carpet; go / go to the carpet*, etc. An analysis of the phraseological neologisms of the political and banking spheres is also proposed.

KEYWORDS: borrowings, language purism, neologism, phraseologism, new Russian phraseology, tracing paper, phraseological tracing paper

FOR CITATION: Mokienko V. M. Alien in Its Own: Borrowings in the New Russian Phraseology. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 2. Pp. 18–36. DOI: 10.31857/S0131611724020022.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by the Russian Scientific Foundation No. 23-18-00141 “Ideographic Dictionary of Russian Phraseological Neology: Dynamics of Language and Thinking”, implemented at St. Petersburg State University.

Влюбом языке мира есть немалые лакуны в своем собственном хранилище слов, и поэтому приходится новое черпать из запасников чужого. Это обычно и вызывает дискуссии, к которым подключается не только широкая общественность, но даже и самые высокие властные структуры.

Очередная волна таких дискуссий всколыхнулась не так давно в нашей Государственной Думе, принявшей 16 февраля 2023 г. в третьем чтении правительственный законопроект, уточняющий перечень сфер, использование русского языка в которых является обязательным. Председатель думского комитета по культуре Е. А. Ямпольская внесла в документ поправки, предлагающие защитить русский язык от чрезмерного употребления иностранных слов.

Скрывать нечего: проблема заимствований есть. И после «лихих 90-х» она обострилась не менее, чем во времена Петровских реформ или преобразований после Октябрьской революции, когда иноязычная лексика девятым валом хлынула в наш язык. Но филологу, профессионально изучающему пласты заимствований, бросается в глаза одно немаловажное обстоятельство. Все, кто ревниво борется с языковой чужеродностью, целью борьбы всегда избирают **исключительно лексику**, видя именно и только в ней источник «загрязнения».

Борясь с лексическими заимствованиями, якобы «загрязняющими» наш язык, блюстители его чистоты совершенно игнорируют так называемые языковые кальки, хотя именно калькирование давно стало общим

лингвистическим механизмом идиоматической европеизации. Суть его давно известна и весьма четко описывается современными словарями лингвистических терминов. Так, в словаре О. С. Ахмановой *калька* определяется как «семантическое заимствование, заимствование путем буквального перевода (обычно по частям) слова или оборота речи» [Ахманова 1966: 188]. Специфика фразеологической кальки во многом влияет как на пути проникновения фразеологических заимствований из одного языка в другой, так и на их функционирование в принимающей языковой системе.

Эта специфика, по одной из принятых дефиниций (Б. А. Ларин, В. В. Виноградов, В. Н. Телия и др.) определяется категориальными свойствами фразеологизма как особой языковой единицы — раздельнооформленностью, относительной устойчивостью, воспроизводимостью в готовом виде, семантической целостностью и экспрессивностью [Мокиенко 1989: 5]. При этом последнее свойство иногда не признается обязательным — в случаях, когда к фразеологизмам относят и так называемые коллокации типа *принять решение, вызвать овалцию, поставить вопрос* (А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский и др.). Раздельнооформленность делает фразеологическое калькирование равноположенным синтаксическому, что отражается на структуре соответствующей идиоматики. Относительная устойчивость и воспроизводимость заставляет любую фразеологическую кальку восприниматься в языке-приемнике как автоматизированное словосочетание (несмотря на оживляемую новыми языковыми средствами образность). Семантическая целостность обеспечивает репродукцию кальки в том фразеологическом значении, в котором она употребляется в языке-источнике. Наконец, экспрессивность накладывает мощный отпечаток на идеографическую избирательность фразеологических калек по сравнению с кальками лексическими.

Последнее свойство чрезвычайно важно уже потому, что идеографическая карта фразеологических калек является универсальной, что во многом облегчает их быструю адаптацию в новой языковой среде. Если для большинства лексических заимствований и калек буквальный перевод внутренней формы привносит в принимающую языковую систему обозначение нового (или обновляемого) понятия, то фразеологическая калька, как правило, перезаряжает образность и экспрессивность уже известных в языке-приемнике обозначений — «Безделья», «Пьянства», «Глупости», «Множества» и т. п.

Прямое заимствование фразеологизмов осуществляется крайне редко. Типичный пример — неологизм *хай-лайф* 'образ жизни состоятельной части общества' [Левашов (ред.) 1997: 859]. Собственно, это транслитерация англ. *high life* (букв. высшая жизнь), не слишком освоенная русским

языком в силу своей фонетической и словообразовательной чужеродности. Аналогична судьба и так называемых **полукалек** — своеобразных лексико-фразеологических «гибридов», где один компонент является прямой лексической заимствованием, а другой — буквальный перевод с языка-источника.

Фразеологические кальки всегда проникали в систему русского языка незаметно, маскируясь под известные всем родные слова и потому не вызывая неприятия и отторжения ни у говорящих, ни у пуристов.

И правильно: ведь такие кальки не просто характеризуют, но и достаточно объективно оценивают ту языковую картину мира, которая рисуется наиболее реальными событиями и современными реалиями. В краткой статье попытаемся очертить лишь некоторые фрагменты этой масштабной картины, выделив типичные тематические доминанты.

Одна из «горячих» тем фразеологической перифразистики — тема военная. И здесь кальки (в большинстве своем публицистического стиля) достаточно точно и детализированно эту тему характеризуют, отражая использование новейших западных технологий:

звездные войны (англ. *star wars*) ‘выведение в космос ядерного оружия; ведение военных действий с использованием космического пространства’ [Котелова (ред.) 1996: 19]; *ядерный клуб* (англ. *nuclear club*) ‘о группе стран, обладающих ядерным оружием’; *тихая смерть* (англ. *silent holocaust*) ‘об уничтожении противника путем применения химического оружия’ [Котелова (ред.) 1989; Левашов (ред.) 1997: 817]; *космический зонтик* (*зонтик*) (англ. *space umbrella*) ‘о контроле США из космоса происходящего в мире’ [Котелова (ред.) 1989; Левашов (ред.) 1997: 378]; *ядерный зонтик* (англ. *nuclear umbrella*) ‘о воздушных средствах защиты против нападения с применением ядерного оружия’ [Котелова (ред.) 1996а; Левашов (ред.) 1997: 903]; *ракетный зонтик* (англ. *rocket umbrella*) ‘о ракетно-ядерном оружии как средстве обороны’ [Левашов (ред.) 1996: 304]; *пули против пуль* (англ. *bullets against bullets*) ‘об американских противоракетах системы «Патриот»’ [Левашов (ред.) 1996: 294].

Во многих публицистических контекстах эти военные перифразы употребляются с прилагательными, не оставляющими сомнений в их адресате.

К военной теме, естественно, прямо относятся и наименования воюющих:

военные зеленые береты (англ. *green berets*) ‘о подразделениях сухопутных войск США, специализирующихся на десантно-диверсионных операциях’; по названию характерной детали обмундирования

[Котелова (ред.) 1995: 86; Новиков 2004: 18; Stěpanova, Dobrova 2018: 44]; *военные красные береты* (англ. *military red berets*) ‘о парашютистах армии Великобритании’; по названию характерной детали обмундирования [Новиков 2004: 18]; *военные голубые каски* (англ. *military blue helmets*) ‘о вооруженных силах ООН по поддержанию мира’ [Новиков 2004: 104; Котелова (ред.) 1995: 182]; по названию отличительной детали обмундирования — касок голубого цвета, которые носят солдаты войск ООН, препятствующих разрастанию региональных конфликтов (голубой цвет, цвет неба, символизирует миролюбие).

Приведенные перифразы, обозначающие различных военнослужащих, образованы путем метонимического переноса названий одежды на тех, кто ее носит. Метонимической перифразой соматического типа является и оборот *военные кожаные шеи* (англ. *leathernecks* — ‘кожаные воротники’) ‘об американских морских пехотинцах, носивших широкие кожаные воротнички для хорошей осанки’ [Буцева (ред.) 2014: 94]. Другая же группа подобных наименований создается путем анималистических метафор:

военные дикие гуси (англ. *wild goose*) ‘о наемниках, используемых для вооруженной борьбы с политическими противниками (в западной прессе)’ [Левашов (ред.) 1997: 174; Котелова (ред.) 1982; Новиков 2004: 59]; *военные морские котики* (англ. *military navy seals*) ‘элитное подразделение спецназа ВМФ США — в качестве имени собственного’ [Буцева (ред.) 2014: 281]; *псы войны* (англ. *the dogs of war*) ‘о вооруженном наемнике, используемом в политических целях. Иностранные наемники, участвующие в карательных и диверсионных операциях расистских властей (особенно ЮАР) против сил национально-освободительного движения и правительств развивающихся стран (особенно Южной Африки)’ [Котелова (ред.) 1986а; Левашов (ред.) 1997: 592; Новиков 2004: 189]; *собаки войны* (англ. *the dogs of war*) ‘наемные войска в западных странах’ [Котелова (ред.) 1986а: 209; Новиков 2004: 228]; *военные белые мартишки* (англ. *military white monkeys*) ‘об агентах ЦРУ’ [Котелова (ред.) 1996а: 31].

Легко увидеть по образной подоплеке этих устойчивых словосочетаний, что они имеют разную стилистическую окраску. Так, обозначение агентов ЦРУ или наемников, естественно, окрашено негативно:

Манила... На операциях по захвату путчистами военных и гражданских объектов в конце августа присутствовали агенты ЦРУ («белые мартишки», как их здесь называют) (Изв. 21.9).

Возможно, это явилось одним из основных факторов, послуживших поводом для попытки свергнуть правительство с помощью наемников.

Предположение вполне допустимое. А когда к военно-стратегическим соображениям добавляются корыстные интересы монополий, всегда найдутся деньги для оплаты любого преступления «собак войны» (Нед. № 49, 81).

Различные оттенки оценочности характерны и для перифрастических неологизмов, обозначающих лиц профессиональных сфер чуждого нам общества:

тихий американец (англ. *the quiet American*) ‘агент Центрального разведывательного управления (ЦРУ) США, ведущий разведывательную или подрывную деятельность в других странах под прикрытием торговой или дипломатической деятельности’ [Котелова (ред.) 1986а: 229; Новиков 2004: 4]. < Перифраза, вероятнее всего, происходит от названия романа английского писателя Грэма Грина (1904–91) «*Тихий американец*» (1955 г., русский перевод 1959 г.), рассказывающего о подрывной деятельности агента американской спецслужбы во Вьетнаме во время Индокитайской войны; *тихий западник* (англ. *the quiet Westerner*) ‘лицо, засылаемое ЦРУ США в какую-либо страну для подрывной деятельности’ [Котелова (ред.) 1986а: 229]; *люди из Лэнгли* (англ. *the people from Langley*) ‘агенты Центрального разведывательного управления США’ [Новиков 2004: 141]. < Лэнгли — город в штате Вирджиния, где находится Центральное разведывательное управление США; *золотые воротнички* (англ. *gold collars*) ‘в странах Запада — о высококвалифицированных специалистах, создающих и обслуживающих сложную современную технику’ [Левашов (ред.) 1996: 69; Левашов (ред.) 1997: 133, 260]; *синие воротнички* (англ. *blue-collar worker*) ‘о лицах наемного труда, занимающихся обычной физической работой (обычно об индустриальных и строительных рабочих)’ [Левашов (ред.) 1996: 69; Новиков 2004: 40]. < По характерной детали одежды рабочих — куртке синего цвета с воротником.

К этой тематической группе можно отнести и шутливый разговорный фразеологизм *неуловимый Джо* (англ. *elusive Joe*) ‘о человеке, которого очень трудно поймать, разыскать в нужную минуту (потому что его никто не ищет)’ (например, официальное лицо, бизнесмен и т. п.). Он образован от имени персонажа некогда популярного американского анекдота. Ср. также новую ироническую поговорку *Начальник что тамагочи: орет, когда хочет*, характеризующую своеволие начальства, где *тамагочи* — детская игрушка начала 2000-х гг., сейчас уже забытая. Здесь русский неологизм порожден комбинацией японского слова и чисто русской паремиологической конструкции. Ср. чисто русские поговорки

о начальнике: *Начальник — всему печальник*; кубан. *Маленький начальник хуже лихоманки*; *Начальство не свой брат: много говорить не станешь* и под.

Кстати, тематическая группа кáлек с английского, так или иначе связанных с характеристикой власти, начальства, представлена в русском языке и идиоматикой с яркой образностью. Такова, например, группа глубоко укоренившихся в нашем языке фразеологизмов (часто — шутливо-иронических) с компонентом *ковер*: *вызывать/вызвать (ставить/поставить, приглашать/пригласить, требовать/потребовать) на ковер кого* (англ. *to call smb. on the carpet*) ‘вызывать кого-л. в кабинет начальника для выговора, разноса’ [Котелова (ред.) 1995: 296; Котелова (ред.) 1984б: 283]; *быть на ковре* (англ. *to call smb. on the carpet*) ‘о человеке, получающем выговор, разнос от вышестоящего’; *идти/пойти на ковер* (англ. *to go on the carpet*) ‘идти в кабинет начальника для выговора, разноса’. По мнению исследователей, все они образованы от оборота *быть на ковре*, происхождение которого объясняется по-разному. По одной версии, первоначально оно относилось к слуге, вызванном к своему британскому хозяину для выговора [Шанский, Зимин, Филиппов 1987: 35], по другой — связано со спортивной терминологией. При этом в языке-источнике оно имело два значения — со значением ‘быть на повестке дня, рассматриваться’ либо ‘получить нагоняй, выговор от вышестоящих’ [Колиберская 1980: 85]. При этом серия «ковровых» англицизмов закрепились не только в русском, но и в других европейских языках — ср. словцк. *byť na koberci*, нем. *auf dem Teppich bleiben* ‘придерживаться существа дела’, ‘сохранять здравый смысл’; укр. *викликати на килим*, словцк. *zavolať si na koberec*; фр. *tenir qn sur le tapis* ‘судачить о ком-л.’ и др.

Образ ковра оказался настолько популярным, что, когда недавно (во второй половине 90-х гг. XX в.) появился еще один английский фразеологический неологизм с совершенно иной мотивировкой — *заметать/замести (загонять/загнать, прятать/спрятать) под ковер* (англ. *sweep sth under the carpet*; амер. вариант — *sweep sth under the rug*) ‘пытаться скрыть что-л. (постыдное), держать в тайне, пытаться избежать огласки’ [Буцева (ред.) 2014: 89], он тут же занял свое законное место в «ковровом» строю [Fink 2010]. Ср. также *под ковром* ‘скрыто, неявно’ или ‘скрытый, неявный’ [Буцева (ред.) 2014: 88–89].

Способы, которыми власть или начальство добиваются подчинения, многообразны. Пожалуй, самый типичный по своей древней диалектике характеризуется фразеологизмом *политика (тактика) морковки и палки* (или *палки и морковки* — англ. *carrot and stick*) ‘чередование жестких и мягких мер при обращении с кем-либо, ведении какой-либо политики и т. п.’.

Он стал синонимом давно вошедшего из немецкого в русский язык оборота *политика кнута и пряника*. Английский оборот зафиксирован в английских словарях с начала XX в. в форме *carrot and stick*, и его возможная этимология такова: чтобы заставить упрямого и непослушного осла идти вперед, на палку перед его мордой привязывали морковку. Это связывается со стереотипом ослиного упрямства [Fink 2006]. В русском языке выражение *политика (тактика) морковки и палки* пока еще не стало частотной единицей нашего лексикона. Но как неологизм оно уже начинает завоевывать наше языковое пространство — ср.:

Затем в Саксонии появился папский дипломат Карл фон Мильтиц, который обратился к политике «палки и морковки» в отношении курфюрста (Yandex, 2006).

В то время США использовали классическую политику «палки и морковки» («кнута и пряника») в отношении России (Yandex, 2006).

Этот оборот — типичная фразеологическая калька, как минимум 20 лет известная русскому языку. Неслучайно и в Википедии в комментариях к уже привычному обороту *политика кнута и пряника* она также включена: «В английском языке используется в форме “морковка и палка” (“*carrot and stick*”), ассоциируясь со способами, которыми можно заставить двигаться упрямого осла. В латыни в таких контекстах противопоставляются хлеб и камень...». Узнаваемость этого выражения обеспечивается именно древней фразеологической моделью, по которой оно образовано.

Как и следовало ожидать, в «лихие 90-е» в русский язык хлынула и волна устойчивых словосочетаний, связанных с банковским делом и капитализацией нашего общества. Вот лишь несколько таких сочетаний с компонентами *банк, акции и деньги*:

зеленый банк 1. ‘о банке «Сбербанк»’ (по цвету эмблемы и оформления офисов «Сбербанка»); 2. ‘банк, придерживающийся принципов экологической ответственности’ [Stěpanova, Dobrova: 37–38]; *голосующие акции* (англ. *voting stocks*) ‘акции, дающие право их владельцу принимать участие в собраниях акционеров и голосовать при принятии решений’; *именные акции* (англ. *registered stocks*) ‘акции, регистрируемые на имя конкретного собственника’; *неголосующие акции* (англ. *vote less stocks*) ‘акции, не дающие их владельцам права голоса на собраниях акционеров, а лишь предоставляющие возможность получения дивиденда’; *привилегированные акции* (англ. *debenture stocks*) ‘акции (в отличие от обыкновенных), гарантирующие доход независимо от результатов хозяйственной деятельности акционерного общества и первоочередность выплаты их стоимости при роспуске без права

голоса на собрании акционеров' [Буцева (ред.) 2009: 49]; *короткие деньги* (англ. *short term money*) 'банковский кредит на небольшой срок (сутки, неделя, две недели)' [Буцева (ред.) 2009: 489]; *пластмассовые (пластиковые) деньги* (англ. *plastic money*) 'о кредитных пластиковых карточках, служащих для расчета за товар или услуги' [Котелова (ред.) 1986б; Левашов (ред.) 1997: 597; Буцева (ред.) 2009: 489].

Понятно, что частотность их употребления в русском языке различна и зависит от профессиональной ориентированности и компетентности говорящих. Тем не менее назвать их окказионализмами нельзя, ибо Интернет фиксирует их в достаточном количестве. Так, например, сочетание *зеленый банк* хотя и не отражено (пока!) в НКРЯ, но употребляется русскими пользователями интернета в довольно репрезентативном количестве контекстов. К первому значению можно отнести такие контексты:

*Работаю с маркетингом нашего самого **зеленого банка** — скучать совсем не приходится* (<http://hvestochka.livejournal.com>).

*Поэтому я после выплаты кредита пришла за справкой о полном погашении в **зеленый банк**. Выяснила «совершенно случайно» об остатке долга в 72 копейки. Которые тоже бы испортили мне много крови. Выплатила и получила справку* (<http://kiss-my-abs.livejournal.com>).

*По ходу все началось с хитрожопости большого **зеленого банка*** (<http://fastinsert.livejournal.com>).

Ко второму — такие:

*Однако некоторые механизмы уже запущены. В рамках этого проекта министры Шотландии сообщают о планах создания «**зеленого**» инвестиционного **банка** для финансирования светодиодного освещения всей Шотландии — GIB* (<https://ecology.md/ru/page/zelenye-investicii-bank-gib>).

*Эксперты обсудили концепцию создания «**зеленого**» **банка** в России* (rareearth.ru).

Конечно, по своему языковому статусу это не фразеологизмы, а лишь устойчивые словосочетания, по функции близкие к терминам. Но они характерны как маркеры активного заимствования англицизмов путем калькирования.

В этой же тематической сфере можно найти и перифразы, и идиомы. Так, оборот *однорукий бандит* (англ. *one-armed bandit*) стал шутливо-ироническим обозначением игрового автомата [Новиков 2004: 13–14; Stěpanova, Dobrova 2018: 37]. Название объясняется тем, что наиболее распространенный тип игровых автоматов «на выигрыш» управляется с помощью одного рычага — им останавливается барабан, указывающий

выигрыш. Об американском «паспорте» этой перифразы давно сообщает пресса:

«Лоус» высадила свой десант на Лазурном берегу, захватив с собой несколько сотен «одноруких бандитов» — так называют игральные аппараты — и соответствующий персонал, который прошел школу в «лучших домах» Лас-Вегаса (Ветры над Монако // Изв. 24.07.1984).

Тематическая группа кáлек, характеризующих меркантильные отношения, пополняется также пословицами и поговорками, давно бытующими в англо-американском языковом пространстве. Типичный пример — разговорное выражение *класть/положить (раскладывать/разложить) [все] яйца в одну корзину* ‘рисковать всем, поставить все на одну карту’, которое бытует и в форме пословичной рекомендации *Не надо класть все яйца в одну корзину*. Их источник — англ.-амер. *to put (to have, to keep) all one's eggs in one basket* (букв. класть яйца в одну корзину; (хранить (иметь) все яйца в одной корзине) ‘то же’ [Шерік, Савічук, Старко 2000: 26]. В американском варианте английского языка оно образовано на основе более старого английского (имеющего и немецкую параллель) оборота *You must not throw everything into the same pot*; нем. *Man soll nicht alles in einem Topf werfen* (букв. нельзя бросать все в один горшок, в одну кастрюлю). Ср. фр. *Il ne faut pas jeter tout dans le même moule* (букв. Нельзя бросать все в одну литейную форму, в одну матрицу) [Pavlica 1960: 190–191]. Американское выражение в новое время было заимствовано и другими европейскими языками — напр., словен. *Ne treba vsega metati v en koš*, х./с. *Ne treba strpati sve u jedan koš* ‘Нельзя во всем поступать одинаково’. В современной русской прессе оно чаще всего употребляется в финансово-экономических рубриках или в рекламе, призывающей к банковской осторожности.

Как видно из приведенных примеров, без многих фразеологических кáлек, которые глубоко и вполне органично вписались в наш язык, уже трудно представить современную русскую социальную, политическую и экономическую жизнь. Но скептик-пурист может сказать: понятно, ведь эти сферы в последнее время практически прямо затронуты чужеродным влиянием, а вот «вечные темы» общечеловеческой жизни и бытия наверняка обошлись без такой иноязычной зависимости.

Что ж, фразеологические кальки на «вечные темы», пожалуй, не столь многочисленны, однако и их в нашем языке немало. К примеру, можно даже собрать небольшой словарь таких оборотов на один из самых необходимых для жизни сюжетов — «Пища». Между прочим, листая фундаментальный трехтомный «Словарь русской пищевой метафоры: Гастрономическая деятельность» Е. А. Юриной и ее соавторов [Юрина (ред.) 2015, 2017, 2019], постоянно находишь оригинальные лексические и фразеологические

заимствования из самых разных языков, объем которых может составить специальный лексикографический справочник заимствованных наименований пищи. Во фразеологическом ракурсе подобные кальки имеют различный семантический диапазон. С одной стороны, это почти нейтральные наименования типа *быстрая еда* (англ. *fast food*) 'еда с уменьшенным временем ее приготовления и употребления' [Буцева (ред.) 2014: 244], которые не совсем успешно конкурируют с прямыми заимствованиями типа *фастфуд*. С другой стороны, это названия с экспрессией, заложенной в их исходном образе, но являющиеся почти составными терминами — такова неодобрительная характеристика еды из генетически модифицированных продуктов *еда Франкенштейна* (англ. *Frankenstein food*) [Буцева (ред.) 2009: 568]. Но «чуждая» пищевая образность достаточно быстро и органично осваивается нашим языком и уже без всяких сомнений воспринимается как своя собственная. Вот два типичных примера.

Пословица о сыре — *Бесплатный сыр бывает только в мышеловке* — вполне злободневное предупреждение легковерным покупателям или потребителям о том, что ничего «бесплатного» не бывает, если за какие-то блага их получатель не платит, это обязательно делает кто-то другой или тот же получатель, но в иной, скрытой форме. Она активно употребляется в русских средствах массовой информации и широко представлена в Национальном корпусе русского языка, став символом бесплатного товара, который может оказаться весьма дорогим. От пословицы *Бесплатный сыр бывает только в мышеловке* образован и фразеологизм *бесплатный сыр* 'приманка, заманивающая в ловушку'. На вид она «чисто русская». Однако хронология пословицы — первое употребление в «Аргументах и фактах» 1995 г. [Мокиенко (гл. ред.) 2002: 248] — сигнализирует о ее заимствованном характере. И действительно: ее связывают с английским прототипом *There ain't no such thing as a free lunch* — *Бесплатных завтраков не бывает*, который также (хотя и довольно редко) употребляется в русском языке. В. Серов приводит и конкретные источники, и факты, повлиявшие на популярность паремии (книга «Искушенный инвестор» (1959) Б. Крейна и роман «Луна — суровая хозяйка» (1966, в другом переводе «Луна жестко стелет») Р. Хайнлайна. Дать своему сочинению полемический заголовок Б. Крейна побудила реалья американской жизни — своеобразная рекламная акция (известная с середины XIX в.) многих баров, когда к заказанному клиентом пиву хозяин подавал и так называемый *free lunch*, то есть «бесплатную закуску». Разумеется, ничего бесплатного тут не было: стоимость закуски включалась в стоимость пива [Серов 2003: 56]. Выражение стало особо популярным в английском языке после выхода в свет (1975) книги американского экономиста-неолиберала лауреата Нобелевской премии (1976) по экономике Милтона Фридмана о новой экономической

политике США. У книги было афористическое название «Бесплатных завтраков не бывает» («There's No Such Thing As a Free Lunch»). Поэтому иногда авторство этого афоризма приписывается М. Фридману.

Некоторые источники приписывают авторство пословицы Маргарет Тэтчер, которая с 4 мая 1979 г. до 28 ноября 1990 г. была премьер-министром Великобритании. Она употребила ее в традиционном варианте *There ain't no such thing as a free lunch* в своем интервью в прямом эфире на советском телевидении. При этом сторонники этой версии не разграничивают пословицу о бесплатном завтраке с пословицей о бесплатном сыре в мышеловке. Тем не менее хронология и аллюзии на фразу М. Тэтчер заставляют предполагать иноязычный источник. Того же происхождения и нем. *Käse umsonst gibt es nur in der Mausefalle*, первая фиксация которой датируется лишь 1993 г., и чеш. *Zadarmo (Zdarma) je jen sýr v pastičce na myši*, венг. *Nincs ingyen sajt, csak az egérfogóban; Ingyen sajt csak az egérfogóban* и др. В пользу приоритетности англо-американского источника свидетельствует наличие старой паремиологической модели *There ain't no such thing as a free lunch* — *Бесплатных завтраков не бывает*. Между прочим, в английском языке есть и варианты пословицы, полностью адекватные ее русской кальке: *There is always free cheese in a mousetrap* 'Бесплатный сыр только в мышеловке'; *Free cheese is only found in the mousetrap* — 'Бесплатный сыр можно найти только в мышеловке'; *The only free cheese is in the mousetrap* 'Единственный бесплатный сыр — в мышеловке'.

Пословица прочно укоренилась в русском языке, причем не только в средствах массовой информации, но и в современной литературе (Н. Александрова «Последний ученик да Винчи», Д. Донцова «Микстура от косоглазия», В. Овчинников «Калейдоскоп жизни», А. Ростовский «По законам волчьей стаи», А. Шубин «Путь к благополучию» и др.).

Второй «вкусный подарок» русскому языку от британцев и американцев — фразеологизм *вишенка на торте*, который уже стал популярным в русской разговорной речи и даже обрел два разных значения — 'заключительный аккорд, последний штрих в череде счастливых, удачных событий; нечто самое лучшее', 'последняя капля в череде каких-л. неприятных событий, явлений, качеств'. Как показывает специальный этимологический анализ [Мокиенко 2019: 141–144], это выражение — калька с английского (амер.) *a cherry on cake, a cherry on top, cherry on top of the cake*. В свою очередь она является вариантом более старого британского фразеологизма *icing on the cake* (букв. глазурь на торте), полностью аналогичного его американскому варианту *frosting on the cake*. Выражение стало популярным во многих европейских языках: белор. *вишанька на торце*, укр. *вишенька на торці*, пол. *wisnia na torci*, чеш. *třešně (třešničky) na dortu*, словц. *čerešňa na torte*, серб. *трешња на торти*, хорв. *trešnja na torti*,

словен. *česnja na torti*, болг. *череша на тортата*, макед. *цреша на тортата*; нем. *Kirsche auf dem Kuchen*, фр. *cerise sur le gâteau*, итал. *ciliegia sulla torta*... В русском же языке оно настолько освоилось, что употребляется в одной «связке» с чисто русскими реалиями — например, с названием старой народной игры *куча мала*:

Но гости отбиваются и устраивают кучу малу, а на глазах хозяев появляются слезы... вишенка на торте. Нет, это не решающая битва Кубка Гагарина и не финал чемпионата мира, а золотой матч первого сезона детской хоккейной лиги Башкортостана. Сергей Бегишев. Скоро из детской лиги выйдут чемпионы мира! (Советский спорт, 2013.03.12).

Как и собственно русские фразеологизмы, фразеологические заимствования могут снижать активность своего употребления, а потом — в силу самых разных обстоятельств — обретать второе рождение. Так произошло с довольно странной перифрастической амальгамой русского уменьшительного существительного *ножки* (реже — *ноги*) с именем бывшего 41-го президента США Буша-старшего — Джорджа Герберта Уокера (1924–2018) — ср. англ. *fried chicken legs*. *Ножками Буша* в 90-е стали шуточно-иронически называть поступающие в Россию преимущественно из США дешевые замороженные куриные окорочка, а затем — и отечественную продукцию такого рода [Буцева (ред.) 2014: 1189]:

От ворот 15-го московского хладокомбината отправлялся назад... рефрижератор, груженный отменными бройлерами... Все холодильники забиты импортным мясом и «ножками Буша» (Сельская жизнь, 01.06.1995).

Бабуля в этот момент еще решала, что ей взять — фарша ли триста граммов или «ножку Буша» (Невское время, 05.08.2000).

Неуклонно росли поставки куриных окорочков в Латвию и Эстонию — при этом если бы все импортируемые туда «ноги Буша» потребляли исключительно местные жители, их (жителей) можно было бы смело заносить в Книгу рекордов Гинесса как исключительных обжор (Новая газета, 2000, 32).

Русские «ноги Буша» расходятся быстрее американских (Эксперт, 2000, 47).

Одно время эта фразеологическая шутка забылась, ибо «ножками Буша» наши потребители насытились и стали понимать, что от них больше вреда, чем пользы. Но вот в 2001 г. сын Буша-старшего, Буш-младший (Джордж Уокер Буш) стал 43-м президентом США, и выражение *ножки Буша* вновь всплыло на нашу языковую поверхность, причем — даже с более мощной иронической стилистикой, поскольку этот продукт начали

называть «пищевой диверсией» 90-х. Вот лишь два свидетельства такой «переоценки ценностей»:

*Нам стали сплавлять куриные объедки. Американцы ведь «**ножки Буша**» не едят. Бедное негритянское сословие ест куриные грудки, кто позажиточнее — индейку, а ножки с когтями отправляют нам — хорошо еще, не головы с клювами. Митрополит Питирим (Нечаев) (Русь уходящая. 1993–2003 [НКРЯ]).*

*В Башкирии выращивают индюшек размером с барана. «**Ножки Буша**» уходят в прошлое. Отечественные птицеводы намерены полностью избавить россиян от некачественного импортного мяса и даже обеспечить индюшатиной (Vesti.ru, 2013.11 [НКРЯ]).*

О том, что это американо-русское выражение обрело отечественное языковое гражданство, свидетельствуют и потенции его переносного употребления, усиливающие экспрессивность:

*Конечно, убийство президента вышибет первую фигуру алавитского режима, как следствие — Сирию дальше можно пластовать по частям **на ножки Буша**. Е. Лукьяница, А. Коц, Д. Стешин. Представитель сирийской оппозиции в России доктор Хамо: Повстанцы: бывшие дезертиры (Комсомольская правда, 2012.07).*

О чем же свидетельствуют примеры, рассмотренные в этой статье? Как кажется, они убедительно доказывают неизбежность межъязыкового взаимодействия и невозможность кардинального «очищения» от иноязычных влияний. И в этом — не слабость, а сила языковой системы, в том числе и нашего «великого и могучего» языка. Даже если искоренить все лексические заимствования (что невозможно по определению), они будут продолжать свое активное внедрение в виде буквальных переводов-калек, внедрение, которого не заметит даже строгий ревнитель «чистоты» языка. Более того, фразеологические кальки сразу же становятся «своими», русифицируясь благодаря знакомому всем говорящим словесному составу. Иногда, конечно, обозначаемое ими содержание может «намекнуть» на чуждую нам экстралингвистическую реальность. Но и в таком случае это — лишь приобретение, а не утрата, ибо новые реалии надо в любом случае как-то понятно обозначать и оценивать. И именно в этом — положительная роль фразеологических калек в любом языке.

Читатель, конечно, заметил, что в статье все примеры фразеологического калькирования приводятся из одного (правда, «раздвоенного») языкового источника — англо-американского. Но если читателей журнала «Русская речь» заинтересует эта тема, то в следующей статье им будет предложен анализ немецких, испанских, итальянских и китайских фразеологических заимствований.

Литература

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
- Буцева Т. Н. (ред.). Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов. СПб.: Дмитрий Буланин, Т. 1 (А–К), 2009. 815 с.; Т. 2 (Клиент-банк–Паркетный), 2014. 1393 с.
- Колиберская И. О. О фразеологических кальках с английского в русском языке // Русский язык в школе. 1980. № 6. С. 83–87.
- Котелова Н. З. (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-79. М.: Русский язык, 1982. 320 с.
- Котелова Н. З. (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-80. М.: Русский язык, 1984а. 286 с.
- Котелова Н. З. (ред.). Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. М.: Русский язык, 1984б. 805 с.
- Котелова Н. З. (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-81. М.; Русский язык, 1986а. 288 с.
- Котелова Н. З. (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-82. М.; Русский язык, 1986б. 253 с.
- Котелова Н. З. (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-84. М.: Русский язык, 1989. 426 с.
- Котелова Н. З. (ред.). Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов). СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. 877 с.
- Котелова Н. З. (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы 1986. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996а. 381 с.
- Котелова Н. З. (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы 1987. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1996б. 352 с.
- Левашов Е. А. (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы 1988. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 420 с.
- Левашов Е. А. (ред.). Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 904 с.
- Мокиенко В. М. Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 287 с.
- Мокиенко В. М. Современная славянская неофразеология: сходства и различия // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме: сборник научных статей. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. С. 137–146.
- Мокиенко В. М. (гл. ред.). Школьный словарь живых русских пословиц. СПб.: Издательский дом «Нева»; ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 352 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения – 3.02.2024).

- Новиков А. Б. Словарь перифраз русского языка. 2-е изд. М.: Русский язык, 2004. 224 с.
- Серов В. В. Крылатые слова: Энциклопедия. М.: Локид-Пресс, 2003. 831 с.
- Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М.: Русский язык, 1987. 239 с.
- Шерік А. Д., Савічук В. Я., Старко В. Ф. Довідник англійських, німецьких та українських ідіом і виразів. Луцьк: Ініціал, 2000. 160 с.
- Юрина Е. А. (ред.). Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1. Блюда и продукты питания. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2015. 425 с.; Т. 2. Гастрономическая деятельность. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2017. 544 с.; Т. 3. Субъект, объект и инструменты гастрономической деятельности. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2019. 454 с.
- Fink Ž. Politika mrkve i batine ili biča i medenjaka // Jezik i mediji – jedan jezik: više svjetova / Ur. J. Granić. Zagreb – Split: Hrvatsko društvo za primijenjenu lingvistiku, 2006. S. 241–250.
- Fink Ž. Što se gura pod tepih i zašto? (kulturološka i sociolingvistička analiza hrvatskog i ruskog frazema) // Славянская фразеология и паремиология в XXI веке. Минск: Змицер Колас, 2010. С. 114–119.
- Pavlica J. Frazološki slovar v peti jeziki. Ljubljana: Postojna, 1960. 688 s.
- Štěpanova L., Dobrova M. Slovník ruských neologismů. Словарь русских неологизмов. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2018. 469 s.

References

- Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1966. 607 p.
- Butseva T. N. (ed.) *Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90th godov* [New words and meanings: Dictionary-reference on materials of the press and literature of the 90s]. St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ. vol. 1 (A–K), 2009. 815 p. vol. 2, 2014. 1393 p.
- Fink Ž. [Carrot and beat or whip and gingerbread policy]. *Jezik i mediji – jedan jezik: više svjetova* [Language and media – one language: multiple worlds]. Ed. J. Granić. Zagreb – Split, Croatian society for Applied Linguistics Publ., 2006, pp. 241–250. (In Croat.)
- Fink Ž. [What is swept under the carpet and why? (cultural and sociolinguistic analysis of Croatian and Russian phrases)]. *Slavyanskaya frazeologiya i paremiologiya v XXI veke* [Slavic phraseology and paremiology in the 21st century]. Minsk, Zmitser Kolas Publ., 2010, pp. 114–119. (In Croat.)
- Koliberskaya I. O. [On phraseological tracing papers from English in Russian]. *Russkiy yazyk v shkole*, 1980, no. 6, pp. 83–87. (In Russ.)
- Kotelova N. Z. (ed.) *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-79* [New in Russian vocabulary. Dictionary materials-79]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1982. 320 p.

- Kotelova N. Z. (ed.) *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-80* [New in Russian vocabulary. Dictionary materials-80]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1984a. 286 p.
- Kotelova N. Z. (ed.) *Novye slova i znacheniya: Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 70^{kh} godov* [New words and meanings: Dictionary-reference on materials of the press and literature of the 70s]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1984b. 805 p.
- Kotelova N. Z. (ed.) *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-81* [New in Russian vocabulary. Dictionary materials-81]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1986a. 288 p.
- Kotelova N. Z. (ed.) *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-82* [New in Russian vocabulary. Dictionary materials-82]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1986b. 253 p.
- Kotelova N. Z. (ed.) *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-84* [New in Russian vocabulary. Dictionary materials-84]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1989. 426 p.
- Kotelova N. Z. (ed.) *Slovar' novykh slov russkogo yazyka (seredina 50^{kh} – seredina 80^{kh} godov)* [Dictionary of new words of the Russian language (mid 50s – mid-80s)]. St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1995. 877 p.
- Kotelova N. Z. (ed.) *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy 1986* [New in Russian vocabulary: Dictionary materials 1986]. St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1996a. 381 p.
- Kotelova N. Z. (ed.) *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy 1987* [New in Russian vocabulary: Dictionary materials 1987]. St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1996b. 352 p.
- Levashov E. A. (ed.) *Novoe v russkoi leksike: Slovarnye materialy 1988* [New in Russian vocabulary: Dictionary materials 1988]. St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1996. 420 p.
- Levashov E. A. (ed.) *Novye slova i znacheniya: Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 80^{kh} godov* [New words and meanings: Dictionary-reference on materials of the press and literature of the 80s]. St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1997. 904 p.
- Mokienko V. M. *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic phraseology]. 2nd ed., rev. and add. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1989. 287 p.
- Mokienko V. M. [Modern Slavic neo-phraseology: similarities and differences]. *Slavyanskie lingvokul'tury v prostranstvennom i vremennom kontinuumе: sbornik nauchnykh statey* [Slavic linguocultures in the spatial and temporal continuum: collection of scientific articles]. Gomel', F. Skorina GSU Publ., 2019, pp. 137–146. (In Russ.)
- Mokienko V. M. (ed.) *Shkol'nyi slovar' zhivyykh russkikh poslovits* [School dictionary of living Russian proverbs]. St.-Petersburg: Neva Publ. House; OLMA-PRESS Publ., 2002. 352 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 3.02.2024)
- Novikov A. B. *Slovar' perifrasy russkogo yazyka* [Dictionary of the periphrases of the Russian language]. 2nd ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 2004. 224 p.
- Pavlica J. *Frazeološki slovar v peti jeziki* [Phraseological dictionary in five languages]. Ljubljana, Postojna Publ., 1960. 688 p.
- Serov V. V. *Krylatye slova: Entsiklopediya* [Winged words: Encyclopedia]. Moscow, Lokid-Press Publ., 2003. 831 p.
- Shanskii N. M., Zimin V. I., Filippov A. V. *Opyt etimologicheskogo slovary russkoi frazeologii* [The experience of the etymological dictionary of Russian phraseology]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1987. 239 p.

- Sherik A. D., Savichuk V. Ya., Starko V. F. *Dovidnik angliis'kikh, nimets'kikh ta ukraïns'kikh idiom i viraziv* [Handbook of English, German and Ukrainian idioms and expressions]. Lutsk, Initial Publ., 2000. 160 p.
- Stěpanova L., Dobrova M. *Slovník ruských neologismů* [Dictionary of Russian neologisms.]. Olomouc, Palacký University Olomouc Publ., 2018. 469 p.
- Yurina E. A. (ed.) *Slovar' russkoi pishchevoi metafory* [Dictionary of Russian food metaphors]. Vol. 1. *Blyuda i produkty pitaniya* [Dishes and food products]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2015. 425 p.; Vol. 2. *Gastronomicheskaya deyatel'nost'* [gastronomic activity]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2017. 544 p.; Vol. 3. *Sub»ekt, ob»ekt i instrumenty gastronomicheskoi deyatel'nosti* [Subject, object and tools of gastronomic activity]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2019. 454 p.

Босяки, босота и нищebroды: новая жизнь старых слов

Нина Николаевна Розанова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), ninarozanova13@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611724020032

аннотация: В статье рассматриваются семантические свойства и особенности употребления в современной разговорной речи слов, обозначающих лиц с низким уровнем материального достатка. Номинации, разделяющие граждан на бедных и богатых, образуют довольно внушительные синонимические ряды. Для обозначения бедных людей (как и богатых) обычно используется лексика, имеющая большую историю и детально описанная толковыми словарями. Однако, попадая в новые конситуативные условия, эти слова утрачивают некоторые семантические компоненты и приобретают другие. В статье рассматриваются такие лексемы, как *голодранец*, *оборванец*, *босяк*, *босота*, *нищebroд*. Некоторые из них (ср. *босяк*, *босота*, *нищebroд*) в толковых словарях имеют помету *устар.* Однако, как показывают современные контексты, стилистический статус таких слов существенно меняется: они приобретают новые значения, происходит их «повторная актуализация». Так, *босяк* как обозначение неимущего человека, относящегося к социальным низам общества, в современной речи все чаще заменяется более актуальным для сегодняшнего времени существительным *бомж*, а само слово *босяк* нередко употребляется для обозначения каких-либо негативных свойств человека. Семантические изменения претерпевает также слово *босота*. Оно употребляется не только (и не столько) для обозначения крайней бедности, но также для выражения негативного, пренебрежительного отношения говорящего к кому-л. Как показывают наблюдения, это слово неплохо знакомо современным носителям

разговорной речи и встречается в двух акцентных вариантах: *босотá* и *босóта*. Актуализируется также и употребление ранее малоупотребительного слова *нищebroд* в значении ‘человек, обладающий низким материальным достатком’.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексикография, семантика, русская разговорная речь, социолингвистика, прагматика

для цитирования: Розанова Н. Н. Босяки, босота и нищebroды: новая жизнь старых слов // Русская речь. 2024. № 2. С. 37–51. DOI: 10.31857/S0131611724020032.

Issues of Modern Russian Language

‘Bosyaki’, ‘Bosota’ and ‘Nishchebrody’: the New Life of Old Word

Nina N. Rozanova, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), ninarozanova13@yandex.ru

ABSTRACT: The article examines semantic properties and usage peculiarities of words that denote individuals with low material wealth in contemporary colloquial speech. Words reflecting the division of people into the poor and the wealthy form rich synonymic sets. To denote the poor (as well as the wealthy) words with a long history, described in detail in explanatory dictionaries, are used. However, in new contexts these words lose some semantic features and acquire new ones. The article addresses such lexemes as ‘golodranec’, ‘oborvanec’, ‘bosyak’, ‘bosota’, ‘nishchebrod’. Some of them (e. g., ‘bosyak’, ‘bosota’, ‘nishchebrod’) are labeled as archaic in explanatory dictionaries. However, as contemporary contexts show, the stylistic status of such words has significantly changed: they develop new meanings, and then their “re-actualization” occurs. So, ‘bosyak’ as a designation for a poor person belonging to the social lower classes of society, in modern speech,

is increasingly being replaced by the noun '*bomzh*', which is more relevant for today, while the word '*bosyak*' itself is often used to designate any negative characteristics of a person. The word '*bosota*' also has undergone semantic changes. It is used not only to denote extreme poverty, but also to express the speaker's negative attitude towards someone. As observations show, this word is quite familiar to modern speakers of colloquial Russian and is found in two accented versions: *bosotá* and *bosóta*. The use of the previously low frequency word '*nishchebrod*' in the meaning of "a person with low material wealth" has also being updated.

KEYWORDS: lexicography, semantics, Russian colloquial speech, sociolinguistics, pragmatics

FOR CITATION: Rozanova N. N. 'Bosyaki', 'Bosota' and 'Nishchebrody': the New Life of Old Words. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 2. Pp. 37–51. DOI: 10.31857/S0131611724020032.

Вводные замечания

Общественно-политические изменения, происходившие в стране в течение последних трех десятилетий и приведшие к резкой поляризации общества как в идеологическом, так и в социально-экономическом отношении, не могли не сказаться на нашей повседневной коммуникации, активизировали многие языковые процессы, в первую очередь в сфере лексики. Это можно заметить, наблюдая, например, над особенностями употребления слов, обозначающих различия между людьми по материальному достатку. Номинации, разделяющие граждан на бедных и богатых, образуют довольно внушительные синонимические ряды. На одном краю этой шкалы со значением 'очень богатый человек' располагаются такие лексемы, как *богатеи*, *буржуй*, *денежный мешок*, *миллионщик*, *толстосум* и др., на противоположном со значением 'очень бедный человек' оказываются слова типа *босяк*, *босота*, *голодранец*, *голь*, *голоштанник*, *беспорточник*, *бесштанник*, *нищebroд*, *бомж* и др. Интересно, что для обозначения очень бедных или очень богатых людей в повседневной речи в основном используется лексика, давно известная носителям литературного языка и подробно описанная толковыми словарями. Однако в разные исторические периоды под влиянием новых реалий семантика этих слов менялась. Так, в послереволюционные годы в соответствии с устойчивым идеологическим постулатом — в Советском Союзе нет и не может быть ни бедных, ни богатых — некоторые из этих лексем либо сопровождалась

пометами *ист.*, *устар.*, *уходящ.*, либо могли иметь ограниченную сферу употребления — только при описании событий из дореволюционного прошлого России или жизни в капиталистических странах. В постсоветский период слова этой тематической группы, как и многие другие «советизмы», подверглись различным семантическим преобразованиям, таким, как деидеологизация, деактуализация, деполитизация, стилистическое транспонирование и др.¹

Семантика и особенности употребления наименований бедных людей в повседневной речи постсоветского периода

Далее будет рассмотрена группа слов, обозначающих людей, находящихся на **нижнем полюсе имущественной шкалы**: *голодранец*, *оборванец*, *босяк*, *босота*, *нищелрод*. В повседневном речевом обиходе данные слова достаточно актуальны, однако значения этих слов, часто встречающихся в современных контекстах, несколько отличаются от значений, представленных в толковых словарях советской эпохи.

1. ГОЛОДРА́НЕЦ, ОБОРВА́НЕЦ

В толковых словарях советского периода при толковании этих слов обычно подчеркивается социально-имущественный компонент значения — принадлежность к социальным низам общества.

См., например, [Чернышев (гл. ред.) 1959]: **Оборванец**, -нца, м. Человек в изорванной, изношенной одежде; босяк, бродяга.

В [Ушаков (ред.) 1938] это значение дается с пометой *устар.*:

ГОЛОДРАНЕЦ: (простореч., презрит.). 2. Бедный до нищеты, малоимущий человек (*устар.*);

ОБОРВАНЕЦ: (*разг., презрит.*). 2. Босяк, бродяга, опустившийся человек (*устар.*).

В современном употреблении компонент значения — ‘принадлежность к определенной социальной группе’ — практически полностью утрачен, однако сохранился общий негативный оттенок в обоих словах.

Ср. соответствующие словарные статьи в [Крысин (ред.) 2014, 2017] (статьи приводятся в несколько сокращенном варианте):

ГОЛОДРА́НЕЦ.

DEF: бедный, неимущий человек; человек с малым материальным достатком. А с нас/ простите **голодранцев/ «бюджетников»** много

¹ Теоретическое осмысление этих семантических процессов было дано в коллективной монографии [Земская (отв. ред.) 1996].

не возьмешь/ вот и подкапывают со стороны правительства под богатых людей// (Фонд «Общественное мнение», Самара, 2003); Давным-давно, в прошлой жизни, во времена Совдепии, работа в газете считалась престижной, хорошо оплачивалась. Теперь репортер — **голодранец** и мученик (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет); Я простой физик, кандидат наук. **Голодранец**, можно сказать... (О. Дивов. Молодые и сильные выживут).

MORPH: м.; одуш.

STYL: пренебр.

SYN: босяк, ободранец, оборванец, оборвыш.

PRAGM: первоначальное значение этого слова — 'человек, одетый в рваную одежду, нищий'².

ОБОРВАНЕЦ.

1. DEF: человек в плохой, изношенной, изорванной одежде. Мы вроде не выглядим **оборванцами**, но как-то в Парке культуры за нами шел милиционер, сообщая по радию: «В таком-то направлении движется группа цыган» (Е. Пряхина. Восемь детей отца Федора // Известия, 30.12.2010); Ты/ старый хрен/ под трибунал пойдёшь за организацию убийства бойцов Красной армии// — Да каких бойцов? Вижу **оборванцев**/ давших дёру с плена/ а не бойцов// Ты чё несёшь-то?! (К/ф «Свои», 2004); Я его встречаю в кожаной куртке. А он — в роскошном пальто. Он говорит: — Немцов, ты что же такой **оборванец**? Ты губернатор всё-таки (Б. Немцов. Провинциал в Москве).

MORPH: м.; одуш.

STYL: пренебр.

SYN: ободранец (в 1 знач.), оборвашка, оборвыш.

2. перен. DEF: тот, у кого мало или нет средств к существованию. Я просил об информационной «поддержке» акции в честь Дня защиты детей. «Российскую газету» просил, главную в стране. Знаете, что ответили мне там? «Идите к черту со своими **оборванцами**» (на спектакль в наш театр были приглашены сироты и дети, чьи родители погибли при исполнении служебных обязанностей) (Хватит губить детей! // Форум, 2011); Он хорошая партия, не то что твой **оборванец** (М. Гиголашвили. Экобаба и дикарь); Веничка не позволяет себе в присутствии посторонних плохо говорить о Гале, но сегодня его вдруг прорвало: «Она столько раз меня унижала! Говорила: “Ты пришел ко мне **оборванцем**. В моем доме только телевизор, купленный на твои деньги”» (Н. Шмелькова. Последние дни Венедикта Ерофеева).

² Автор словарной статьи — Л. П. Крысин.

MORPH: *м.; одуш.*

STYL: *пренебр.*

SYN: босяк, голодранец, ободранец (во 2 знач.), голоштанник, голь, нищелброд³.

2. БОСЯК

Значение слова *босяк* в современных контекстах также претерпевает определенные изменения. Его первоначальное значение — ‘принадлежность к деклассированным элементам общества’ — представлено в ряде словарей советского периода. Ср.: **БОСЯК**, -á, *м.* Представитель деклассированных слоев города; оборванец [Ушаков (ред.) 1935]; **БОСЯК**, -а, *м.* *Доревол.* Представитель деклассированных слоев города и деревни; оборванец [Чернышев (гл. ред.) 1948].

В некоторых словарях в зону толкования включаются замечания идеологического характера: **БОСЯК**, -á, *м.* Опустившийся, обнищавший человек из деклассированных слоев населения в капиталистическом обществе; оборванец [Евгеньева (ред.) 1981].

Слово *босяки* вошло в речевой обиход еще до революции, благодаря М. Горькому, описавшему босячество как социальное явление. Ср. замечание С. И. Карцевского: «Заметим, что *босяки* — тоже слово, введенное Горьким, — иногда именовали себя *горьковцами*» [Карцевский 2000: 233].

Босяк как обозначение неимущего человека, относящегося к социальным низам общества, употребляется и в современной речи, однако все чаще это слово заменяется более актуальным для сегодняшнего времени существительным *бомж* (см. ниже)⁴.

В процессе употребления в повседневной речи у слова *босяк* еще в советский период развиваются переносные значения, «стирающие» основной семантический признак — принадлежность к определенной социальной группе. На первый план выходят характеристики, связанные с расхожими представлениями обывателей о босяках: крайне низкий уровень материального достатка (нет денег, жилья, еды и т. п.), характерные внешние признаки (рваная изношенная одежда, неухоженный болезненный вид), девиантное поведение (много пьет, курит, употребляет наркотики, ругается матом, грубит и т. п.). Босяком можно назвать любого человека, чьи доходы, поведение или внешность вызывают ассоциации с представителем этой социальной группы. Ср. примеры из НКРЯ: *Молодежь [в Париже] одета босяками, как и везде, и настоящая парижанка, то есть сама*

³ Автор словарной статьи — Р. И. Розина.

⁴ Ср.: Заметим, что в [Шведова (ред.) 2007] это значение дается с пометой *устар.*: **БОСЯК**, -а, *м.* (устар.). Опустившийся человек из низших неимущих слоев населения.

элегантность и галльский лоск — это обыкновенно дама под шестьдесят (Труд-7, 28.04.2005); А тут какой-то горный инженер, гол как сокол. <...> родители боялись, что **босяк**-затек будет претендовать на наследство (Известия, 13.01.2013); Фуфа [прозвище известной артистки Фаины Раневской] и бабушка постоянно учили меня хорошим манерам: «За столом нельзя пить — у твоей жены будет муж дурак», — говорила бабушка. «Хлеб нельзя откусывать, нужно отламывать», — настаивала Фуфа. «Он у вас **босяк!**» — обращалась она к Павле Леонтьевне (А. Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь); «Зачем нам музей кино — это прибежище молодых обкуренных **босяков?**» — привел модератор дискуссии Андрей Плахов слова одного из чиновников (Известия, 04.12.2013).

В некоторых контекстах данное слово выражает общее негативное отношение говорящего к человеку, каким-либо свойствам его характера или действиям. Например: (Мать недовольно о сыне-подростке:) Ну куда этот **босяк** опять запропастился? Как за стол садиться/ так его нет! (Запись устной речи, 1999); Она в последнее время полюбила слово «**босяк**» и при каждом удобном случае употребляла его: «Ты ведешь себя, как **босяк**», «Ты стал мрачный и злой, как **босяк**» (Г. Сорокин. Письмо ни от кого).

Интересно, что в работах, посвященных языку одесситов, также отмечается, что данное слово может употребляться для выражения крайне негативного отношения говорящего в чей-л. адрес. Ср.: **БОСЯК** (кроме основного значения) — употребляется в Одессе в значении пренебрежительного названия неделового человека [Котов-Померанченко 2005]. По-видимому, **босяк** как выражение осуждения, упрека или даже презрения в чей-либо адрес является характерной особенностью одесского койне. Неслучайно поэтому это слово используется как речевая окраска для некоторых киногероев. Так, одессит Дзюбин из к/ф «Два бойца» (1943 г.), называет фашистов, разбомбивших его родной город, босяками: — Ай-ай-ай/ что натворили эти **босяки**// — Ну они не только у вас натворили/ всюду они натворили//. Ср. также фрагмент из к/ф «Ликвидация» (2007 г.), действие которого происходит в послевоенной Одессе: Дава/ я извиняюсь/ но ты таки **босяк**/ некому [тебе] задницу надрать// Пять пистолетов/ это не пачка папирос/ они таки стреляют//.

3. БОСОТА́ (БОСО́ТА)

Босота, в отличие от однокоренного *босяк*, в некоторых толковых словарях имеет помету *устар.* (см. [Викисловарь]), в других данное слово отсутствует как неактуальное (см. [Ушаков (ред.) 1935], [Шведова (ред.) 2007]); в [Евгеньева (ред.) 1981] оно представлено лишь в составе фразеологизма *нагота и босота*.

В современной разговорной речи данное слово используется для обозначения людей с крайне низким материальным достатком: **БОСОТА́**, -ы, ж. 2. *собр. Разг.* Неимущие или малоимущие люди. *Собралась одна босота. Городская босота* [Кузнецов (ред.) 1998].

В НКРЯ в основном корпусе найдено 48 случаев употребления этого слова. Большая часть из них имеет значение ‘неимущие или малоимущие люди’. В Корпусе с таким значением встретилось 12 примеров, хронологически относящихся к периоду, начиная со 2-й половины XX в. до настоящего времени. Ср.: *А еще мне повезло, и дядя Коля, сторож при театре, вынес мне почти целую, с одним рукавом, телогрейку, сказал: «Носи, босота! Эту телогрейку Михоэлс надевал!»* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). В газетном корпусе также имеются подобные примеры, ср. один из них: *Некоторые плательщики могут оказаться на грани банкротства. Впрочем, у малоимущих есть иной выход: сдать приватизированную квартиру назад, в муниципальный фонд. И снова остаться в той же квартире простым нанимателем — такой же «босотой», какими мы совсем недавно уже были. Государство дало — государство же и забрало* (Труд-7, 09.03.2002).

В современном речевом обиходе слово *босота* имеет более широкую семантику и употребляется не только (и не столько) для обозначения крайней бедности, но также для выражения крайне негативного, пренебрежительного отношения говорящего к кому-л.: (О компьютерной игре:) *А я над лордом Андре прикалывался и всей его босотой (стражники там всякие): возьму сперва открою дверь тюремной камеры, тресну этому Андре по башке, и в ту же секунду за мной уже бегает стража и сам лорд* (Приколы в Готике-2 // Форум, 2004); (Известный политик о представителях одной из парламентских партий:) *Это убожество и ничтожество, эта босота — просто позор для парламента любой страны* (lenta.ru, 13.09.2016).

Все толковые словари дают слово с ударением на последнем слоге — *босотá*. Однако в реальном речевом употреблении возможно ударение и на втором слоге: *босóта*. Приведем интересный фрагмент записи в ЖЖ, где автор специально ставит прописную букву О во втором слоге, чтобы отметить правильное, по его мнению, ударение в слове: *Человек в реале полный, круглый нолик, но сколько же в нём гонора. Почему бы не похвастаться среди своей босОты, где он спит да похрапывает в сторожке?* (ЖЖ: Хвастаться любит босОта, 2019). На возможность произношения слова с ударением на втором слоге указывают и материалы поэтического корпуса НКРЯ:

*А в Вашингтонском сквере — всякий люд,
Целуются, читают книги, пьют...
На скамьях и богема, и босота.*

*Тот ходит по фонтану колесом,
Тот дует в дудку, там девчонка с псом
Идет сквозь триумфальные ворота.*

(И. Елагин. Сегодня новый замысел возник...)

По-видимому, подобное ударение появилось под влиянием жаргона уголовников, где слово *босота* употребляется в значении 'представитель криминального сообщества'⁵. В повседневной речи этот семантический вариант получил распространение прежде всего благодаря кинематографу и детективной литературе. Ср., например, ставшие крылатыми фразы популярных киногероев: — *Вы уж совсем меня/ за ссученного держите// Чтобы я блатного кореша/ уголовке сдал? Да ни в жись! — А ты его и так сдал// Эх ты/ **босота!*** (Глеб Жеглов, к/ф «Место встречи изменить нельзя», 1979); — *Нет/ я могу помолчать// — Не тяни кота, **босота!*** (Давид Гоцман, к/ф «Ликвидация», 2007). Ср. также примеры из художественной литературы: *Хорошо знали Городулина и уголовники. Не мелочь, не случайная **босота**, а старые, матерые воры, их становилось всё меньше* (И. Меттер. Алексей Иваныч).

Определенный вклад в распространение слова в этом значении внесли и исполнители в жанре русского шансона. Криминальная тематика в их песнях достаточно популярна. Интересно отметить, что в произношении певцов допускаются оба акцентных варианта: *Мой номер 245, на телогреечке печать, / А раньше жил я на Таганке, учил **босоту** воровать* (Гарик Кричевский. Мой номер 245); *Не с проста, не с добра хмель в крови играет. / Сторонись, мусора, **босота** гуляет!* (Иван Кучин. Босаяцкая).

Интересные результаты, во многом подтверждающие высказанные выше наблюдения, были получены при опросе, проведенном А. Р. Пестовой (см. ее блог «Помогите словарю»: https://t.me/pomogite_slovarju/190).

Было задано два вопроса: «1) Знакомо ли Вам слово БОСОТА, что оно значит? 2) Где Вы поставите ударение в этом слове: босОта, босотА?» Участникам предлагалось не заглядывать в словари и «опираться исключительно на свой языковой опыт». Посетители блога приняли достаточно активное участие в опросе: за период с 25.10.2023 по 17.11.2023 они оставили 117 комментариев.

⁵ Ср.: «БОСОТА — представители преступного мира, которые не только придерживаются воровских традиций, но и живут по их канонам. Слово повсеместно употребляется с дореволюционных времен. С начала 1930-х годов так называют и воров в законе» [Зугумов, 2015: 63–64]. *Босота* (с ударением на 2-м слове) в этом значении было известно носителям русского языка уже в 20-е гг. прошлого века. Ср. фрагмент из поэмы И. Сельвинского «Улялаевщина»: *Апосля того сказал: «Дуй, **босота**, на базар, / Сграбим лошадь карюю, / Накормим пролетарию».*

На первый вопрос (дать толкование значения слова) было получено 55 ответов. Их можно представить в виде таблицы:

№	Значение	Число ответов
1.	Отсутствие обуви, чулок или носков на ногах (ср. [Вики-словарь, Ефремова 2006, Кузнецов (ред.) 1998])	5
2.	Крайняя бедность, нищета (ср. [Викисловарь])	1
3.	Неимущие или малоимущие люди, беднота (собр.; ср. [Вики-словарь, Ефремова 2006, Кузнецов (ред.) 1998])	44
4.	Представитель уголовного сообщества (ср. [Зугумов 2015])	5

Как видно из таблицы, для подавляющего числа участников *босота* — это неимущие или малоимущие люди. Ср. типичные ответы: *то же, что беднота, бедные люди, босота = нището́род, как босяки* и т. п. Нередко к босоте относят людей, стоящих на низшей ступени социальной иерархии: *раньше говорили «босяки», то есть беднота, люди без стабильного дохода, люмпены; нищие люди; гопота из самых небогатых низов; сборище маргиналов, беспризорники...* Несколько информантов отметили другие значения слова:

- ‘представители уголовного сообщества’: *маргиналы с криминальным бэкграундом; средний «блатнячок», криминал, неотягощенный убийствами; гопники, шпана* (5 ответов);
- ‘отсутствие обуви, носков, чулок на ногах’: *босые люди; как нагота, только для ног; состояние человека, который ходит босиком* (5 ответов).

Некоторые комментаторы в толкованиях стремились соединить несколько компонентов значения (обычно два), при этом второе значение дается как дополнительное к основному — ‘низкий материальный достаток’: *бедные люди, которые ходят босиком, не имеют денег на обувь; наверное, так про босяков, нищих, безобувных; голодранцы, возможно, стоит внимательнее отнестись к собственному кошельку.*

Как показали ответы **на второй вопрос** о месте ударения, современным носителям русского языка известны оба варианта. На этот вопрос было получено 43 ответа, они распределились следующим образом:

Место ударения в слове:	Число ответов
На 2-м слоге: <i>босОта</i>	25
На 3-м слоге: <i>босотА</i>	15
Возможны оба варианта	3

При выборе того или иного акцентного варианта информанты обычно опирались на **интуицию** или свой **речевой опыт**: *слышала от бабушки; сама бы я сказала с ударением на последнем слоге, но поняла, что мне знаком вариант с ударением на втором слоге; по моему языковому опыту...; часто слышал это слово в 90-е / начале нулевых...* Многие ссылаются на **песни и кинофильмы**: *в каком-то старом фильме слышала босОта; я познакомилась с этим словом благодаря песне Тимура Шаова⁶; В песне «Мой номер 245» поется: «Учил босОту воровать».*

Некоторые отмечали, что выбор места ударения определяется **семантикой слова**. Ср.: *БосОта — это группа молодых парней, готовых решать возникающие проблемы хулиганскими или даже бандитскими методами. БосотА — это бедняки, люди с очень низким заработком. Оба варианта встречал и сложилось именно такое понимание их различия.*

Относительно **употребительности** слова в современной речи мнения разделились: *бабушкино слово; устаревшее, разумеется — в ходу и сейчас, не только в первой половине прошлого века. Столь же неоднородны комментарии по поводу его стилистической принадлежности и экспрессивной оценки: без резкого негатива или сарказма, как в слове нищеброд, например; без стилистических оттенков; чаще всего употребляется в арго; молодежное сленговое слово.*

Таким образом, как свидетельствуют наблюдения и результаты опроса, слово *босота* нельзя отнести к устаревшим, вышедшим из речевого употребления. Оно неплохо знакомо современным носителям РР и встречается в двух акцентных вариантах — с ударением на втором и третьем слогах. При этом место ударения может указывать на семантические различия: *босотá* — бедные, малоимущие люди; *босóта* — представители криминального сообщества.

4. НИЩЕБРОД

До недавнего времени это слово было малоупотребительным и устаревшим. В толковых словарях оно либо отсутствует (ср. [Ожегов 1988], [Шведова (ред.) 2007]), либо имеет помету *устар.* Ср. в [Евгеньева (ред.) 1982]: **НИЩЕБРО́Д**, -а, м. *Прост. устар.* Нищий, попрошайка. *Ученики высмеивали меня, называя ветошником, нищебродом* (М. Горький, Детство). Однако в последние годы оно вновь становится актуальным и достаточно активно употребляется в современной речи, несколько изменив свое значение. Теперь *нищебродом* называют не того, кто собирает подаяние,

⁶ *Мы прорвёмся, да чего там! / Что ж, совсем дурные мы? / Начинать с нуля, босóта! / Кто мне даст пять штук взаймы?* (Т. Шаов. К вопросу об оптимизме после 17 августа 1998 года).

а просто малообеспеченного человека. Такое толкование для современной повседневной речи представлено в [Крысин (ред.) 2017]⁷:

НИЩЕБРОД.

DEF: человек, обладающий низким материальным достатком. *Парень должен ухаживать, дарить цветы, подарки, водить в кино, в кафе и т. д. Если он этого не делает — он жадный, а если у него нет денег на это — он нищеврод!* (Блоги, 2013); *Когда мы с ним [мужем-актером] были «нищевродами», вместе по ночам работали на озвучке мультфильмов, компьютерных игр, а утром шли на репетицию* (Из интервью с актрисой Марией Куликовой // Комсомольская правда, 13.04.2006); *Объявилась ненадолго свекровь-старуха. «Гордится сынами... Степан, Кузьма, Микита, Миколай, Тимофей... — передразнивала ее тетка Фрося и от себя добавляла: — Нарожала нищевродов»* (Б. Екимов. Житейские истории).

MORPH: м.; одуш.

STYL: пренебр. или уничиж.

SYN: босьяк, голодранец, голь, ободранец (во 2 знач.), оборванец (во 2 знач.), побирушка, попрошайка...

Об актуализации данного слова свидетельствуют также многочисленные обсуждения его значения на различных интернет-форумах.

Ниже приводятся фрагменты такого обсуждения. На одном из женских форумов (Women.ru) обсуждался вопрос: «И всё-таки кто такой “нищеврод”?»⁸. Одна из участниц, задавшая тему форума, объяснила причину своего интереса к слову *нищеврод* его распространенностью в интернет-коммуникации: «На этом сайте это слово явно находится в не-официальном “топе”; Просто стало интересно, так как это слово уже стало нарицательным».

Действительно, заданная тема оказалась чрезвычайно актуальной, в ее обсуждении приняли участие многие посетители форума. Ряд ответов не отличается от толкования слова, представленного в [Крысин (ред.) 2017], в котором основной компонент значения — ‘отсутствие материального достатка’: *Это небогатый представитель мужского пола, на бедной машине; Выражаясь простым языком, нищеврод — это бедняк.*

Большинство участников форума дают резко отрицательную оценку личности человека, называемого нищевродом. Интересно, что негативное отношение участников опроса определяется не только (и не столько)

⁷ Автор — Н. Н. Розанова.

⁸ См.: И всё-таки кто такой «нищеврод»? // Форум, 2014–2017; <https://www.woman.ru/relations/medley4/thread/4429091/?ysclid=ln0nup3ztz42789441>.

бедностью нищеброда, сколько отрицательными чертами характера, поведения (лицемерие, показуха, нежелание работать и др.), т. е. добавляется новый семантический компонент. *Культуры — ноль... Не развивается. Гордится тем, что имеет сотовый, но денег на проезд нет. Лентяй/ка; Нищеброд ходит в дырявых ботинках, а на стене у него висит плазма... Нищеброд способен тратить сколь-либо существенные суммы и усилия исключительно на вещи, позволяющие ему понтануться перед другими.*

Таким образом, широко распространившись в современном речевом обиходе, особенно среди молодежи, слово *нищеброд* все более отходит от своего основного значения, обрастая новыми коннотациями. Как можно судить по представленным ниже определениям, значение его в молодежном сленге достаточно диффузно. Ср. высказывания участников разных форумов: *Отличительная черта нищеброда — всегда и во всем искать проблемы (и виноватых)* (<https://azbyka.ru/znakomstva/blogs>); *Нищеброд — это индивидум, который убеждён, что ему постоянно недостаёт денег* (модные-слова.рф); *Нищебродом могут назвать даже человека богатого, но у которого, к примеру плохие моральные качества («моральный нищеброд»)* (<https://lurklurk.com>).

* * *

Завершая эти наблюдения, необходимо отметить, что тематическая группа наименований лиц с низким уровнем материального достатка далеко не исчерпывается перечисленными словами. Слова данного класса образуют довольно длинные синонимические ряды. Значительную часть их нельзя отнести к новым словам. Многие же до недавнего времени относились к разряду устаревших, однако в современной жизни под влиянием новых социально-экономических тенденций стилистический статус таких слов существенно меняется: они приобретают новые значения, происходит их «повторная актуализация».

Литература

- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. Т. 1–4, 2-е изд. М., 1981–1984.
Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3-х т. М.: АСТ: Астрель, 2006.
Земская Е. А. (отв. ред.). Русский язык конца XX столетия. М.: Языки русской культуры, 1996. 480 с.
Зугумов З. М. Русскоязычный жаргон: историко-этимологический толковый словарь преступного мира. М.: Книжный мир, 2015. 728 с.

- Карцевский С. И. Язык, война и революция // Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 215–267.
- Котов-Померанченко В. Язык Одессы. Слова и фразы. Одесса: Изд. Optimum, 2005. 167 с.
- Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи (Вып. 1. А–И; Вып. 2. К–О). М.: Языки славянской культуры, 2014; 2017.
- Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 25.04.2023).
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 20-е, стереотипное. М.: Русский язык, 1988. 750 с.
- Русский Викисловарь, 2004–2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wiktionary.org/> (дата обращения: 25.04.2023).
- Смирнов В. П. Большой полутолковый словарь одесского языка. Одесса: Друк, 2003. 488 с.
- Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. 1–4. М.: ОГИЗ, 1935–1940.
- Чернышев В. И. (гл. ред.). Словарь современного русского литературного языка. Т. 1. М.; Л.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва АН СССР, 1948. 736 с.; Т. 8. М.; Л.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва АН СССР, 1959. 1840 с.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

References

- Chernyshev V. I. (ed.) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The Dictionary of Modern Standard Russian Language]. Vol. 1. Moscow, Leningrad, Publ. House of the AS USSR, 1948. 736 p.; Vol. 8. Moscow, Leningrad, Publ. House of the AS USSR, 1959. 1840 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. 2nd ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1981–1984.
- Efremova T. F. *Sovremennyyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1–3. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2006.
- Karcevskii S. I. [Language, War and Revolution]. Karcevskii S. I. *Iz lingvisticheskogo naslediya* [From Linguistic Heritage]. Moscow, Yazyki Slav'anskoi Kul'tury Publ., 2000, pp. 215–267.
- Kotov-Pomeranchenko V. *Yazyk Odsessy. Slova i frazy* [Language of Odessa. Words and phrases]. Odessa, Optimum Publ., 2005. 167 p.
- Krysin L. P. (ed.) *Tolkovyj slovar' russkoi razgovornoj rechi* [The Dictionary of Russian Colloquial Speech]. Vol. 1. А–И, Vol. 2. К–О. Moscow, YASK Publ. House, 2014, 2017.
- Kuznetsov S. A. (ed.) *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1536 p.

- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 25.04.2023).
- Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian language]. Moscow, Russian Language Publ. 750 p.
- Russkii Wikislovar'* [Russian Wiktionary]. Available at: <https://ru.wiktionary.org/> (accessed 25.04.2023).
- Shvedova N. Yu. (ed.) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [The Dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007. 1175 p.
- Smirnov V. P. *Bol'shoi polutolkovyi slovar' odesskogo yazyka* [The Large Semi-explanatory Dictionary of the Odessa Language]. Odessa, Druk Publ., 2003. 488 p.
- Ushakov D. N. (ed.) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. Moscow, OGIZ Publ., 1935–1940.
- Zemskaja E. A. (ed.) *Russkii yazyk konca XX stoletiya* [The Russian Language at the End of the 20th Century]. Moscow. Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1996. 480 p.
- Zugumov Z. M. *Russkoyazychnyi zhargon: istoriko-etimologicheskii tolkovyi slovar' prestupnogo mira* [The Russian language jargon: historical and etymological explanatory dictionary of the criminal world]. Moscow, Knizhnyi Mir Publ, 2015. 728 p.

Амбициозный и самодостаточный, или Смена духовно- нравственных парадигм

Елена Викторовна Сенько, Северо-Осетинский государственный университет
(Россия, Владикавказ), senkoelena@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611724020049

АННОТАЦИЯ: В статье на примере так называемых модных слов современного русского языка рассматривается изменение значения словарных единиц, понятийной картины мира. В связи с происходящим процессом глобализации в сознании российского общества все чаще закрепляются ценности западного мира, нередко противоположные национальным традициям России. Цель статьи — рассмотреть переосмысление значения слов в свете изменения российских культурно-нравственных принципов. Установлено, что воспринимаемый чужой концепт не всегда полностью ассимилируется в понятийной картине мира принимающего народа, оставаясь чуждым по отношению к ее специфике. В связи с этим можно наблюдать своего рода расщепление смысла одинаковых слов у разных групп населения одного и того же социума. Отдельные группы говорящих могут, например, вкладывать в эти слова другое оценочное значение. Таким образом, возникает конфликт между употреблением слова в новом значении и традиционными национальными образами, присущими русскому менталитету. В свою очередь в языковой личности современного русского человека, который осознает традиционный социальный идеал, но объективно вписывается при этом в новую цивилизацию, возникает смешение противоречивых идей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая картина мира, языковая личность, концепт, расщепление значения, коннотация, сема, менталитет, эклектика

для цитирования: Сенько Е. В. Амбициозный и самодостаточный, или Смена духовно-нравственных парадигм // Русская речь. 2024. № 2. С. 52–64. DOI: 10.31857/S0131611724020049.

Issues of Modern Russian Language

Ambitious and Self-Sufficient, or the Change of Spiritual and Moral Paradigms

Elena V. Sen'ko, North Ossetian State University (Russia, Vladikavkaz), senkoelena@yandex.ru

ABSTRACT: Using the example of so-called fashionable words of the modern Russian language, the article examines the change in the meaning of vocabulary units that represent current fragments of the conceptual and pragmatic picture of the world. In connection with the ongoing process of globalization, the values of the Western world, often contrary to the national traditions of Russia, more and more often become fixed in Russian cultural and moral principles. The purpose of the article is to rethink the meaning of the words in the light of changes in Russian cultural and moral principles. It has been established that a perceived foreign concept is not always completely assimilated into the conceptual picture of the world of the recipient nation, remaining alien in relation to its specifics. In this regard, one can observe a kind of splitting of the meaning of the same words among different population groups of the same society. For example, different groups of speakers may attribute different evaluative meaning to these words. Thus, there is a conflict between the use of the word in a new meaning and traditional national images inherent in the Russian mentality. In turn, in a linguistic personality of a modern Russian person, who is aware of the traditional social ideal, but at the same time objectively fits into a new civilization, various contradictory ideas might clash together.

KEYWORDS: linguistic picture of the world, linguistic personality, concept, splitting of meaning, connotation, seme, mentality, eclecticism

FOR CITATION: Sen'ko E. V. Ambitious and Self-Sufficient, or the Change of Spiritual and Moral Paradigms. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 2. Pp. 52–64. DOI: 10.31857/S0131611724020049.

XXI век — время интенсивных перемен в русском языке. Свидетельство этому — многие факты, в частности активное пополнение лексики, обусловленное несколькими причинами, в числе которых большое число иноязычных заимствований, размытость функционально-стилевых границ, так называемая либерализация языка, способствующая повышению лексического статуса жаргонно-арготического пласта русского словаря, возникновение письменной непринужденной речи и т. д. В связи с этим наблюдается изменение языкового вкуса носителей русского языка и, соответственно, их речевого поведения. Ряд лингвистов объясняют сложившуюся ситуацию «порчей» традиционного русского языка, предвещая его грядущую гибель (см. об этом [Кронгауз 2006: 5]). Однако «дело не в порче языка, а в том, что неприметным образом циническое представление о мире подается как нечто само собою разумеющееся, не имеющее альтернатив» [Шмелев 2007: 9]. Таким образом, особые беды русскому языку не грозят, но подобные утверждения не беспочвенны и поэтому требуют некоторого внимания.

Известно, что в языке отражается объективная действительность. Представления о мире, входящие в семантику лексических единиц, складываются в специфическую общенародную систему взглядов. Человек принимает эти представления непродуманно, ибо они скрыто входят в семантическую структуру слова. Употребляя в процессе коммуникации различные языковые единицы, содержащие определенные смыслы, носитель языка автоматически воспринимает и заключенное в словах осмысление окружающего мира, то есть его концептуализацию.

В структуре концепта — комплексного мыслительного образования — обычно выделяют «образно-перецептивный и понятийный компоненты и ценностную составляющую» [Карасик 2004: 118]. Наличие указанных компонентов указывает на связь концепта, во-первых, с языком — определенной структурой и системой знаков, во-вторых, с человеком и его деятельностью (мыслительной, речевой), в-третьих, с культурой, если исходить из рассмотрения последней как определенной системы ценностей и идей. Таким образом, основу концепта составляет чувственный образ,

к которому привязаны знания о мире. В языке происходит объективация (опредмечивание) концепта с помощью различных способов, прежде всего словами.

Существуют концепты, стабильные в плане своего содержания, и концепты, составляющие которых неоднородны в языковом сознании отдельных лиц, социальных групп и народов. Неоднозначно воспринимаемые концепты могут вступать в конфликты с чуждыми концептосферами, что проявляется прежде всего в несовпадении ценностных компонентов понятия. Именно в таком ключе можно посмотреть на многие слова современного русского языка, которые активно употребляются в повседневной речи многих людей.

Целый ряд таких слов связан, как утверждается, с получившей широкое признание в современном российском обществе идеологией карьеры и наслаждения, что в русской культуре никогда не рассматривалось как необходимая жизненная ценность. Сейчас же достижение популярности, славы, выгоды, то есть социальный рост — основополагающее условие признания престижа той или иной личности в определенном обществе. В связи с этим прилагательное *амбициозный* представляется нам одним из самых востребованных в современном русском языке.

Слово *ambitio* «тщеславие, честолюбие, рвение» латинского происхождения; сохраняя негативную оценку, оно пришло к нам не прямо, а через язык-посредник, в роли которого выступил французский язык. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля приводится аналогичное негативное определение данного имени прилагательного — «себялюбивый, тщеславный, жадный до почестей» [Даль 2006: 69]. Такое определение присутствует и в поздних редакциях «Словаря русского языка» С. И. Ожегова, где приведены два значения производящего слова *амбиция*: «1) обостренное самолюбие, а также спесивость, чванство, 2) обычно мн. претензии, притязания на что-либо (неодобр.)» [Ожегов 2019]. Интересно заметить, что в более раннем издании «Словаря русского языка» С. И. Ожегова под редакцией С. И. Обнорского в определении рассматриваемого слова присутствует и положительный компонент: «самолюбие, чувство чести (выделено мною — Е. С.), а также спесивость, чванство» [Ожегов 1949: 10]. Однако в позднейшей лексикографической практике положительные характеристики амбициозного человека не отмечаются. Ср.: «обостренное самолюбие, чрезмерное самомнение; чванство, спесь» [Ефремова 2006: 46]; «преувеличенное самолюбие, соединенное с тщеславием» [Алабугина 2016: 16].

По мнению ряда исследователей, в современном употреблении слово *амбициозный* функционирует в новом лексическом значении: оно обозначает нечто «значительное, ориентированное на решение актуальных за-

дач» [Апресян (ред.) 2014: 77]. Таким образом, в семантической структуре данного имени прилагательного прагматический¹ компонент резко изменился, сменив минус на плюс, то есть приобрел положительную коннотативную² окраску. Семантическая трансформация обусловила новую сочетаемость слова. Если раньше прилагательное *амбициозный* соединялось с названиями лиц, то в настоящее время определяемое слово обозначает и объект деятельности того или иного лица, и результат этой деятельности: программу, проект, план: *С помощью частных инвестиций предприятие воплотит в реальность амбициозный план, который поможет ему занять лидирующую позицию в отрасли* (Известия, 2020.12)³.

Сомнительно, что рассматриваемое новшество возникло в самой русской языковой системе в результате семантического процесса не прямой номинации: в национальном русском мировосприятии амбициозный человек всегда характеризовался только с отрицательной стороны, ибо был представлен как обладатель только негативных моральных черт, в частности корыстолюбия, высокомерия и подлости. Изменение значения рассматриваемого прилагательного есть результат семантического калькирования соответствующего английского слова, которое в отличие от русского соответствия обозначает признак целеустремленного человека, который, ставя себе сложные задачи, претендует на высокую оценку результатов своей деятельности [Маринова 2012: 62]. Однако воспринимаемый чужой концепт, как уже отмечалось, не всегда ассимилируется в понятийной картине мира принимающего народа — он может сохранять статус чужеродного элемента. «Иногда концепт заимствуется в “исходном” виде, и это влечет за собою перестройку соответствующего фрагмента языковой картины мира» [Шмелев 2009: 21].

Аналогичная ситуация сложилась и при вторичном заимствовании имени существительного *амбиции*: вместе со словом был импортирован и чуждый русскому человеку, его национальному сознанию концепт, который, однако, легко оказался в приоритете в современной системе морально-нравственных ценностей значительной части русских людей. Таким образом, семантический неологизм, появившейся в современном русском языке, был обусловлен пересмотром ценностных ориентиров в российском обществе. Амбициозный человек становится своего рода приоритетом в социальной градации, в иерархии от низшего к высшему, а постоянное стремление достичь желаемого любой ценой, не ограничиваться тем, что

¹ То есть выражающий в процессе коммуникации отношение человека к компонентам языка, например, к словам, а через них — к самим обозначаемым предметам, явлениям.

² Коннотативный — выражающий эмоциональную, стилистическую или оценочную окраску языковой единицы.

³ Примеры здесь и далее взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

у тебя есть, превращает такого человека в некоего «достигатора». «Достигаторство» и есть лейтмотив в жизни амбициозного человека.

Однако, хотя сейчас высокие идеалы и устремления не приветствуются речевой модой (на первом плане теперь только амбиции) и многочисленные контексты, в которых фигурирует слово *амбициозный*, оцениваются явно положительно, нельзя сказать, что слово полностью утратило негативный оценочный компонент.

Возникает вопрос почему.

Во-первых, достаточно значительное количество современных контекстов употребления слова *амбициозный* свидетельствует об актуальности его традиционной семантики и негативной прагматической окраске. См., например: *Может ли случиться так, что грант получит не гениальный ученый, а посредственный, но амбициозный?* («Русский репортер», № 28 (156), 2010); *Вместо образованного, гуманного человека — в результате опытов получился властный невежда, крикливый и амбициозный* (М. К. Кантор. Медленные челюсти демократии. 2008).

Во-вторых, очевидно, следует говорить о том, что именно идеологическая дифференциация современного социума, то есть внешний (экстралингвистический) механизм обусловил «двуликость» рассматриваемого речевого феномена. Слово *амбициозный* употребляется с положительной окраской той частью современного российского общества, которой импонируют западные моральные ценности. По мнению же других социальных слоев, новая система не может способствовать духовно-нравственной оптимизации современного состояния общества, привести к тем или иным положительным результатам: амбициозные в новом понимании люди фактически очень часто имеют статус весьма удовлетворительных сотрудников.

Таким образом, можно констатировать расщепление понятийной структуры лексической единицы, обуславливающее возникновение нетождественной семантики слова у разных групп населения определенного социума. Происходит конфликт употребления слова в новом значении с традиционными национальными образами, присущими русскому менталитету. Подобные явления в языке не есть нечто неординарное: бесспорно, что отношения между средствами языка и теми, кто ими пользуется, часто зависят от идеолого-политической позиции носителей языка. В свое время А. И. Солженицын тонко подчеркивал разное «понимание» одних и тех же слов представителями одной этнической общности: «Несчастливая страна, в которой демократ и патриот — слова ругательные» (Комсомольская правда, 19.09.9).

Как известно, каждое общество в лице своих членов неизбежно дает оценку всему окружающему: на основе этой оценки осуществляется

поведение людей, формируются их взгляды, межличностные отношения, оцениваются жизненные обстоятельства. Примером сказанного может служить имя прилагательное *самодостаточный*, которое ассоциируется со стремлением к личной независимости. Именно данная причина способствовала тому, что в современной речевой практике это слово весьма частотно, как отвечающее языковому вкусу целого ряда носителей русского языка. Стали привычны *самодостаточные люди, самодостаточный индивид, самодостаточный образ* и т. п. Наиболее частотно словосочетание *самодостаточный человек (мужчина, женщина, подросток, специалист, субъект* и т. п.). Самодостаточность стала основой образа жизни многих людей.

Какие же базовые характеристики создают стереотипное представление о самодостаточном человеке?

В «Толковом словаре русского языка» прилагательное *самодостаточный* зафиксировано в значении «достаточно значительный сам по себе» с пометой «книжн.» [Ожегов 2019]. В «Энциклопедическом словаре» с той же самой функционально-стилевой пометой толкуются два лексико-семантических варианта рассматриваемого прилагательного: «обеспечивающий вполне достаточные условия для кого-чего-л. без привлечения чего-л. другого, дополнительного» и «о человеке, обладающем большой степенью внутренней независимости» [Энциклопедический словарь 2009]. «Большой академический словарь русского языка» характеризует *самодостаточного человека* как «обладающего большой степенью собственной независимости, не нуждающегося в чьей-л. помощи, поддержке и т. п.» [Герд (ред.) 2017: 295].

Итак, самодостаточному человеку никто не нужен, он сам себе достаточен; данная семантика мотивируется словообразовательной структурой прилагательного: «сам- + -о- + достаточ- + -н- + -ый»: *У меня никогда не было ощущения одиночества, я самодостаточный человек* (Аргументы и факты, 2000.01); *Она бы не удивилась, если бы узнала, что Игорь правда живет один — был он какой-то весь самодостаточный, будто никто ему и не был нужен* (А. Б. Сальников. Петровы в grippe и вокруг него // «Волга», 2016).

Интересно, что термин *самодостаточность* как заглавное слово словарной статьи в лексикографических справочниках отсутствует. «В роли синонима к данному имени существительному выступает греческое слово *автаркия* (αὐτός “сам” и κράτος “нахожусь в достатке”) — самодостаточность, самоудовлетворенность; ...достигнуть автаркии согласно учению греческого философа Антисфена... человек может только путем ограничения своих потребностей, проводя жизнь в труде, избегая наслаждения

и роскоши, портящих человека» [Нахов 1982: 223]. Современный самодостаточный человек, конечно, далек от того, кто достиг автаркии.

Толкование прилагательного *самодостаточный* в словарях и контексты его употребления позволяют выделить в его лексическом значении следующие элементы (дифференциальные семы):

- самостоятельный, уверенный в себе, даже самоуверенный: *Нуреев с журнальных обложек — усмехающийся, самодостаточный, презирующий само понятие «хорошего вкуса» и уверенный, что ему принадлежит мир* (lenta.ru, 2017.12);
- независимый, не поддающийся чужому влиянию: *Эксперт подчеркнул, что госсекретарь США Кондолиза Райс — самодостаточный политик и не стоит ожидать, что новый человек окажет на нее влияние* (РБК Daily, 2007.12);
- не нуждающийся в чьей-либо помощи, при этом не опасющийся оказаться в одиночестве: *Но я самостоятельный и самодостаточный человек, способный выдержать и одиночество, и свою незавидную свободу* (Труд-7, 2007.12);
- способность к принятию жизненных выборов и решений, невзирая на общественное мнение: *Мы долго спорили, но переубедить Неёлову оказалось невозможно — она абсолютно самодостаточный человек* (Аргументы и факты, 2006.04);
- умение выживать в любой неблагоприятной обстановке: *...ничего вечного в этой жизни не бывает: «Пока же я готов работать столько, сколько мне будет позволено. Я — вполне самодостаточный человек. И боязни вновь перейти, что называется, на творческие хлеба, у меня нет»* (Аргументы и факты, 1999.01);
- думающий только о личном успехе: *Юра Самохвалов, он же Олег Басилашвили — человек с говорящей фамилией, Само-хвалов, самодостаточный... карьерист, не прочь загрести жар чужими руками* (Форум: рецензии на фильм «Служебный роман». 2006–2010);
- ставящий на первое место свои интересы, игнорируя интересы других людей: *Я самодостаточный человек и могу себе позволить заниматься тем, что мне нравится* (Ведомости, 2018.06);
- считающий, что высокий уровень материальной обеспеченности есть необходимое условие жизни: *Я тут вывел обобщенный образ современного сенатора от Петербурга — это кто-то из крупных промышленников или банкиров, завязанный на город, финансово самодостаточный* (Коммерсант, 2001.06); — *Сможете ли вы обеспечить Наталье «королевскую» жизнь, к которой она привыкла... — Наталья — самодостаточный человек* (Аргументы и факты, 2002.03).

Психологи утверждают, что в настоящее время самодостаточность как личностная черта, определяющая человеческий характер и природу, становится одной из определяющих «маркеров» современного члена общества. Этому способствуют определенные социальные факторы, а именно:

- современные технологии, обеспечивающие возможность выполнения многих процессов, в том числе хозяйственных, цифровыми системами (никто не сомневается, например, в том, что с уборкой может успешно помочь робот-пылесос, а умный холодильник напompнит о необходимости совершить покупки);
- гендерное равенство, позволившее обеспечить равные возможности сделать карьеру лицам обоих полов, что исключило необходимость женщинам обязательно выходить замуж, чтобы иметь финансовую подушку безопасности;
- процесс урбанизации, обуславливающий приоритет городского образа жизни, что в свою очередь обуславливает большие возможности карьерного роста и, соответственно, самореализации [Иваницкая 2021];
- определенную роль сыграла пандемия COVID-19, которая также способствовала развитию самодостаточности не только индивидуумов, но и отдельных социальных групп.

Процесс актуализации самодостаточности прямо противоположен процессу глобализации, так как он обуславливает дифференциацию различных систем, способствующую возникновению отдельных самообслуживающихся социальных групп. Современная социологическая наука квалифицирует сложившуюся ситуацию как актуальный тренд в развитии российской социальной реальности.

Тем не менее нельзя категорически утверждать положительную прагматическую семантику рассматриваемого слова, поскольку в нее вкладывается не всегда позитивная характеристика человека, что подтверждают примеры словоупотреблений Национального корпуса русского языка; имеют место и такие речевые контексты, которые демонстрируют ярко выраженное отрицательное отношение субъекта к данному феномену.

Ср. следующие полярные примеры:

Россия — самодостаточный культурно-цивилизационный феномен, со своим историческим кодом, системой архетипов социальности, культуры, духовности... (Парламентская газета, 2018.11); «Мы самодостаточная страна, у нас абсолютно самодостаточный президент с не меньшим опытом, чем у господина Байдена», — заявил представитель Кремля... (Vesti.ru, 2020.12).

Он тяжелый человек: самодостаточный, где-то даже самовлюбленный (Советский спорт, 2008.02.15); А там, где существует неуправляемый, самодостаточный госаппарат, там, естественно, и коррупция (Комсомольская правда, 2005.07).

В зависимости от того, какой семантический признак в семантической структуре прилагательного *самодостаточный* воспринимается в качестве актуального, в речевой практике носителей языка проявляются и разные оценки самодостаточного человека: если в приоритете такие характеристики, как «самоуверенный, самовлюбленный, безразличный по отношению к другим», то самодостаточный человек воспринимается явно с отрицательной точки зрения; если же самодостаточность понимается как черта цельной, независимой личности, то есть человека с социально значимыми качествами, то самодостаточный человек оценивается положительно.

Таким образом, в современном русском языке понятие «самодостаточный человек» не имеет четкого определения, а отношение к самодостаточным людям не является однозначным; их оценка двойственна.

Может ли самодостаточность повлиять на наше будущее? Действительно ли нам больше не нужны несамодостаточные люди? И неамбициозные? На данный момент развития российского общества четкий ответ отсутствует, но, думается, определенные выводы все-таки можно сформулировать.

Как известно, менталитет нации является ярким отражением ее национальной идентичности. В центре русского менталитета находятся определенные предпочтения, в частности «внутреннее единение людей на основе общности духа ..., движение мысли возможно лишь в диалоге, а не в дискурсивной последовательности монолога, ... соборность — именно та целостность, которая и определяет все особенности русского менталитета [Колесов 1999: 135, 136]. В связи с этим все действия, мысли человека нравственны, что обуславливает вторичность приземленных, практических установок, если на первый план выходит более высокая, духовно окрашенная идея. Понятно, что слова *амбициозный* и *самодостаточный* понятийно и прагматически входят в конфликт с традиционными национальными образами. Языковая личность современного русского человека прекрасно осознает традиционный социальный идеал, к которому надо стремиться, но при этом эта же личность уже вписывается в новую цивилизацию. Возникающий внутренний конфликт обеспечивает «некую эклектику в языковой личности» современного носителя языка [Шаклеин 2012: 123]. Таким образом, по словам В. М. Шаклеина, современная русская языковая личность — своего рода котел с супом из несочетаемых

ингредиентов; какое блюдо будет в итоге, покажет история русской лингвокультуры. Теперь понятно, почему слова типа *амбициозный* и *самодостаточный* отрицательно воспринимаются приверженцами традиционных духовно-нравственных установок и положительно оцениваются сторонниками новой цивилизации. Хотя, может быть, следует обратить внимание на следующее утверждение: *Аутотропный (самодостаточный) человек — это новый вид на следующем этапе нашей эволюции* (Аргументы и факты, 2002.12)?

Литература

- Апресян Ю.Д. (ред.). Активный словарь русского языка. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2014. 408 с.
- Алабугина Ю. В. Толковый словарь русского языка с приложениями. М.: Издательство АСТ, 2016. 511 с.
- Герд А. С. (ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 24. М.: СПб.: Наука, 2017. 670 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. 1. 752 с.
- Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка М.: АСТ, 2006. Т. 1. 1168 с.; Т. 3. 976 с.
- Иваницкая А. Эпоха самодостаточности: люди перестали быть нужными друг другу [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/tech/47094906-epocha-samodostatochnosti-lyudi-perestali-byt-nuzhnyimi-drug-drugu/> (дата обращения: 14.01.2023).
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. 389 с.
- Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». СПб.: Златоуст, 1999. 386 с.
- Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2018. 512 с.
- Маринова Е. В. Могут ли амбиции быть здоровыми? // Русская речь. 2012. № 5. С. 57–63.
- Нахов И. М. Философия киников. М.: Наука, 1982. 223 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://avidreaders.ru/book/filosofiya-kinikov.html> (дата обращения: 14.01.2023).
- Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. С. П. Обнорского. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1949. 968 с.
- Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд. М.: Мир и образование, 2019. 1376 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://ibooks.ru/bookshelf/380010/reading> (дата обращения: 23.01.2023).
- Шаклеин В. М. Цивилизационная эволюция русской языковой личности // Язык как система и деятельность — 3. Материалы Международной научной конференции / отв. ред. Е. Я. Кедрова. Ростов н/Д: Изд-во НМЦ «Логос», 2012. С. 120–123.

Шмелев А. Д. Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ / отв. ред. Л. И. Ручина. Нижний Новгород, 2007. С. 7–11.

Шмелев А. Д. Русская языковая картина мира: системные сдвиги // Мир русского слова. 2009. № 4. С. 14–21.

Храмцова Н. Л. Динамические процессы в прагматически маркированной лексике в русском языке в начале XXI века (на примере слова амбициозный) // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7. № 2. С. 143–158.

Энциклопедический словарь (2009) [Электронный ресурс]. URL: <https://niv.ru/doc/dictionary/encyclopedia/index.htm> (дата обращения: 14.01.2023).

References

Alabugina Yu. V. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s prilozheniyami* [Explanatory dictionary of the Russian language with applications]. Moscow, AST Publ., 2016. 511 p.

Apresyan Yu. D (ed). *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [Active Russian Dictionary]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2014. Vol. 1. 408 p.

Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, RIPOL Klassik Publ., 2006. Vol. 1. 752 p.

Efremova T. F. *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, AST Publ., 2006. Vol. 1. 1168 p.; Vol. 3. 976 p.

Entsiklopedicheskii slovar' (2009) [Encyclopedic Dictionary (2009)]. Available at: <https://niv.ru/doc/dictionary/encyclopedia/index.htm> (accessed: 14.01.2023).

Gerd A. S. (ed.). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Big academic dictionary of the Russian language]. Vol. 24. Moscow, St. Petersburg, Nauka Publ., 2017. 670 p.

Hramcova N. L. [Dynamic processes in pragmatically marked vocabulary in the Russian language at the beginning of the 21st century (using the example of the word ambitious)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2017, vol. 7, no. 2, pp. 143–158. (In Russ.)

Ivanickaya A. *Epoha samodostatochnosti: lyudi perestali byt' nuzhnymi drug drugu* [The era of self-sufficiency: people no longer need each other]. Available at: <https://news.rambler.ru/tech/47094906-epoha-samodostatochnosti-lyudi-perestali-byt-nuzhnymi-drug-drugu/> (accessed: 14.01.2023). (In Russ.)

Karasik V. I. *Yazykovoi krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, GNOZIS Publ., 2004. 389 p.

Kolesov V. V. *"Zhizn' proiskhodit ot slova..."* ["Life comes from the word..."]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 1999. 386 p.

Krongauz M. *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian language on the verge of a nervous breakdown]. Moscow, AST: CORPUS Publ., 2018. 512 p.

- Marinova E. V. [Can ambition be healthy?]. *Russkaya rech'*, 2012, no. 5, pp. 57–63. (In Russ.)
- Nahov I. M. *Filosofiya kinikov* [Cynic Philosophy]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 223 p. Available at: <https://avidreaders.ru/book/filosofiya-kinikov.html> (accessed: 14.01.2023).
- Ozhegov S. I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language]. Ed. by L. I. Skvortsov. Moscow, Mir i Obrazovanie Publ., 2019. 1376 p. Available at: <https://ibooks.ru/bookshelf/380010/reading> (accessed: 14.01.2023).
- Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Ed. by S. P. Obnorsky. Moscow, State Publ. House of Foreign and National Dictionaries, 1949. 968 p.
- Shaklein V. M. [Civilizational evolution of the Russian language personality]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii "Yazyk kak Sistema I deyatel'nost' – 3"* [International scientific conference "Language as a system of ideas – 3"]. Rostov n/D, 2012, pp. 120–123.
- Shmelev A. D. [Russian language picture of the world: system shifts]. *Mir russkogo slova*, 2009, no. 4, pp. 14–21. (In Russ.)
- Shmelev A. D. [Russian literature in the context of world culture]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii ROPRYaL "Russkaya slovesnost' v kontekste mirovoi kul'tury"* [Proc. of the International scientific conference "Russian literature in the context of world culture"]. Nizhnii Novgorod, 2007, pp. 7–11. (In Russ.)

Повергаются ли *верги*? (к вопросу о происхождении предполагаемого финского заимствования в русских говорах Северо-Запада)

Алина Сергеевна Алексеева, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), alevtina.sergeevna@gmail.com

DOI: 10.31857/S0131611724020058

АННОТАЦИЯ: В диалектных и этимологических словарях русского языка с кон. XIX в. фиксируется лексема *верги* ‘заклинания, чары, колдовство’, которая проиллюстрирована одним-единственным примером, записанным Г. И. Куликовским в Ялгубе (Карелия). Большинство исследователей склонны считать, что слово восходит к фин. *verha* ‘жертва’, но увеличение источниковой базы позволяет по-новому взглянуть на историю слова. Во-первых, лексема *верга* содержится в записи обряда из Олонецкого сборника заговоров второй четв. XVII в., что является на данный момент самой ранней фиксацией, причем в форме ед. ч. Во-вторых, в словаре А. Неовиуса и в экспедиционных записях 1935 г. в Койвисто и др. приводятся обряды, в которых используется *verha*. Практически во всех обрядах с *верга/verha* предмет необходимо бросить, что наводит на мысль о древнерусском этимоне (ср. с *врещи*, *въргоу* ‘бросать, кидать’). Финноязычное население с контактных территорий могло заимствовать понятие после 2-й пол. XII — сер. XIII в., т. к. е в *verha* отражает прояснившийся редуцированный.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: древнерусский язык, Олонецкий сборник, этимология, карельские диалекты, обряды

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Алексеева А. С. Повергаются ли *верги*? (к вопросу о происхождении предполагаемого финского заимствования в русских говорах Северо-Запада) // Русская речь. 2024. № 2. С. 65–76. DOI: 10.31857/S0131611724020058.

From the History of the Russian Language

On the Origin of the Borrowing *Вергу* in the Russian Northern-Western Dialects

Alina S. Alekseeva, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), alevtina.sergeevna@gmail.com

ABSTRACT: Since the end of the 19th century a lexeme *вергу* ‘incantations, charms, sorcery’ has been illustrated by a single example recorded by G. I. Kulikovskiy in Yalguba (Karelia) in the dialectical and etymological dictionaries of the Russian language. Researchers tend to believe that the word goes back to Finnish *verha* ‘sacrifice’, but an increase in the source base allows us to take a fresh look at the history of the word. Firstly, the lexeme *верга* is contained in the rite in the Olonetsky collection of charms (2nd quarter of a 17th century) and is currently the earliest fixation of the word in a singular form. Secondly, the dictionary of A. Neovius and the expedition records of 1935 in Koivisto and other places fix rituals containing the lexeme *verha*. In almost all the rituals with *верга/verha* the object must be thrown, which permits to suggest the Old Russian etymon (compare *врецуи, вързоу* ‘to throw’). The Finnish-speaking population from the contact territories could borrow the lexeme after the 2nd half of the 12th — the middle of the 13th century, because the vowel *e* in *verha* reflects the change of the reduced vowel.

KEYWORDS: Old Russian language, Olonetsky sbornik, etymology, Karelian dialects, rituals

FOR CITATION: Alekseeva A. S. On the Origin of the Borrowing *Вергу* in the Russian Northern-Western Dialects. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2024. No. 2. Pp. 65–76. DOI: 10.31857/S0131611724020058.

Рукописный сборник заговоров, известный под названием Олонецкого (далее ОС), примечателен тем, что фиксирует не только русскоязычные тексты второй четв. XVII в., но и 11 записей на карельско-вепском диалекте, которые встречаются в двух частях рукописи, писанных разными почерками¹. Такое соседство неудивительно ввиду происхождения сборника: оба писца были носителями новгородского диалекта или говоров северо-восточной новгородской периферии², контактирующих в том числе с финноязычным населением. Особенный характер этой связи вскрывает запись на лл. 19 об.–20, представляющая собой фиксацию обрядов, проводившихся над новорожденным теленком.

1. Прочтение записи

И В. И. Срезневский, и А. Л. Топорков читают завершающий фрагмент обряда сходным образом: *восѣ тебѣ, семла ма^т, верча ѿ сеи животине*; старой поблюди¹, а молод^о подро^ди [Срезневский 1913: 493], *Восе тебе, земля мат(и), верча³ от сей животине*; старой поблюди, а молодой подро^ди [Топорков 2010: 110–111]. Однако при обращении к рукописи ОС выяснилось, что во втором почерке начертание графемы *ч* имеет более выраженную чашечку (Рис. 2), и, соответственно, место следует читать как *верга w(t) сеи животине*.

¹ Подробнее об истории и составе ОС см. в [Топорков 2010: 37–86]. О понятии *карельско-вепский* применительно к ОС пишет С. А. Мызников [Мызников 2010: 286–310].

² Для диалектов обоих писцов характерны переход ударного [ê] > [и], полное оканье, твердое качество <ж>, реализация долгого глухого шипящего в виде [ш'], звонкого — [ж], неразличение аффрикат, синкретизм сущ. * а-скл. Р.–Д.–М. ед., флексия *-ыма/-има* у прилагательных в Т. мн., конструкции с экзистенциально-модальным *есть* при формах настоящего времени. В части, записанной вторым почерком, также отмечены предлог *ув*, взрывной характер звонкого задненебного, флексия *-амы/-ямы* у существительных в Т. мн., И. п. в клаузах с причастиями. При этом в обеих частях сборника отражаются два типа синкретизма Р.–Д.–М. ед. существительных *а-скл., что можно интерпретировать и как смешение, типичное для данной половины столетия, и как использование нескольких contemporaneous источников [Алексеева 2020: 128–150].

³ В последнем издании лексема *верча* получает следующее объяснение: «*Верча* — платок, связанный в виде куколки и обвитый ниткой; ср. диал. *верча*, сущ. 1) вид пряжи, приготовленной с помощью закрутки нитей руками, а не веретеном (Пенз.); 2) половик, сотканый из тряпок, нарезанных в виде ленточек (Тул.) (СРНГ 1969/4: 171); *верчь* — 1) способ прядения без веретена (Тул., Пенз.); 2) то, что изготовлено таким способом (Тул., Пенз., Ряз.) (Там же); *верча*, деесп. от *вертеть* — 1) вращать, крутить; 2) поворачивать в разные стороны; вить, свивать; 3) катая, крутя, делать, изготавливать что-л. (СРЯ XVIII в. 1987/3: 51)» [Топорков 2010: 210].

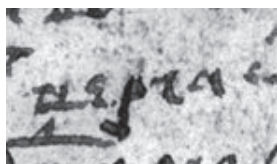

Рис. 1. *Верга* (л. 20)

Рис. 1. *Верга* (20)

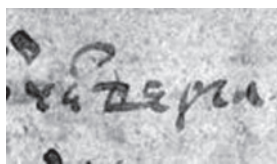

Рис. 2. Образец написания г:
че(т)верга (л. 40)

Рис. 2. Example of writing
the letter g: *че(т)верга* (40)

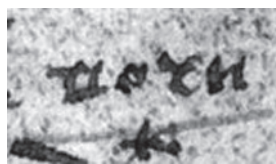

Рис. 3. Образец написания ч:
в очи (л. 20)

Рис. 3. Example of writing
the letter ch: *в очи* (20)

Приведем запись обряда в упрощенной орфографии и со знаками препинания; в круглые скобки помещены выносные буквы:

Ка(к) телѧта не стоѧ(т), тому слова. Ка(к) телѧ корова роди(т), и то мо(к)рое телѧ пока не ѡближе(т) ма(т), взѧ(т) то телѧ и ѡволо(чі) на посолон(ь) ѡколо но(г) пере(д)ни(х) и задниі, да рѧ(д) ѡ(б)воло(к)ші при(к)лони(т) то телѧ головою, поклони(т) к мѣр[и] в ноги, а гово(р): «Прості ты, ма(ті), свое дѣтѧ на се(і) свѣтъ поить и корми(т)».

Г(ж)⁴ ѡ(б)воло(к)ші поклони(т), а г(ж) говори, да взѧ(т) гве(р)ста(н) но(і) каме(н), да ѡ(б)вѧса(т) в бѣлои плато(к), а вѧза(т) куко(л)ко(і), да красно(і) нитко(і) ѡ(б)ви(т), да положи в ноги в за(д)ние, гдѣ корова стои(т), в наво(з), а говори: «Восе тебѣ, земля ма(т), верга ѡ(т) сеи животине, старои поблю(ди), а молодо(і) по(д)роди».

2. Дискуссия

В «Словаре областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» впервые отмечается лексема *верги* — так, в форме мн. ч., в составе выражения *ставить верги*, которое, согласно Г. И. Куликовскому, имеет два значения [Куликовский 1898: 9]:

«*Вѣрги ставить* — (Неккула) делать зарубки, метки на деревьях для отыскания, напр., обратного пути в незнакомой чаще леса; для этой цели большей частью надламывают ветки дерев, мимо которых прошли; (Ялгуба, Свирь) если болен кто-либо из семьи или же из домашнего скота, то считается нужным “ставить верги”: для этой цели берут понемного чаю, сахару, лоскуточков, конфет и идут с этим в баню, или на перекресток (если больна скотина). Здесь, прочитав заговор, принесшее бросают назад себя через голову».

⁴ Трижды.

В начале XX в. о сочетании *ставить верги* писал Я. Калима, который также выделял два значения, возводя *верги* к разным прибалтийско-финским словам. Так, по мнению ученого, лексема в значении ‘делать зарубки, метки на деревьях’ родственна олон. *virga* ‘полоска, борозда’, люд. *virg* ‘метки, вырезанные на дереве’, вепс. *virg* ‘метка, зарубка на дереве’, эст. *virg* ‘полоска, борозда’ [Kalima 1919: 84–85], в то время как *верги* из второго примера может восходить к фин. *verha* ‘жертва’: «Вероятно, от этого слова следует отделить *ставить верги* в значении ‘совершать определенное магическое действие, когда кто-то в семье или скот болен’ <...> Возможно, что *верги* здесь восходит к другому прибалтийско-финскому слову, а именно — к финск. *verha* ‘жертва’»⁵ [Kalima 1919: 85]. Такого же мнения придерживаются М. Фасмер и авторы статьи из «Словаря русских народных говоров» [Фасмер 1986: 294, Филин (гл. ред.) 1969: 125]; связь *верги* ‘заклинание, чары, колдовство’ с фин. *verha* ‘жертва’ упоминается и в книге О. А. Черепановой [Черепанова 1983: 84]⁶.

Важное наблюдение о вергах делает В. Н. Топоров в статье, посвященной древнеиндийским заговорам (разрядка автора! — А. А.): «Ср.: *вѣрги ставить* ‘делать зарубки, метки на деревьях’ “для отыскания, например, обратного пути в незнакомой чаще леса; для этой цели большей частью надламывают ветви дерев, мимо которых прошли” (Куликовский), ср. [СРНГ 4, 1969, 125], или: *вѣрги* ‘заклинания’ “...Если болен кто-либо из семьи или же из скота, то считается нужным „ставить верги“, — для этой цели берут понемногу чаю, сахару, лоскуточков, конфет и идут с этим в баню или на перекресток ... Здесь, прочитав заговор, принесенное бросают назад себя через голову” (Куликовский, там же, 125). Ср. также русск. диал. *вергáть* ‘бросать’, ‘швырять’ (: *из-вергáть*), но и *вѣрзить* ‘свергать’, ‘поражать’ (“*Бог верзит сатану, — сверзил долой с неба*”) [СРНГ 4, 146] и др.» [Топоров 1995: 70]⁷.

Позднее российские исследователи обсуждают преимущественно лексему *верги* ‘зарубки, метки на деревьях’. Л. П. Михайлова считает, что слово относится к этимологической группе со славянским корнем **vrg-/*verg-*, равно как и ряд других лексем, зарегистрированных на Северо-Западе: кемск. *верег* ‘некошенная полоса травы’, петрозаводск. *иверенье* ‘лоскутья’, беломорск. *верезейка* ‘дверца в заборе, калитка’ [Михайлова 1999: 20]. К предположению Я. Калимы возвращается С. А. Мызников, который обращает внимание на тот факт, что «на территории Северо-Запада устройство

⁵ Здесь и далее перевод мой — А. А.

⁶ Благодарю анонимного рецензента за указание на данную работу — А. А.

⁷ Благодарю анонимного рецензента за указание на данную работу и любопытное употребление однокоренного глагола в заговоре, записанном П. С. Ефименко в кон. XIX в.: «на очи ему лихому челоуѣку *наверги* бѣлое бѣльмо» [Ефименко 1878: 196] — А. А.

подсеки активно практиковалось, как у русского, так и у прибалтийско-финского населения... для выбора участка находили смешанный или лиственный лес (предпочтительнее) на возвышенном месте, помечали его, делали зарубки на деревьях: *верги* (Петрозав. Олон., Куликовский), вепс. *virg* ‘затеска или другой знак на дереве, указывающий дорогу, место’ (СВЯ, 635), ливв. *virgu* ‘подтеска, затес’ (СКЯМ, 406)» [Мызников 2004: 165–166]. А. Е. Аникин соглашается с мнением С. А. Мызникова и приводит в пример еще одно заимствование — арханг. *выргум* ‘знак-ориентир возле убитого зверя во время морской охоты’ из фин. диал. *virkotie* ‘тропа с вехами, указателями’ [Аникин 2013: 270].

В словарной статье С. А. Мызников, говоря о *верги* в значении ‘зарубки, метки на деревьях’, сопоставляет лесему с «ливв. *virga* ‘полоска, борозда’... люд. *virg* ‘метки, вырезанные на дереве’, ‘зарубки на дереве’, вепс. сев. *v'irg*, *v'erg* ‘метка, зарубка на дереве’, с балтийской основой прибалтийско-финских данных, ср. латыш. *virdze* (из **virge*) ‘большая куча’, *verdze* ‘длинный ряд’» [Мызников 2019: 128–129]. Лексема *верги* ‘заклинания, чары, колдовство’ и А. Е. Аникиным [Аникин 2013: 270], и С. А. Мызниковым возводится к фин. *verha* ‘жертва’ [Мызников 2019: 129].

Как видно, исследователи имеют в своем распоряжении лишь две цитаты, заимствованные из словаря Г. И. Куликовского. Пример из ОС, таким образом, является не только самой ранней фиксацией лексемы с религиозно-мистическим значением, но и единственной — в форме ед. ч. Представляется, что запись обряда содержит сведения, которые могут помочь при определении этимона и истории его развития, однако для того, чтобы приблизиться к решению этого вопроса, необходимо обратить внимание на употребление лексемы *verha* в неславянском материале.

3. *Verha* в финских диалектах

Ценный материал содержится в статье Л. Хакулинена, который подробно фиксирует ритуальные действия, сопровождающие создание и использование *verha* [Hakulinen 1936]. Приведем запись из рукописного словаря А. Неовиуса «*Sakkulan ja Metsäpirtin murteen sanaluettel*»⁸ (совр. поселок Громово и Запорожское сельское поселение Ленинградской обл.), отметившего, что лексема *verha* могла быть первичным наименованием со значением ‘жертва’ (совр. фин. *uhri*):

«*Verha* (стихотв.) — одежда; подношения, состоящие из прутьев, воды или серебряной пряжки и сделанные для того, чтобы задобрить воздух, воду или землю, откуда пришла болезнь; возможно, это слово —

⁸ Список диалектных слов дер. Саккула и Метсепиртти.

исходное для понятия *offer*”. Сначала гадают на то, что является источником болезни; если выяснилось, что болезнь пришла, например, из источника, то тогда снова гадают, что нужно положить в качестве *verha*. Если выяснилось через гадание, что она хочет в качестве *verha* воды из реки или из того же источника, то тогда берут оттуда воду и читают “водные” приветственные слова, и немного воды оттуда бросают обратно в источник, и варят с маслом, и приветствуют дом, воздух и т. п., и используют ее для купания, и эту воду выплескивают на баню в качестве *verha*, и читают “банные” приветственные слова, и купаются в воде, и выливают трижды под голову. Если получилось узнать через гадание, что нужны прутья ольхи или березы в качестве *verha*, то их бросают на землю и читают “земельные” приветственные слова, и вокруг головы или тела обворачивают три раза» [Hakulinen 1936: 61–62].

Сходные обряды были зарегистрированы в нескольких населенных пунктах и позднее, во время экспедиции 1935 г. Вот что необходимо делать при создании *maaverhat* и *suolaverhat*, по записям из г. Койвисто (совр. Приморск, Выборгский р-н Ленинградской обл.) и с острова Сескар:

- 1) «*Verha* — довольно важный способ лечения. Например, для человека, который испугался, нужно сделать *verhat*, *maaverhat* или *suolaverhat* на том месте, где произошел испуг. *Maaverhat*: с места, где произошел испуг, или с места, от которого поднимается земля (т. н. “нос земли”), нужно взять земли и варить, прикрыв, в закрытом крышкой сосуде, или положить землю в лист бумаги и оборачивать три раза вокруг больного, и воды вылить на голову. Воду затем бросить обратно на то место и произнести: “Возьми землю в качестве *verha*, дай мне вечное здоровье”. *Suolaverhat*: делается так же, как *maaverhat*. Воду бросить по ветру: “Возьми ты *verha*, дай нам здоровье”. Также, если на лице появились прыщи и держатся, необходимо взять земли с трех мест и надавить ею на лицо, и положить землю обратно»;
- 2) «Когда проклятия падают на членов семьи, делается *verhat*. В воду кладут серебряные деньги и соль, этой водой моются, вода выливается по ветру и читаются две рифмованные строки: “Возьми ты имущество, дай мне здоровье”. Из земли делается *maaverhat*. В воду кладут землю, варят, моют больное место, и выливают на землю со словами: “Возьми ты имущество, дай мне здоровье”» [Hakulinen 1936: 62].

Наконец, как пишет Л. Хакулинен, в говоре дер. Лумбила (около Сямозера) была отмечена лексема с метатезой — *vehra* — которая обозначала деньги, положенные под угол здания в качестве жертвы духу дома [Hakulinen 1936: 63].

Большой массив данных о *verha* (в том числе основанных на статье Л. Хакулинена) приводится в статье «Этимологического словаря финского языка», согласно которой это слово имеет значение ‘жертвенный дар; колдовство (делается, например, в случае болезни или когда купленную корову приводят домой); в родник бросается полотенце или другая тряпка, которой обмылся больной в этом источнике (ингермл.)’ [Itkonen, Joki, Peltola 1978: 1703]. Приведем некоторые фиксации; населенные пункты указаны в скобках:

maa-, suolaverhat (Койвисто, Сескар) ‘земля или соль (Койвисто: в соуде, закрытом обернутой в бумагу крышкой), которая используется в лекарственных целях’;

verho ‘жертва’ (Soikk.⁹, Ингермл.), ‘жертва из ткани’ (Калевала), *käden-verho* ‘дополнительное подношение в каком-нибудь обряде’ (Muol.¹⁰); ‘маленький подарок — например, детям’ (Пауту);

карел. *verha* ‘жертва’ (Суоярви), *verhu* (gen. *verhan*) ‘(жертва лесу или воде — например, куриное яйцо; Tul.¹¹), ‘голова’ (Сямозеро), *vierhañe* (Тверь) ‘жертва (говорится перед хозяевами при извинении или в просьбе), *verhoittoa* (sg. 1 p. prs. *-tan*) ‘жертвовать’ (Суоярви), ‘задабривать жертвами’ (Сямозеро);

люд. *verhad* pl. ‘жертвенный дар’;

вепс. *v’erh* (обычно pl. *-ad*) ‘(завернутый в тряпку) жертвенный дар перед образом святых или дар, сделанный с другим намерением’;

водск. *vera* < *verha* ‘жертва’.

Олон. *вергу* ‘колдовство, которое проводится, когда болен кто-нибудь из членов семьи’ возводится к форме мн. ч. *verhad* [Itkonen, Joki, Peltola 1978: 1704], а лексема фиксируется только в населенных пунктах в совр. Ленинградской обл. и Карелии, т. е. на территориях, находящихся в тесном контакте с русскоязычными людьми.

4. Миграция лексемы

Суммируя сведения, можно заключить, что при помощи слова *verha* обозначается некоторый материальный предмет, выступающий в качестве дара в различных обрядах: для излечения или защиты домочадцев. Большинство обрядов сохраняют сведения о действии, которое сопровождает

⁹ В словаре отсутствует раскрытие сокращения.

¹⁰ В словаре отсутствует раскрытие сокращения. Предполагаем, что имеется в виду Muolaa (Ленинградская обл.).

¹¹ В словаре отсутствует раскрытие сокращения. Предполагаем, что имеется в виду Tulomdjärv (Тулмозеро, Пряжинский район Карелии).

подношение дара, что, на наш взгляд, может быть ключом к разгадке происхождения лексемы — его подбрасывают¹². В русскоязычном материале ритуальное бросание отмечается и в записи обряда из словаря Г. И. Куликовского, на что первым обращает внимание В. Н. Топоров, и в указании к обряду над новорожденным теленком в ОС, причем дар в последнем — какое-то количество крупного песка или щебня (ср. с *maaverhat*), обернутое белым платком в форме куколки и обвитое красной ниткой — напоминает *maaverha*.

Со значением ‘бросать, кидать’ в древнерусских памятниках зафиксирован церковнославянский в форме инфинитива глагол *вреци*, *вьргоу* [Аванесов (гл. ред.) 1988: 498–499] (собственно др.-рус. инфинитив выглядел как **веречи*), который мог образовать отглагольное существительное, совпадающее с формой прич. наст. вр. И. ед. муж. *вѣрга*. Поскольку глагол *вреци* относится к акцентной парадигме *а* и имеет наосновное ударение [Зализняк 2011: 349], лексема *вѣрга* становится близка акцентуационной системе прибалтийско-финских языков, что могло послужить дополнительным фактором, поддерживавшим освоение ими исходно русской лексемы. По данным С. А. Мызникова, «в русских говорах [г] является в большинстве случаев рефлексом прибалтийско-финского [h]: *кагац* (вепс. *kaħač*)» [Мызников 2004: 353], что говорит об их сопоставимости и, соответственно, вероятности существования обратной модели пересчета.

Если наше предположение верно, то лексема *verha* могла появиться в неславянских диалектах не ранее утраты редуцированными статуса самостоятельных фонем (в частности, изменение редуцированных в сильной позиции в /о/ и /е/ происходило во 2-й пол. XII — сер. XIII в. [Попов 2020: 373–374]), поскольку содержит корень с проясненным *ѵ*: праслав. **ѵ* > древнерус. *е* > фин. *е*. Непроясненные редуцированные *ѣ* и *ь* отражаются в заимствованиях как *и* и *і* соответственно — ср. с фин. *lusikka* < древнерус. *лѣжка*, фин. *akkuna* < древнерус. *окно*.

5. Выводы

Представляется, что лексема *verha* является результатом нейтрального влияния одной языковой системы на другую, славянской — на прибалтийско-финскую, в которой получает большее распространение. Обычно такие лексические единицы бытуют в зоне этноязыковых контактов, отмечаются достаточно редко и являются полными синонимами к уже имеющимся словам — при этом строго соблюдается семантическое тождество и фонетическая близость к лексеме языка-источника [Мызников

¹² О ритуальном бросании в славянских странах см. в работе [Виноградова 1999].

2004: 29]. Примеры из этимологического словаря финского языка убедительно свидетельствуют об употреблении *verha* на достаточно ограниченной территории, находящейся в контактной зоне с русским населением. При этом хорошо известна синонимическая лексическая единица — *uhri* ‘жертва’ из швед. *offer* < *offr*¹³ [Itkonen, Joki, Peltola 1978: 1517], широко употребительная, например, в Библии¹⁴.

Источники

Бутков П. Г. О финских словах в русском языке и о словах русских и финских, имеющих одинаковое знаменование // Тр. Императорской Российской Академии. Т. 5. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1842. С. 115–177.

Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 2. Народная словесность. М.: Типо-литогр. С. П. Архипова и К°, 1878. 276 с.

Куликовский Г. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении / собр. на месте и сост. Герман Куликовский. СПб: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1898. 150 с.

Срезневский В. И. Описание рукописей и книг, собранных в Олонекском крае В. И. Срезневским. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1913. XXVIII, 688 с.

Hakulinen L. Verha = ‘uhri’. Virittäjä. 1936. No. 40. P. 60–62.

Kalima J. Die ostseefinnischen lehnwörter im russischen. Helsinki, Druckerei finnischen literaturgesellschaft, 1919. 265 p.

Литература

Аванесов Р. И. (гл. ред.). Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 1 (а — възаконѣтисѧ). М.: Русский язык, 1988. 526 с.

Алексеева А. С. Русскоязычные тексты Олонекского сборника: фонетика и грамматика // Русский язык в научном освещении. 2020. № 2. С. 128–150.

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 7 (вершь I — внятъся II). М.: ИРЯ РАН, 2013. 352 с.

¹³ Фонема /f/ в прибалтийско-финских говорах отсутствовала, поэтому в заимствованиях из шведского она передавалась через /p/, /v/ или /h/ в конце слога [Мызников 2004: 356].

¹⁴ В качестве примера приведем цитату 1Цар 15.22: Silloin Samuel sanoi: Kumpi on Herralle mieleen, *uhrit* vai kuuliaisuus? Kuuliaisuus on parempi kuin *uhri*, totteleminen parempi kuin oinasten rasva / И отвечал Самуил: неужели всеожжения и жертвы столько же приятны Господу, как послушание гласу Господа? Послушание лучше жертвы и повиновение лучше тука овнов.

- Виноградова Л. Н. Бросать, разбрасывать // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1. М.: Международные отношения, 1999. С. 264–266.
- Зализняк А. А. Труды по акцентологии. М.: Языки славянских культур, 2011. Т. 2. 352 с.
- Михайлова Л. П. Внутрорегиональные лексические различия русских говоров Карелии // Севернорусские говоры. 1999. Вып. 7. С. 11–22.
- Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004. 492 с.
- Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 1076 с.
- Попов М. Б. Редуцированные // Историческая грамматика русского языка / Под ред. В. Б. Крысько. М.: ИЦ «Азбуковник», 2020. С. 369–383.
- Топорков А. Л. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. М.: Индрик, 2010. 832 с.
- Топоров В. Н. О древнеиндийской заговорной традиции // Малые формы фольклора. Сборник статей памяти Г. Л. Пермякова. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 8–104.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 (А – Д). М.: Прогресс, 1986. 576 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 4 (В – военки). Л.: Наука, 1969. 357 с.
- Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1983. 170 с.
- Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 7. Helsinki, 1978.

References

- Alekseeva A. S. [Russian-language texts of the Olonetsky sbornik: phonetics and grammar]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2020, no. 2, pp. 128–150. (In Russ.)
- Anikin A. E. (ed.). *Russkii etimologicheskii slovar'* [Etymological dictionary of the Russian language]. No. 7. Moscow, RLI RAS Publ, 2013. 352 p.
- Avanesov R. I. (ed.). *Slovar' drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv.* [Dictionary of the Old Russian language of the 11th–14th centuries]. Vol. 1. Moscow, Russkii Yazyk Publ, 1988. 526 p.
- Cherepanova O. A. *Mifologicheskaya leksika Russkogo Severa* [Mythological Vocabulary of the Russian North]. Leningrad, Publ. House of Leningrad Univ., 1983. 170 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Vol. 1 (А – Д). Moscow, Progress Publ, 1986. 576 p.
- Filin F. P. (ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. No. 4. Leningrad, Nauka Publ, 1969. 357 p.
- Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. *Suomen kielen etymologinen sanakirja* [Etymological Dictionary of Finnish]. Vol. 7. Helsinki, 1978.

- Mihajlova L. P. [Intra-regional lexical differences of Russian dialects of Karelia]. *Severno-russkie govory* [Northern Russian dialects], 1999, no. 7, pp. 11–22. (In Russ.)
- Myznikov S. A. *Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkikh govorakh Severo-Zapada: etimologicheskii i lingvogeograficheskii analiz* [Finno-Ugric Vocabulary of Russian dialects of the Northwest: etymological and linguogeographical analysis]. St. Petersburg, Nauka Publ, 2004. 492 p.
- Popov M. B. [Reduced vowels]. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2020, pp. 369–383. (In Russ.)
- Toporkov A. L. *Russkie zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII – pervoi poloviny XIX v.* [Russian charms from handwritten sources of the 17th – the first half of the 19th century]. Moscow, Indrik Publ., 2010. 832 p.
- Toporov V. N. [About the ancient Indian charm tradition]. *Malye formy fol'klora. Sbornik statei pamyati G. L. Permyakova* [Small forms of folklore. Collection of articles in memory of G. L. Permyakov]. Moscow, Publ. House “Vostochnaya Literatura” RAS, 1995, pp. 8–104. (In Russ.)
- Vinogradova L. N. [Throw, scatter]. *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. No. 1. Moscow, 1999, pp. 264–266. (In Russ.)
- Zaliznyak A. A. *Trudy po aktsentologii* [Works on accentology]. No. 2. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ, 2011. 352 p.

Правило замены тяжелого ударения на острое в новоцерковнославянском: дополнительные сведения

Иван Сергеевич Добровольский, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), imperfect@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611724020065

АННОТАЦИЯ: Настоящая работа посвящена правилу замены тяжелого ударения (вариин) на острое (оксию) над конечной ударной гласной в церковнославянских текстах Нового времени. Инвентарь энклитических форм, которые требуют соблюдения этого правила, уточняется в ходе корпусного обследования богослужебных текстов, изданных в Москве; в качестве дополнительного материала привлекаются Библия и Добротолюбие. Изучение источников показывает, что в этот инвентарь входят не только частица и союз *же*, частицы *бо*, *ли* и местоименные формы *ми*, *ти*, *си*, *мя*, *тя*, *ся*, *ны*, *вы*, как обычно считается в учебниках церковнославянского языка, но и связки *еси*, *есть* (в Библии также *есмь*, *суть*), показатель сослагательного наклонения *бы*; кроме того, зафиксированы редкие сочетания с полнударными местоимениями (*что́ се*, *что́ ты*, *почто́ ты*) и элементом *либо* (например, *кто́ либо*). Особое внимание уделяется элементу *бы*, который может записываться в корпусе как со знаком ударения, так и без знака; установлено, что выбор конкретного написания зависит от его контекстного окружения или от позиции по отношению к другим словоформам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: церковнославянский язык Нового времени, корпусное обследование, орфография, энклитики, оксия, вария, сослагательное наклонение, Мелетий Смотрицкий

для цитирования: Добровольский И. С. Правило замены тяжелого ударения на острое в новоцерковнославянском: дополнительные сведения // Русская речь. 2024. № 2. С. 77–89. DOI: 10.31857/S0131611724020065.

From the History of the Russian Language

The Rule of Replacing the Grave with an Acute in Church Slavonic: Further Details

Ivan S. Dobrovol'skii, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), imperfect@yandex.ru

ABSTRACT: The study is devoted to the rule of replacing the grave (*varia*) with an acute (*oksia*) over the final stressed vowel in Church Slavonic texts of modern period. The inventory of enclitical forms that require this rule is specified in the corpus survey of liturgical texts published in Moscow, with the Bible and the Philokalia being used as additional material. The study of the sources shows that this inventory includes not only the particle and the conjunction *zhe*, particles *bo*, *li* and the pronouns *mi*, *ti*, *si*, *mya*, *tya*, *sya*, *ny*, *vy*, as is usually considered in Church Slavonic textbooks, but also the verbal forms *esi*, *est'* (in the Bible also *esm'*, *sut'*), the subjunctive mood indicator *by*. In addition, there are rare combinations with pronouns *se* and *ty* and the element *libo*. Special attention is paid to the enclitic *by*, which is used in the corpus in two variants: with and without an accent. The article has established that the choice of a particular variant depends on its contextual environment or on its position in relation to other word forms.

KEYWORDS: Church Slavonic of modern period, corpus survey, orthography, enclitics, *oksia*, *varia*, subjunctive mood, Meletius Smotritsky

FOR CITATION: Dobrovol'skii I. S. The Rule of Replacing the Grave with an Acute in Church Slavonic: Further Details. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 2. Pp. 77–89. DOI: 10.31857/S0131611724020065.

§ 1. Правило, о котором пойдет речь, в «Грамматике» иером. Алипия (Гамановича) формулируется так: «Если после слова, оканчивающегося <ударной> гласной, стоят союзы: **же, ко, ли** и краткие формы личного местоимения 1-го и 2-го лица: **ми, ти** и др., то <над гласной в конце слова> ставится ударение острое, а местоимение без ударения: **спаси ма**» [Алипий 1991: 20]. С несущественными модификациями это правило воспроизводится в других учебниках церковнославянского языка. Основная задача настоящей работы — уточнить инвентарь форм, которые подпадают под действие правила. Материалом исследования служит корпус оцифрованных церковнославянских богослужебных текстов Нового времени, напечатанных в Москве. Кроме того, могут также привлекаться петербургская Библия и московское Добротолюбие. Список изданий см. в разделе «Источники».

При цитировании текстов указывается сокращенное наименование источника и количество употреблений, если больше одного, например: **родилъ ѿси** Окт. 2. Для частотных примеров дается их общее число без подсчетов употреблений в каждом источнике: **кто бы** 10 в Пс., Час. и др.; заметим, что «и др.» после серии источников означает 'и в других источниках'. Адреса примеров, отмеченных в метатексте (т. е. в богослужебных указаниях, различных пояснениях к основному тексту и т. п.) или в оригинальных минейных службах (т. е. в непереводах службах, созданных на Руси и в других славянских странах в Средние века и в XVIII–XX вв.), снабжаются пометами «М» и «О» соответственно: **си ѿсѣтъ** Постн-М, **ѿ бы** Мин-О. Поскольку в ходе оцифровки в электронных текстах неизбежно возникали расхождения с печатными оригиналами, все сомнительные, выбивающиеся из общих закономерностей случаи были по возможности проверены по изданиям.

§ 2. Перед тем как приступить к изложению результатов исследования, отметим некоторые частные моменты акцентуации сочетаний с энклитиками¹. Прежде всего, энклитики, требующие соблюдения правила, демонстрируют разную употребительность. Если частица и союз **же**, частицы **ко, ли**, местоименные формы **ми, ти, ма, та, в. ми. ны** используются в текстах достаточно регулярно, то местоименные формы **в. ми. бы, сѧ, си** встретились лишь в следующих контекстах: **бы** — **сотворю бы** Ев., **молю бы** 5, **кто бы** Ап., **и приимъ бы** Мин., Мин-О 6, **возлагася бы** Мин., **сотворю бы** Праздн., **и козрѣхъ бы** Мин. 2, **что бы наречѣхъ** Постн. 4, Тип. 3; **сѧ** — **ѿдѧ сѧ самъ оубѣтъ**, **кого сѧ самъ ты творѣши**, **что сѧ самъ мнѣтъ**, **что сѧ самъ мнѣтъ ѿ хртѣ**, **чѣи ѿсѣтъ сѣхъ**, **кто сѧ прикоснѣ мнѣ**; Ев., **что сѧ оумножиша** Час., Пс., Постн.; **си** — **нѣтъжъ си** Мин., **кого сѧ юнца** Окт., **нѣ ѿсѣтъ сѧ** Ап. Заметим,

¹ Энклитика — словоформа, входящая в одно фонетическое слово с предыдущей словоформой.

что употребление **ѣа** в качестве местоимения соответствует закону Вакернагеля² в отличие от **ѣа** как показателя возвратности в примере **ѣвѣи ѣа бо** Общ., где нарушен так наз. ранговый принцип расположения энклитик (см. [Зализняк 2008: § 1.3]); ср. написание в том же тексте из другой книги: **ѣвѣиѣа бо** Цветн.

§ 3. Далее, вопреки правилу, местоименная энклитика и слово, к которому она примыкает, могут иногда записываться с варией³; так или иначе этот эффект наблюдается во всех книгах, например: *ѿ тѣхъ возведѣи мѧ* Общ., *комѧ мѧ* Постн., *мы тѧ* Мин-О, *на кѣтѣ тѧ* Окт., *воздадѣ мѧ* Пс., *ѿнѣ тѣ* Час., *своѣмъ сѧ* Ап., *своѧ сѧ* Мин. (примеров с *сѧ* больше нет), *спѣхъ сѧ* ны Цветн., *бѣи бѣи* Праздн.; с акцентуированным *ѧ* примеров нет. По предварительной оценке, корпус содержит около пятисот-шестисот подобных случаев, что составляет около 7–8% от общего фонда написаний с местоименными энклитиками; произвести точный подсчет здесь трудно, поскольку акцентуация, представленная в электронных версиях книг, нередко оказывается фиктивной — в силу не всегда корректной оцифровки изданий.

Написания типа *возвѣдѣи мѧ* (вместо ожидаемого *возвѣдѣи мѧ*) не находят удовлетворительного объяснения. Иером. Алипий [Алипий 1991: 61] утверждает, что акцентуированные местоименные энклитики в подобных примерах передают логическое ударение. Вообще, это не лишено оснований: как известно, в древнегреческом энклитики акцентуируются, если несут на себе логическое ударение, поэтому нельзя исключать, что в какой-то части случаев мы имеем дело с влиянием греческой модели. Однако, во-первых, наличие эмфазы⁴ зачастую неочевидно, в том числе в примерах, приведенных Гамановичем: *ѥ понмѧ ѡ кѧ сѣбѣ* Ев., *никтѣже* *свогѣ* *ѥ да ѥцѣмъ* Ап. Во-вторых, при такой интерпретации придется признать, что логическое ударение отражается на письме только тогда, когда энклитика примыкает к форме с исходом на ударную гласную, а в прочих случаях различие между эмфатической энклитикой и обычной (т. е. немаркированной) почему-то остается невыраженным, ведь и та и другая записываются со знаком ударения.

Идея Д. Д. Соколова [Соколов 1907: 19, примеч. 1], согласно которой местоимение «в большинстве случаев сохраняет свое ударение», если «относится к Господу Богу», с одной стороны, наталкивается на обилие таких примеров, как *бл҃годарю тѣ́а гд҃а бж҃е мой* Служ., глагола *и́мѣя и́и҃сѣ: вѣ́ же ко́го ма*

² Говоря упрощенно, этот закон состоит в том, что энклитики, относящиеся к сказуемому, ставятся непосредственно после первого ударного слова во фразе; точное определение см. у А. А. Зализняка [2008: § 1.2].

³ Варія (или тяжелое ударение) — знак ударения вида «`», например: *спл[́]н*. Оксія (или острое ударение) — знак ударения вида «´», например: *спл^{́́}сх*.

⁴ Эмфаза — «выделение важной в смысловом отношении части высказывания», которое «достигается просодическими средствами — интонацией, особым эмфатическим ударением» [Гридин 2000: 592].

глаго́летъ кѣти; Ев., с другой стороны, не объясняет, почему мѣ, тѣ, сѣ, мѣ, тѣ используются не только для обозначения Бога (см. некоторые примеры выше); кроме того, Д. Д. Соколов игнорирует нѣ и кѣ, которые в принципе не могут относиться к Богу⁵. См. также обсуждение концепций Гамановича и Д. Д. Соколова в статье И. А. Корнилаевой [Корнилаева 2021: 166].

§ 4. Ниже излагаются результаты корпусного обследования безударных⁶ форм, выступающих после форм с исходом на ударную гласную.

Как установила на более широком новоцерковнославянском материале И. А. Корнилаева [Корнилаева 2021: 166, 173], связки ѣсѣ и ѣсть в ряде случаев ведут себя так же, как местоименные энклитики, т. е. теряют знак ударения; соответственно, над конечной ударной гласной предыдущего слова ставится оксия. Приводим данные нашего корпуса: ѣсѣ — ктѣ ѣсѣ Ев., Ап. 2, породилѣ ѣсѣ Окт. 2, Праздн., родилѣ ѣсѣ Окт. 2 (это написание и предыдущие представлены в разных контекстах), реклѣ ѣсѣ Мин-О, тѣ ѣсѣ бѣхъ перѣхъ, тѣ ѣ по сѣхъ, ѣ ко кѣхъ тѣ ѣсѣ бѣхъ нѣхъ Цветн. (дважды во фразе); ѣсть — ктѣ ѣсть 40 в Ев., Мин., Пс., Цветн. и др., чтѣ ѣсть 25 в Ап., Ев., Мин., Постн., гдѣ ѣсть 25 в Ап., Ев., Мин., Праздн., Треб., Постн.; отметим также написание с двумя оксиями гдѣ ѣсть Мин-О. В Библии также представлены сочетания с безударными ѣсмѣ и ѣхѣ: ктѣ ѣсмѣ ѣзх...; 3 (Исх. 3:11, 2 Цар. 7:18, 9:8), ктѣ ѣхѣ ѣдѣхъ; (Исх. 10:8).

Среди написаний с безударным ѣсть особо стоят союзы: сѣ ѣсть Постн-М — орфографический вариант для сѣхѣ 37 в Постн-М, Тип-М, Служ-М и нек. др., и тѣ ѣсть Треб-М — славянизированная запись рус. *то есть*. Союзу тѣ ѣсть посвящено отдельное исследование И. А. Корнилаевой [Корнилаева 2021a].

Как видно, в приведенных выше примерах наиболее значительна доля безударного ѣсть. Можно сказать, что иером. Алипий [Алипий 1991: 107] в целом верно оценивает частотность подобных написаний, когда пишет: «Формы ѣсѣ, ѣсть после вопросительных местоимений ктѣ, чтѣ и наречия гдѣ довольно часто бывают энклитическими»⁷. Действительно, сочетания 'кто/что/где есть' в почти половине случаев записываются с безударным ѣсть (соотношение 90:96).

§ 5. По мнению И. А. Корнилаевой [Корнилаева 2021: 167], безударное ѣсть в новоцерковнославянских текстах обязано своим происхождением «Грамматике» Мелетия Смотрицкого, которая предписывала не снабжать знаком ударения односложные формы, стоящие после форм с конечной ударной гласной; примеры из «Грамматики»: чтѣ ѣ, чтѣ ѣсть, мѣ ко,

⁵ Имеется, правда, употребление мѣ в обращении Иисуса к Богу Отцу: тѣхъ кѣхъ ѣдино кѣхъ, мѣ ѣдино ѣсмѣ Ев. (Ин. 17:21–22).

⁶ Здесь и далее *безударный* означает 'без знака ударения'.

⁷ Безударное ѣсѣ встречается только после ктѣ, при этом написания ктѣ ѣсѣ в корпусе нет вовсе.

даждь ми, ктѣ ей, рцѣте что и др. (как видно, в списке у Смотрицкого фигурируют как энклитики, так и полноударные словоформы). При этом «само расположение что ѣсть в начале перечня способствовало усвоению этого сочетания именно в таком написании» [Корнилаева 2021: 167]. Орфография сочетаний с безударными ѣмь, еѣть, а также с двусложной связкой ѣи, на взгляд исследовательницы, сформировалась по аналогии с распространившимися в новоцерковнославянских книгах написаниями что ѣсть, ктѣ ѣсть, гдѣ ѣсть (см. [Корнилаева 2021: 173]).

§ 6. Оксия над конечной гласной встречается перед безударным **кы**: ктѣ кы нѣхъ нѣбѣвахъ 10 в Мин., Пс., Час. и др., ктѣ кы не оуднѣхъ, и ктѣ кы не проглаголахъ житѣхъ твоихъ Мин-О (дважды во фразе), ктѣ кы квергахъ Цветн. (синаксарь), ктѣ кы не оуднѣхъ, сѣ слышавъ...; Цветн., ктѣ кы толикиа въри и лѣтѣхъ бѣхъ нѣбѣвахъ мѣ; Мин-О, что кы было видѣхъ, ѣже бѣхъ Ап., что была кы сѣхъ колѣва, вопрошающъ Постн. (синаксарь), тѣхъ кы просѣла Ев., Цветн. 3, доврѣ кы было ѣмъ, ѣще не кы родѣхъ человекъхъ тѣхъ Ев., Библ., томъ ѣбѣхъ доврѣ кы кратѣ житѣхъ пройти никогдаже Постн.; при союзах — ѣще... тѣхъ Тип-М, ѣще кы... сѣ кы Мин-О, ниже кы землѣхъ трепещущи трахъхъ Час., Общ., Окт. 2, Постн.; соответствующих примеров с **кы** после **что**, **ктѣ**, **тѣхъ** и др. в корпусе нет. Как можно видеть, приведенные написания вполне соответствуют правилу Смотрицкого.

Следует учитывать, что **кы** употребляется в корпусе как без знака ударения (228 раз), так и со знаком (85 раз). Таким образом, по крайней мере на графическом уровне, не после формы с исходом на ударную гласную (т. е. в немаркированной позиции) безударное **кы** находится в одном ряду с **же**, **ко**, **ли**, в то время как акцентуированная запись внешне сходна с обликом местоименных энклитик.

В качестве знака ударения над **кы** в основном используется вария. Оксия встретила только во фразе не кы ли сотворѣхъ, ѣкоже рече кхъ твоихъ Мин., Праздн. (паремия); тот же знак представлен в соответствующем месте Библии, несмотря на отсутствие полного тождества текстов: не кы ли сотворѣхъ ѣи; а ѣко рече кхъ твоихъ (4 Цар. 5:13). Отметим также не кы же пострадали Добр. Как показано ниже, **кы** в позиции после **не** является полноударной⁸ словоформой (см. § 9), поэтому приведенные написания отражают закономерную замену варию на оксию в сочетаниях с энклитиками (в число которых, по-видимому, не входят местоименные энклитики, ср. ѣще не кы тѣхъ данѣ слышѣ Ев.).

§ 7. Естественно предполагать, что выбор между **кы** и безударным **кы** может зависеть от выполняемых ими функций. Однако в большинстве случаев оба варианта служат показателями сослагательного наклонения —

⁸ Полноударной называется словоформа, способная хотя бы в некоторых случаях сама по себе составить отдельное фонетическое слово (см. [Зализняк 2008: 6]).

как в виде форм 2 ед. или 3 ед. аориста, которые выступают наряду со вспомогательными **быхъ**, **быхомъ**, **бысте** и **быша** (для дв. числа примеров нет), так и в виде частицы. На последнее прежде всего указывают примеры неизменяемой формы **бы** (**бы**), такие как **оумъ**, **дѣшъ ѿ сердце ѿгнѣ сѣе, ѿ тѣло моѣ...** **да бы оустранѣа ѿ страстей** Пс. (о да **бы** см. § 9), **ѣще бы ѿ насъ былъ, превѣлн оубо быша съ нами** Ап., а также примеры **бы** (**бы**) с презентной связкой в форме 2 ед. (в Библии также в форме 2 мн.), которые можно трактовать как сочетание перфекта с сослагательной частицей (см. [Горшкова, Хабургаев 1981: 316]): **ѣще бы вохотѣахъ еси жергъи** 11 в Пс. и др., **ѣще не бы сама тѣ показала еси андрѣю юрѣдникомъ** Мин-О, **не возмогахъ бы еси** Мин., **должни бы естѣ были ѿ міра ѣзгити** (1 Кор. 5:10) Библ., а также **дабы воцарѣахъ естѣ** (1 Кор. 4:8) Библ. (ср. описание подобных случаев у иером. Алипия [Алипий 1991: § 91]).

Кроме того, имеются следующие свидетельства частицы **бы**, носящие частный характер.

1. Употребление **бы** при том, что во фразе уже есть вспомогательный глагол: **сѣтъ же ѿ ѿна многа, ѣже сотвори ѿсѣ, ѣже ѣще бы по единому писана быша, ни самоу мнѣ (всемъ) міру вмѣстити пишемыхъ книгъ** Окт., Библ. (Ин. 21:25). Форма **быша** здесь, очевидно, не воспринимается редактором библейского текста (и точно копирующего его Октоиха) как показатель сослагательного наклонения, отсюда необходимость добавить частицу **бы** — явление, известное по славяно-русским источникам XIII–XIV вв. (см. [Горшкова, Хабургаев 1981: 315–316])⁹. Это вполне согласуется с тем, что четья версия Евангелия (в составе Библии), по данным Ф. Б. Людоговского [Людоговский 2006: 410], менее архаична, чем его служебный текст, где обсуждаемое место выглядит в сущности так же, как в ряде старославянских памятников, ср. **ѣще по единому писана быбѣютъ** Ев. и *ѣще по единому писана бываѣтъ* в Зографском евангелии, Саввиной книге и др. (см. [Kurz 1966: статья *бывати*]).
2. Употребление **бы** в фразе сразу трех **бы** (одно из них — с вариет), которые, на первый взгляд, производят впечатление законных форм 3 ед. аориста, но по факту оказываются частицами: **ѣще бы пѣгѣна оухала** ('благоухала') **страхъ мнѣ слѣзъ твоихъ, сѣ бы, ѣко громогласна трѣба, не бы почѣла копѣти трудоположныхъ пѣдѣнгъ твоихъ** Мин-О. Сослагательное наклонение в приведенном фрагменте из оригинальной службы реализовано по большому счету так же, как это бывает в русском тексте, а именно с использованием «лишней» частицы **бы** (после **сѣ**)¹⁰.

⁹ Не исключено, что в данном случае этому способствует отсутствие л-причастия, характерное для сослагательного наклонения глагола **быти** в пассивной конструкции (см. [Вайан 1952: § 172, п. «б»]), т. е. частица **бы** оказывается своеобразным заместителем формы **былн**.

¹⁰ Ср., например, употребление **бы** после **то** у А. Н. Радищева: *А если бы чувства наши были изощреннее и совершеннее, то бы и сия нам неведомая организация была бы известна* (НКРЯ).

3. Употребление форм 3 ед. аориста или имперфекта вместо л-причастия в оригинальных службах, т. е. своего рода аграмматизм: *нѣтъ... такоаѣго, ѿже бы лишѣа щедрѣтъ твоѣхъ* (служба иконе «Скоропослушница»), *простѣйшаго бы хѣдожестьа къ сочиненію не имѣше* (служба Паисию Величковскому). Может быть, составители этих служб в попытке имитировать церковнославянский текст предпочли простые претериты¹¹ л-причастию для того, чтобы отмежеваться от сослагательного наклонения русского типа.

§ 8. Только безударное *бы* выступает в составе союзов *ѿкъ бы* Постн. (синаксарь), *ѿкоже бы* Треб-М, Тип-М 2, *ѿки бы* Ап. 2, Мин-О 2, Цветн. 2 (синаксарь), Постн. (то же), например: *покаѣвшии зѣхъ при цркви, ѿкоже бы мощи ѿ свѣрхъ ѿ извнѣтъ ѿкропленнѣ быти* ‘повесив колокол около храма так, чтобы его можно было окропить снаружи и изнутри’ Треб-М, *пѣлѣтъ же, ѿки бы грамлѣа ѿхъ* (‘словно стыдя их’), *глаголетѣ* Постн.¹²

Заметим, что как союз в принципе допустимо трактовать сочетание *да бы* Ев. 7, Постн., Пс., функционирование которого в целом мало отличается от *дабы* 13 в Ап., Мин., Треб-М и др., ср. *молѣхъ егѡ, да бы прекыахъ ѡ нѣхъ* Ев. и *бѣхъ же совѣща ѡ мнѣ во блгаа, дабы было ѿкоже днѣа* Постн. Целесообразно, однако, рассматривать *да бы* наряду с *не бы*, так как в обоих сочетаниях *бы* следует за проклитикой¹³ (см. § 9).

В позиции после *ѣже* Ап., Мин-О, Служ-М 6 (Изв. учит.) и *ко ѣже* Мин-О, Треб. (глава 26), Треб-М (там же) *бы* является показателем сослагательного наклонения, по-видимому, только в употреблении конструкции «дательный с инфинитивом», причем только таких, где она калькирует греческий текст, например: *слышите нѣа, глаголющїи: днѣа ѿнѡ ѡтрѣ пойдѣмъ во ѡнѣ градахъ... вѣѣтъ ѣже бы глаголати вѣмъ* (‘вместо этого говорить бы вам’): *ѿшегда восхощѣтъ, и живи вѣдѣмъ* Ап. (Иак. 4:13, 15); ср. греч. *ἀντὶ τοῦ λέγειν ὑμᾶς* ‘вместо того нужно, чтобы вы говорили’. В прочих случаях (*ко*) *ѣже бы* фактически ведет себя как союз ‘чтобы’, примеры: *мѡлишиа... за вѣа вѣрныа люди, ко ѣже бы ѿмъ полчѣти вѣа блага* Мин-О (имитация «дательного с инфинитивом» в русской службе), *напѣа же сѣтъ ѿгнѣхъ животворѣшию крѣпѡ... съ великимъ ѡпасеніемъ ѿ искуствѡмъ, ѣже бы не премѡчѣти егѡ* (конструкция с инфинитивом), *сокровѣнныхъ же грѣшникѡвъ... исправлѣа благоразумно, ѣже бы не ѿзрѣа кѣи совѣзѣа ѿныма людемъ* Служ-М (конструкция с л-причастием).

§ 9. Изложенный в § 7–8 материал показывает, что варьирование между *бы* и безударным *бы* проявляется только тогда, когда они служат

¹¹ Претерит — прошедшее время глагола.

¹² Однако не всякое сочетание *ѿки бы* является союзом, ср. *ѿпрѣвѣтъ крѣпѡ вѣшъ ѡ вѣхъ изыскѣ дѣхъ гдѣи... ѿки бы принѣа* (‘как принесли бы’) *сыновѣ ѿдѣа жѣртѣа своѣа мнѣ* Постн.

¹³ Проклитика — словоформа, входящая в одно фонетическое слово с последующей словоформой.

показателями сослагательного наклонения; в прочих случаях (за вычетом сочетания *да бы*, см. § 8) выступает *бы*. Выбор конкретного варианта, как обнаруживается, зависит от его контекстного окружения или от позиции по отношению к другим словоформам. В частности, помимо прочего, оказывается необходимым различать препозицию и постпозицию¹⁴ *бы* (*бы*) к *л*-причастию, если оно есть во фразе.

Вариант *бы* в основном употребляется непосредственно после проклитик *да* (сюда же можно отнести *дабы*) и *не*, тем самым оказываясь в препозиции к *л*-причастию, например: *да бы оустранился ѿ страстей* Пс., *да бы его члвкъ* Ев., *ѣще ко ты не бы предстоѣла молѣши* 10 в Пс., Мин., Тип. и др., *не бы жена себе порекла* Цветн.; исключение — *ѣще не бы знали* Мин-О (служба новомученикам). В этот ряд полностью вписывается вариант *бы* с оксией: *не бы ли сотвориша* (см. § 6). Установленная закономерность верна и для конструкции без *л*-причастия: *ѣще не бы сила съвше подѣлаша мнѣ* Мин. (правда, это единственный пример); не после проклитики *не* в таких конструкциях употребляется вариант *бы* (см. п. 4 в следующем абзаце). Заметим, что поскольку после проклитик *да* и *не* вариант *бы* практически не встречается, можно вполне уверенно утверждать, что *да бы* и *не бы* в церковнославянском корпусе — это сочетания проклитики с полноударным *бы*, а не проклитико-энклитические комплексы, ср. [Зализняк 2008: 34, примеч.]. Прочие случаи использования варианта *бы* представлены ниже как исключения из выявленных закономерностей употребления варианта *бы*.

Вариант *бы* употребляется:

- 1) после *ѣкѡ*, *ѣкоже*, *ѣки* (т. е. в составе соответствующих союзов) и *ѣже*; примеры см. в § 8;
- 2) в непосредственной постпозиции к *л*-причастию, например: *мертва не ѡбѣла бы лѣзари* Постн., *гдѣ ко ѡмѣла бы свѣтъ твоѡ воздѣти* Мин. 5, Праздн. 5; исключения — *ѡпѣстиах бы* Ап., *рѣлах бы* Постн., а также единственный случай опосредованной постпозиции — *вдѣлах ѡѣв бы* Ев. 2, Общ.;
- 3) в препозиции (как непосредственной, так и опосредованной) к *л*-причастию не после проклитик *да* и *не*, например: *ѣще бы восхотѣла еси жерты* 14 в Пс., Треб., Час. и др., *ѣще ко бы сѣ прѡсѣтец сохраниах* Постн.; сюда же можно отнести и фразу с «лишним» *бы* (см. § 7, п. 2); исключения — *бы была* Ев., *бы вѣдала* Постн. (синаксарь), *ѣще ко бы перкый ѡнх непороченх была* Ап.;
- 4) в конструкциях без *л*-причастия не после проклитики *не*, а именно (приводим все примеры) в конструкции с инфинитивом — *ѣще бы возможно столпѣ вѣщати* Мин., *томѣ ѡбаче добро бы врати житѣа* пройти

¹⁴ Препозиция — положение слева, постпозиция — положение справа.

никогда́же Постн., оу́ негѡ́же бы ѡбнѣтѣти нѡмъ Ап., ѡ́же бы таковы́ же (поклоны) подо́ало тѣорѣти, ѡ́же и великѣа, что бы и мѣтѣѣ тѣюжде сѣаго ѡфрѣма Тип-М (с эллиптическим инфинитивом); в пассивной конструкции — ѡ́же ѡ́же бы по ѡ́дному пѣсана быша Окт., Библ. (об этом примере см. § 7, п. 1), ѡ́же бы не вѣи́мъ про́мысломъ... поща́дѣнъ бы́хъ Постн. (со вспомогательным глаголом в форме причастия; см. о подобном [Вайан 1952: 387–388]).

Примеры **бы** после конечной гласной с оксией, перечисленные в § 6, укладываются в общие закономерности употребления безударного **бы** (см. выше, п. 2–4), если не учитывать исключения. Следовательно, в сочетаниях типа **кто́ бы, ты́ бы, ни́же бы** написание **бы** отражает не утрату знака ударения, как в аналогичных случаях у местоименных энклитик и как можно было бы подумать исходя из наличия в корпусе варианта **бы**, а столь же неизменный безударный облик **бы**, как у энклитик **же, во, ли**.

§ 10. В нескольких случаях знак ударения отсутствует над полноударной словоформой, а над конечной ударной гласной предыдущего слова стоит оксия. Речь идет о словоформах **е** и **ты**.

Безударное **е** представлено одним примером: **что́ е, глаго́лаше, сѣе́ и вѣ́е;** Мин.¹⁵ В Октоихе в том же тексте вместо **что́ е** стоит **что́ ѿ́е**. Можно было бы заподозрить опечатку в какой-то из этих книг, но в обоих случаях использована орфографически верная диакритика. Видимо, один вариант цитированной фразы — это реинтерпретация другого варианта; без текстологического анализа сложно решить, какой именно вариант первоначален. Единичному **что́ е** в корпусе противостоят три написания **что́ е́е** Окт., Мин., Ев. (так же в Библ.).

Безударное **ты** представлено двумя примерами: **что́ ты здѣ́, ѡ́ле;** Мин., Праздн., **что́ ты хрѣ́плѣши;** Постн. (обе фразы — из паремий). Первый пример в том же тексте из Общей минеи и соответствующие стихи в Библии (3 Цар. 19:9 и Ион. 1:6) имеют стандартный вид **что́ ты́**. Однако Библия все же содержит несколько случаев с безударным **ты**: **почт́о ты́ та́къ тѣорѣши рабѡ́мъ тѣо́ймъ;** (Исх. 5:15), **почт́о ты́ прори́цаѣши...**; (Иер. 32:3), **что́ ты вѣ́диши, іеремі́е;** (Иер. 1:11, 24:3), **что́ ты вѣ́диши;** (Иер. 1:13), **что́ ты тѣорѣши;** (Иез. 12:9); ср. **что́ ты́** 10 в библейских книгах Зах., Ам., Ис., 3 Цар., Ион., Мк. и **почт́о ты́** 4 в 1–3 Цар., Исх.¹⁶

Написания **что́ е** и (по)что́ ты — это, конечно, не свидетельства перехода полноударных словоформ в энклитики; они вполне подпадают под

¹⁵ Это написание также отмечено И. А. Корнилаевой [Корнилаева 2021: 167, сноска 11].

¹⁶ Безударное **ты** в современных церковнославянских текстах И. А. Корнилаева не описывает, но отмечает сочетание **ѡ́и ты** в Требнике 1680 г. (см. [Корнилаева 2021: 168, сноска 16]).

правило Смотрицкого, тем более что сочетание **чтѣ** **ѣ** приводится в его «Грамматике» в качестве примера (см. § 5).

§ 11. Для полноты картины следует отметить безударное **лнко** в Библии и Добротолюбии: **кѣтѣ лнко**, **чѣтѣ лнко**, **коѣгѣ лнко**, **коѣѣ лнко**, **когда лнко** Библ., **чѣгомѣ лнко** Добр., **гдѣ лнко** Библ., Добр. Это орфографический вариант для **–лнко**, ср. **кѣтѣ–лнко** Добр., **чѣтѣ–лнко**, **комѣ–лнко** Библ.

§ 12. Обсудим полученные результаты. Как показывает корпусное обследование, полный инвентарь форм, которые употребляются без знака ударения и требуют, согласно известному правилу, замены вари на оксию над конечной ударной гласной предыдущей формы, выглядит иначе, чем обычно предлагается в учебниках по церковнославянскому языку. В этот инвентарь входят не только 1а) **жѣ**, **лн**, **ко**, 1б) **мн**, **тн**, **ѣн**, **мѣ**, **тѣ**, **ѣѣ**, В. мн. **ны**, В. мн. **бы**, но и 2а) **ѣѣн**, **ѣѣтъ** (в Библии также **ѣѣмѣ**, **ѣѣтъ**), 2б) **бы**, 2в) **ѣѣ**, **ты**. Кроме того, в Библии и Добротолюбии встретилось **лнко**.

Может, правда, возникнуть впечатление, что совокупность форм, перечисленных в п. 2, составляет мизерную долю по сравнению с формами из п. 1, поэтому новонайденным материалом при формулировке правила замены вари на оксию как будто допустимо пренебречь. Но в таком случае пришлось бы также отбросить местоимения **ѣѣ**, **ѣн**, В. мн. **бы** (см. § 2), которые употребляются даже реже, чем, скажем, связки.

Другое дело, что не все формы из определенного выше инвентаря оказываются равноценными с точки зрения нормы. Если не учитывать явно маргинальные реликты **ѣѣ** и **ты** (2в), а также **лнко**, то запрет «Грамматики» Мелетия Смотрицкого на постановку знака ударения над односложными формами безукоризненно соблюдается в корпусе только для **жѣ**, **лн**, **ко** (1а) и **бы** (2б), в то время как местоимения (1б) и связки (2а) без знака ударения выступают (в той или иной пропорции) наряду с их акцентуированными вариантами. Такое различие может быть связано с тем, что «кирилло-мефодиевские переводы трактовали энклитики (по крайней мере слабые¹⁷) как полноударные словоформы. Это соответствовало особой торжественной манере чтения текста, при которой каждое слово полновесно и в определенной степени отделено от соседей» [Зализняк 2008: 269–270]. Не исключено, что запись со знаком ударения связок и местоимений (в том числе в примерах типа **козвѣдѣн мѣ**, см. § 3) восходит к подобной трактовке. Если так, то варьирование акцентуированных и безударных написаний можно представить как конкуренцию двух нормативных установок: одна была обусловлена особенностями возгласения богослужебных текстов, другая — правилом Мелетия Смотрицкого.

¹⁷ Т. е. местоимения в Д. и В. падежах и связки.

Источники¹⁸

Ап. — Апостол. М., 1989.

Библ. — Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. М., 2005.

Добр. — Добротолюбие в четырех частях. Тутаев, 2000.

Ев. — Священное Евангелие. М., 1984.

Ирм. — Ирмологий. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995.

Мин. — Минея служебная. М., 1996–1997.

Общ. — Минея общая. М., 2002.

Окт. — Октоих. М., 1981.

Постн., Цветн. — Триодь Постная и Цветная. М., 2002.

Праздн. — Минея праздничная. М., 1993.

Пс. — Псалтирь следованная. М., 1978. Ч. 1.

Служ. — Служебник. М., 1896.

Тип. — Типикон. М., 1906.

Треб. — Требник. М., 1980.

Цветн. — см. Постн., Цветн.

Час. — Часослов. М., 1980.

Литература

Алиппий (Таманович), иеромонах. Грамматика церковнославянского языка. М.: Паломник, 1991 [репринт изд. Джорданвилль; Нью-Йорк, 1984]. 272 с.

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М.: Издательство иностранной литературы, 1952. 446 с.

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981. 359 с.

Гридин В. Н. Эмфаза // Ярцева В. Н. (гл. ред.). Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 592.

Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. 280 с.

Корнилаева И. А. Из истории акцентных вариантов в книгах кириллической печати Нового времени // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2021. № 1. С. 164–186.

Корнилаева И. А. Русский с церковнославянским: союз *то есть* // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности: Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована. М., СПб.: Нестор-История, 2021а. С. 349–356.

Людоговский Ф. Б. Функционирование и эволюция служебного и четьего вариантов церковнославянского Евангелия в эпоху книгопечатания: постановка проблемы //

¹⁸ Использованы оцифрованные версии указанных изданий с сайта orthlib.ru.

Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2004–2005. М.: Древнехранилище, 2006. С. 400–418.

Соколов Д. Д. Справочная книжка по церковнославянскому правописанию. СПб.: Редакция журнала «Народное Образование», 1907. 40 с.

Kurz J. (гл. ред.). *Slovník jazyka staroslověnského*. Т. 1. Praha: Československá akademie věd, 1966. 853 с.

References

Alipii (Gamanovich), hieromonk. *Grammatika tserkovnoslavyanskogo yazyka* [Grammar of the Church Slavonic language]. Moscow, Palomnik Publ., 1991. 272 p.

Gorshkova K. V., Khaburgaev G. A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1981. 359 p.

Gridin V. N. [Emphasis]. Yartseva V. N. (ch. ed.). *Yazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistics. Large encyclopedic dictionary]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya Publ., 2000, p. 592. (In Russ.)

Kornilava I. A. [From the History of Accent Variants in the Cyrillic Printed Books of Modern Times]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. 2021, no. 1, pp. 164–186. (In Russ.)

Kornilava I. A. [Russian and Church Slavonic: conjunction to est']. *Slova, konstruksii i teksty v istorii russkoi pis'mennosti: Sbornik statei k 70-letiyu akademika A. M. Moldovana* [Words, Constructions and Texts in the History of Russian Literature: Collection of Articles for the 70th Anniversary of Academician A. M. Moldovan]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021a, pp. 349–356. (In Russ.)

Kurz J. (ch. ed.). *Slovník jazyka staroslověnského* [Dictionary of Old Church Slavonic]. Vol. 1. Prague, Czechoslovak Academy of Sciences Publ., 1966. 853 p.

Lyudogovskii F. B. [The functioning and evolution of the service and reading versions of the Church Slavonic Gospel in the epoch of printing: statement of the problem]. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka 2004–2005* [Linguistic Source Studies and History of the Russian Language 2004–2005]. Moscow, Drevnekhraanilishche Publ., 2006, pp. 400–418. (In Russ.)

Sokolov D. D. *Spravochnaya knizhka po tserkovnoslavyanskomu pravopisaniiyu* [A reference book on Church Slavonic spelling]. St. Petersburg, Redaktsiya zhurnala 'Narodnoe Obrazovanie' Publ., 1907. 40 p.

Vaian A. *Rukovodstvo po staroslavyanskomu yazyku* [A Guide to the Old Slavic Language]. Moscow, Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury Publ., 1952. 446 p.

Zaliznyak A. A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian Enclitics]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2008. 280 p.

Персонажи-самодуры А. Н. Островского в свете первичных речевых жанров

Ольга Евгеньевна Белова, Ивановский государственный университет (Россия, Иваново),
zhut1989@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724020071

АННОТАЦИЯ: В данной статье теория речевых жанров М. М. Бахтина, развитая А. Д. Степановым, применяется для анализа творчества А. Н. Островского. В частности, через призму первичных речевых жанров рассматриваются персонажи-самодуры. По мнению автора, для подобных персонажей характерен совершенно определенный и устойчивый набор первичных речевых жанров. Среди них преобладают императивные речевые жанры, связанные с воздействием на волю другого человека, а именно приказ, требование, угроза. Дается краткая характеристика каждого из этих жанров, из которой становится ясно, что персонажи-самодуры пользуются ими для навязывания собеседникам собственных прихотей. Данный вывод подтверждается приводимыми автором примерами (поведение Брускова, Ахова, Каркунова). Также самодуры прибегают к дидактическим речевым жанрам, что преимущественно демонстрирует их мнение о себе как о «сведущих» (подобное отличается, например, Кабаниху). При этом для самодуров также характерно использование речевого жанра жалобы, что открывает слабость их натуры, потерю сил при встрече с сопротивлением (на примере Большова, Ахова). По итогам исследования сделан вывод о широких возможностях применения теории речевых жанров при изучении творчества Островского.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевой жанр, самодур, приказ, требование, угроза, жалоба

для цитирования: Белова О. Е. Персонажи-самодуры А. Н. Островского в свете первичных речевых жанров // Русская речь. 2024. № 2. С. 90–97. DOI: 10.31857/S0131611724020071.

The Language of Fiction

Tyrannical Characters by A. N. Ostrovsky in View of the Primary Speech Genres

Ol'ga E. Belova, Ivanovo State University (Russia, Ivanovo), zhut1989@mail.ru

ABSTRACT: The author of this article applies the theory of speech genres of M. M. Bakhtin, developed by A. D. Stepanov, to analyze the plays of A. N. Ostrovsky. In particular, she considers the tyrannical characters through the prism of primary speech genres. According to the author's point of view, a completely definite and stable set of primary speech genres defines such characters. There prevail imperative speech genres, which are associated with influencing the will of another person, namely, an order, a demand or a threat. The article briefly describes each of these genres showing that they are used by the tyrannical characters to impose their own whims on the interlocutors. The author confirms this conclusion by the examples (the behavior of Bruskov, Akhov, Karkunov). What is more, the tyrannical characters resort to didactic speech genres, which mainly demonstrates their opinion of themselves as "knowledgeable" (this distinguishes, for example, Kabanikha). At the same time, the tyrannical characters often use the speech genre of complain, which shows the weakness of their nature and lack of strength when facing resistance (for example, Bolshov, Akhov). The author makes a conclusion that there are wide possibilities of applying the theory of speech genres in the study of Ostrovsky's plays.

KEYWORDS: speech genre, tyrannical characters, order, demand, threat, complaint

FOR CITATION: Belova O. E. Tyrannical Characters by A. N. Ostrovsky in View of the Primary Speech Genres. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 2. Pp. 90–97. DOI: 10.31857/S0131611724020071.

Специалистами, изучающими творчество А. Н. Островского, собран обширный материал, отражающий речевое мастерство драматурга, его владение словом. Искусное использование слова проявилось, кроме прочего, в сложном комбинировании в произведениях драматурга нескольких речевых жанров.

М. М. Бахтин определял речевые жанры как «относительно устойчивые типы высказывания, вырабатываемые той или иной сферой использования языка» [Бахтин 1986: 250]. Также он предложил классификацию всех речевых жанров на первичные (простые) и вторичные (сложные). Первичные жанры, в соответствии с его классификацией, формируются в непосредственном речевом общении, а вторичные — «в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного)». В контексте художественного произведения первичные жанры «утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям», подчиняются законам этого контекста [Бахтин 1986: 252].

В течение длительного времени первичные речевые жанры исследовались лингвистами, описавшими многие их конкретные формы и заложившими основы их классификации. С появлением работы А. Д. Степанова «Проблемы коммуникации у Чехова» (М., 2005) идея М. М. Бахтина относительно первичных речевых жанров была возвращена в литературоведение с учетом достижений лингвистов. Теоретическую основу для изучения первичных жанров в литературном произведении, созданную А. Д. Степановым, можно использовать и по отношению к творчеству Островского.

Изучать данный вопрос можно с различных сторон, в частности выявить диапазон первичных речевых жанров в пьесах Островского, выделить наиболее репрезентативные речевые жанры, характеризующие индивидуальность Островского, раскрыть элементы картины мира Островского, отраженные через результаты общения героев, и тому подобное. Например, используемые речевые жанры ярко характеризуют группу персонажей, которую исследователи вслед за автором определяют как «самодуров».

Для начала стоит уточнить, что понимать под подобным определением. Островский в комедии «В чужом пиру похмелье» ввел в литературу понятие «самодура», подразумевающее «дикого, властного» человека, деспота, попирающего волю и человеческое достоинство окружающих [Холодов 1963: 133]. Затем Н. А. Добролюбов ввел термин «самодурство», обозначающий общественное явление, распространенное в «темном царстве». По уточнению, внесенному Чернышевским, характерным проявлением самодурства является то, что люди руководствуются в своих действиях «только прихотями добрыми или дурными». Правда, Добролюбов определял как самодуров не только персонажей, показавших себя деспотами (Большов в комедии «Свои люди — сочтемся!», Брусков в пьесах «В чужом пиру похмелье» и «Тяжелые дни», Гордей Торцов в комедии «Бедность не порок») и вполне соответствующих характеристике Чернышевского, но даже Русакова из комедии «Не в свои сани не садись», про которого отнюдь нельзя сказать, что он руководствуется прихотями. Зато это можно сказать о некоторых персонажах из более поздних пьес Островского: например, Мавре Барабошевой («Правда — хорошо, а счастье лучше»), Ахове («Не все коту масленица»), Каркунове («Сердце не камень»).

А. И. Журавлева подчеркивает, что в самодурстве выражается искажение родительского авторитета [Журавлева 1981: 90]. Каждый из персонажей-самодуров несет в себе искаженный патриархальный идеал, воплощение злоупотребления властью и авторитетом.

При этом, если анализировать пьесы Островского в свете первичных речевых жанров, можно заметить, что для персонажей-самодуров характерен довольно устойчивый набор таковых.

Например, часто персонажи-самодуры прибегают к жанру приказа. Это (в соответствии с характеристикой А. Д. Степанова) один из доминирующих императивных речевых жанров, то есть жанров, «вызывающих осуществление или неосуществление событий, необходимых, желательных, опасных для кого-то из участников общения» [Степанов 2005: 189]. Жанр приказа отличается такими особенностями, как приоритет говорящего, его власть, основанная на авторитете (возраста и положения), категоричность, краткость, часто отсутствие объяснения причин и мотивов. За невыполнение приказа может следовать наказание. Вежливость не должна отличать приказ, поскольку необходимость, чтобы адресат выполнил волю адресанта, представляется априорной. К приказу обычно прибегают в официально-деловом общении, если же его используют в иных сферах — например, семейной — это может демонстрировать грубые претензии адресанта на превосходство вкупе с недовольством адресатом [Карандеева 2006: 11].

Все это можно отнести к персонажам-самодурам: возраст и материальное положение, по их мнению, которое окружающие не слишком оспаривают, дает им право повелевать, требовать исполнения своей воли — что и способствует развитию в этих персонажах своеволия, самодурства. Можно даже утверждать, что сама возможность приказывать в пьесах Островского становится условием формирования персонажей-самодуров. Сначала приказ покидает рамки делового общения, затрагивая частную жизнь подчиненного, а то и его внешний вид (как в диалогах Гордея Торцова с Митей); затем персонаж навязывает свои прихоти другим людям относительно их личной жизни и поведения (так поступают Большой, навязывающий дочери жениха, Ахов, прогоняющий Ипполита от Агнии, и Брусков, вплоть до реплики Брускова «Не дыши!», обращенной к сыну). В конце концов приказы самодура становятся аморальными, алогичными, противозаконными: таков приказ Брускова Захару Захарычу написать клеветническую жалобу на Ивановых.

Также самодуры активно используют речевой жанр требования. Он близок приказу, но имеет некоторые отличия. В частности, требование, как и приказ, выражается в категоричной форме побуждения к действию, однако в основе требования лежит предположение о том, что адресат не стремится выполнять казулируемое действие. Это предположение порождается тем, что адресант требования может и не обладать властью, а следовательно, приоритетом перед адресатом [Карандеева 2006: 10].

Различить приказ и неправомерные требования персонажей-самодуров зачастую непросто, так как они уверены в своей власти, а следовательно, в праве диктовать окружающим свою волю. Тем не менее порой и в их речи сквозит опасение по поводу того, что их воля не будет выполнена, поэтому ее изъявлению сопутствуют раздражение, угрозы и т. п. Волеизъявление, выраженное подобным образом, можно с уверенностью отнести именно к требованиям.

Например, желания Каркунова («Сердце не камень»), чтобы после его смерти Вера Филипповна до конца жизни оставалась вдовой, можно отнести именно к требованиям по двум причинам. Во-первых, его сопровождает завуалированная угроза лишить Веру Филипповну наследства, а в финале — уже прямая угроза убить. Во-вторых, Каркунов осознает, что жена вряд ли захочет исполнять его волю. «Заморил я ее, всю жизнь загубил...» [Островский, т. 8: 246]. В том же уверены и близкие их семье люди: «Она образ-то, на котором божилась, повернет к стене либо вовсе из комнаты вынесет, чтобы свидетелей не было, да и сделает, что хочет» [Островский, т. 8: 241].

Требования, выдвигаемые персонажами-самодурами, также имеют еще одну особенность: они неправомерны, не основаны ни на данном

заранее обещании, ни на здравой логике или моральных нормах. Именно такие требования выдвигают Ахов, Гордей Торцов, Брусков, Каркунов, а также, например, Курослепов («Горячее сердце»), который требует поймав непокорную дочь и «провести через город на веревке».

Требования и приказы самодуры часто сопровождают угрозами. Этот речевой жанр много близок речевому жанру обещания. Адресант, как и в случае с обещанием, обязуется что-то сделать по отношению к адресату ради наступления желательных для него (адресанта) последствий. Однако если в случае обещания адресант обязуется сделать что-либо приятное для адресата, то в случае угрозы — причинить ему прямо или косвенно вред. Так, Большов угрожает отдать дочь за дворника, Брусков — сдать сына в солдаты, Ахов — выволочь Ипполита от Кругловых за волосы. Если первая и третья угроза звучат достаточно реалистично, то вторая уже вызывает сомнения в выполнимости. Однако Брускова это не останавливает: кажется, он абсолютно уверен в своей власти.

Порой самодуры прибегают и к дидактическим речевым жанрам. Дидактические речевые жанры ученые определяют как родственные императивным, но не обладающие основным признаком последних — побуждением к прямому действию (например, наказ, поучение, заповедь). Адресант дидактических речевых жанров лишь указывает адресату на модель поведения, представляющуюся наиболее разумной и правильной. То, что персонаж прибегает к дидактическим речевым жанрам, означает, что он или обладает большим жизненным опытом, или считает себя таковым — и присваивает право более или менее добросовестно влиять на чужую судьбу.

Это характерно, например, для Кабанихи, для Ахова. И если Кабаниха хотя бы убеждена, что действует во благо («Ничего-то не знают, никакого порядка. Проститься-то как следует не умеют») [Островский, т. 2: 234], то Ахов откровенно глумится над чужой бедностью, упиваясь властью. «Богатый человек, ну, гордись, превозносись собой; а твое дело, Федосевна, только кланяться. Всем кланяться и за все кланяться, что-нибудь и выкланяешь, да и глядеть-то на тебя всякому приятнее. <...> Ты сирота и дочь твоя сирота; кто вас призрит, ну и благодетель, и отец родной, ну, и кланяться тому в ноги» [Островский, т. 6: 122].

Обратную сторону самодуров показывает еще один речевой жанр, к которому они прибегают, — жалоба. Жалоба относится к экспрессивным речевым жанрам, то есть служащим для выражения эмоций адресанта, и в определенном плане демонстрирует его слабость, бессилие. К жалобе часто прибегают в творчестве Островского персонажи, являющиеся как раз жертвами «темного царства» (от Липочки до Андрея Брускова). Однако к тому же жанру прибегают их мучители в случае краха или грозящей его опасности.

В жалобах Большова еще слышатся и угрызения совести, осознание заслуженного наказания. «Вы подумайте только, каково по Ильинке-то идти. Это все равно что грешную душу дьяволы, прости Господи, по мытарствам тащат. А там мимо Иверской: как мне взглянуть-то на нее, на матушку?» [Островский, т. 1: 89]. Ахов же откровенно возмущен «несправедливостью» судьбы: «Ведь я почетный, первостатейный, ведь мне все в пояс кланяются; а в этакой лачуге мне почету нет! Мне!! От вас!! Непокорность!! Курам насмех! <...> Как мне теперь людям глаза показать? Что обо мне добрые люди скажут?.. <...> Как жить? Как жить? Родства народ не уважает, богатству грубить смеет! <...> Отчего вы не лежите теперь в ногах у меня по-старому; а я же стою перед вами весь обруганный, без всякой моей вины?» [Островский, т. 6: 146]. Но в том и другом случаях жалоба демонстрирует, что самодуры на поверку оказываются слабыми людьми, способными «куражиться» лишь в спокойной обстановке, но теряющимися, если встретят сопротивление.

Таким образом, характерное для самодуров сочетание в речи приказов на бытовом уровне, неправомерных требований, угроз, дидактических жанров вроде поучения и одновременно жалоб со всей полнотой демонстрирует особенности натуры каждого из них: злоупотребление властью, уверенность в своей правоте, желание добиться своего любой ценой и одновременно слабость.

Подводя итоги, можно сказать, что изучение первичных речевых жанров в творчестве Островского открывает для исследований его творчества новые горизонты.

Источники

Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.: ГИХЛ, 1949–1951.

Литература

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.

Журавлева А. И. Островский-комедиограф. М.: Издательство Московского университета, 1981. 216 с.

Карандеева Л. Г. Ситуативно обусловленная вариативность просодических характеристик директивных иллокутивов (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2006. 20 с.

Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.

Холодов Е. Г. Мастерство Островского. М.: Искусство, 1963. 542 с.

Шмелева Т. В. Модель речевых жанров // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997. С. 88–98.

References

Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p.

Holodov E. G. *Masterstvo Ostrovskogo* [Ostrovsky's skill]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1963. 542 p.

Karandeeva L. G. *Situativno obuslovlennaya variativnost' prosodicheckikh kharakteristic direktivnykh illokutivov (experimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Situationally determined variability of prosodic characteristics of directive illocutives (experimental phonetic study based on the material of modern German): Dr. philol. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2006. 20 p.

Shmeleva T. V. [Model of speech genres]. *Zhanyri rechi*, 1997, no. 1, pp. 88–98. (In Russ.)

Stepanov A. D. *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [Chekhov's communication problems]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2005. 400 p.

Zhuravleva A. I. *Ostrovskii-komediograf* [Ostrovsky-comediographer]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1981. 216 p.

«О ты, что в горести напрасно на Бога ропщешь, человек!...» Функции ломоносовской цитаты в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»

Сергей Анатольевич Васильев, Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва), VasilevSA@mgpu.ru

DOI: 10.31857/S0131611724020085

АННОТАЦИЯ: Внимание исследователей уже привлекала цитата из «Оды, выбранной из Иова» М. В. Ломоносова, включенная в реплику Хлестакова, флиртующего с Марьей Антоновной. Ю. В. Манном выявлены следующие ее функции: комизм из-за несоответствия темы разговора и содержания приведенных поэтических строк, а также из-за возникшего положения Хлестакова, как на экзамене в гимназии; мысль о превратностях человеческой судьбы. Сопоставление содержания данного лирического произведения, являвшегося для читателя XIX века хрестоматийно известным, с Немой сценой, а также с поздней «Развязкой “Ревизора”», тоже гоголевским текстом, позволяет по-новому взглянуть на роль упомянутой цитаты. Синтез искусств, аллюзивность, богатая символика Немой сцены, насыщенная аллегорическая образность «Развязки “Ревизора”» через ассоциативные связи с духовной одой М. В. Ломоносова усиливают эсхатологические и апокалиптические смысловые планы «Ревизора», акцентируют духовно-нравственную проблематику, формируют ее поэтапную постановку и углубление. «Ревизор» в этом аспекте вполне можно воспринимать уже не только как произведение сатирическое и социально-обличительное, но и — в контексте поздних «Размышлений о Божественной литургии»

и «Выбранных мест из переписки с друзьями» — как призыв к покаянию и христианскому обновлению жизни.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Н. В. Гоголь, комедия «Ревизор», «Ода, выбранная из Иова» М. В. Ломоносова, функция цитаты

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Васильев С. А. «О ты, что в горести напрасно на Бога ропщешь, человек!..» Функции ломоносовской цитаты в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» // Русская речь. 2024. № 2. С. 98–105. DOI: 10.31857/S0131611724020085.

The Language of Fiction

“Oh, You, That in Sorrow You Grumble Against God in Vain, Man!..” Functions of the Lomonosov Quote in N. V. Gogol’s Comedy “The Inspector General”

Sergey A. Vasilyev, Moscow City University (Russia, Moscow), VasilyevSA@mgpu.ru

ABSTRACT: The attention of researchers has already been drawn to a quotation from “Ode Selected from Job” by M. V. Lomonosov, included in the replica of Khlestakov, flirting with Marya Antonovna. Yu. V. Mann identified its following functions: comedy due to the discrepancy between the topic of conversation and the content of the given poetic lines, as well as due to the situation that Khlestakov faced, as in a gymnasium exam; thought about the vicissitudes of human fate. Comparison of the content of this lyrical work, which was textbook-famous for the reader of the 19th century, with the Silent Scene, as well as with the later “Dénouement of the Inspector General”, also a Gogol text, allows us to take a fresh look at the role of the mentioned

quotation. Synthesis of arts, allusiveness, rich symbolism of the Silent Scene, rich allegorical imagery of “Dénouement of the Inspector General” through associative connections with the spiritual ode of M. V. Lomonosov strengthen the eschatological and apocalyptic semantic plans of “The Inspector General”, emphasize the spiritual and moral issues, formulate their phased formulation and deepening. “Inspector General” in this aspect can be perceived not only as a satirical and socially accusatory work, but also — in the context of the later “Reflections on the Divine Liturgy” and “Selected Passages from Correspondence with Friends” — as a call to repentance and Christian renewal of life.

KEYWORDS: N. V. Gogol, comedy “The Inspector General”, “Ode chosen from Job” by M. V. Lomonosov, role of the mentioned quote

FOR CITATION: Vasilyev S. A. “Oh, You, That in Sorrow You Grumble Against God in Vain, Man!..” Functions of the Lomonosov Quote in N. V. Gogol’s Comedy “The Inspector General. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2024. No. 2. Pp. 98–105. DOI: 10.31857/S0131611724020085.

Ломоносовская цитата звучит из уст Хлестакова в XII явлении IV действия гоголевского «Ревизора», что является смелым авторским художественным решением и, на первый взгляд, абсолютно выпадает из контекста имеющей характер флирта беседы Хлестакова и Марьи Антоновны. Приведем небольшой фрагмент этого диалога:

«Марья Антоновна. Я бы вас попросила, чтобы вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в альбом. Вы, верно, их знаете много. <...> Какие-нибудь эдакие: хорошие, новые. <...>

Хлестаков. Да у меня много их всяких. Ну, пожалуй, я вам хоть это: “О ты, что в горести напрасно на Бога ропщешь, человек!..” Ну и другие... теперь не могу припомнить, впрочем, это все ничего. Я вам лучше вместо этого представлю мою любовь, которая от вашего взгляда... (Придвигая стул)» [Гоголь 2003: 65].

Ситуация ухаживания и даже предложения сватовства если и требует стихов, то, очевидно, совсем другого рода — любовных, каких и просит Марья Антоновна: элегии, мадригала, послания и т. д. Слова в обращении с дамами Хлестаков подбирает в кажущемся ему модном, а на деле в давно устаревшем ложном сентиментальном стиле. Однако неожиданно,

и для самого Хлестакова прежде всего, из его уст звучит классическая, хрестоматийная духовная ода XVIII века — «Ода, выбранная из Иова» М. В. Ломоносова [Ломоносов 1959: 387–392]. Поразмывляем о ее функциях. Такого рода, на первый взгляд, частные вопросы, касающиеся иногда и рассмотрения отдельного слова [Васильев 2012], могут дать и дают важную информацию о писательском стиле.

К. С. Аксаков писал о широчайшей известности в начале XIX века ломоносовской оды: «... так нам знаком<ой>, так опрофанированн<ой> частыми повторениями и учебниками» [Аксаков 1981: 83]. Это подчеркнул Ю. В. Манн, считавший, что «...литературный пример рассчитан на легкую, мгновенную узнаваемость» [Манн 1987: 358].

Одна из функций цитирования оды Ломоносова состоит, по мнению Манна, в том, что «Хлестаков чувствует себя немножко как на экзамене» [Манн 1987: 358]. Перечень упомянутых Хлестаковым произведений образует очень пеструю картину, среди них знаменитые «Женитьба Фигаро», «Фрегат “Надежда”», «Юрий Милославский» и другие.

Строки из Ломоносова были не единственной поэтической цитатой в репликах Хлестакова. Как замечено, уже в следующем явлении, выпутываясь из очередной неловкой ситуации любовного объяснения, он упоминает Карамзина и цитирует стихотворение из его повести «Остров Борнгольм», посвященной теме запретной любви: «Для любви нет различия, и Карамзин сказал: “Законы осуждают”. Мы удалимся под сень струй» [Гоголь 2003: 66]. В этом вполне соответствующем развитию флирта контексте вдруг звучащее именно как цитата начало религиозной по своей проблематике ломоносовской оды представляет собой все же нечто особенное.

Ю. В. Манн указывает на еще одну, обобщенную, функцию ломоносовской цитаты в «Ревизоре»: «Ветхозаветная история о превратностях человеческой судьбы и могуществе высшей воли находит современное преломление в головокружительных подъемах и падениях...» [Манн 1987: 359], в частности в мнимом возвышении Хлестакова.

Если обратиться к творческой истории пьесы, то можно заметить, что в первой черновой редакции этой цитаты не было, появляется она в черновых набросках ко второй редакции, причем в соответствующем эпизоде используется другая фамилия главного действующего лица: Скакунов (что очень коррелирует с самохарактеристикой Хлестакова, у которого, по его выражению, «легкость необыкновенная в мыслях» [Гоголь 2003: 42, 44]). Во второй редакции пьесы стихи звучат после просьбы Марьи Антоновны записать что-нибудь ей в альбом. В первом издании «Ревизора» (1836) интересующие нас строки помещены в действии IV, явлении XI [Гоголь 2003: 415].

Ломоносовская цитата имеет не только достаточно очевидные сатирические, юмористические, пародийные функции, в частности разоблачение поверхностных культурных интересов дворянства. Это важный элемент создания характера Хлестакова, в котором, согласно авторскому указанию, нет стремления к сознательному обману, который идет на поводу ожиданий окружающих его действующих лиц и собственной фантазии.

Однако характер разбираемого фрагмента речи действующего лица — не просто упоминание или аллюзия, а точная цитата начала хрестоматийно известного произведения — позволяют связать этот образ, во-первых, с Немой сценой и, во-вторых, с гоголевской же «Развязкой “Ревизора”» (1846), по замыслу самого автора призванной дополнить уже известное читателю творение. О тесной связи последней (Немой) сцены «Ревизора» и «Развязки “Ревизора”», а также о принципиальной их значимости для понимания текста своей пьесы в октябре 1846 г. из Ниццы Гоголь писал И. И. Сосницкому, первому исполнителю роли городничего: «Обратите ваше внимание на последнюю сцену “Ревизора”. Обдумайте, обмыслите вновь. Из заключительной пьесы “Развязка Ревизора” вы постигнете, почему я так хлопочу об этой последней сцене и почему мне так важно, чтобы она имела полный эффект. Я уверен, что вы взглянете сами другими глазами на “Ревизора” после этого заключения, которого мне, по многим причинам, нельзя было тогда выдать и только теперь возможно» [Гоголь 2009: 410].

Над Немой сценой Гоголь интенсивно работал, готовя второе издание пьесы 1841 г., от нее, кстати, «Развязку “Ревизора”» отделяют всего несколько лет. В первом издании Немая сцена только упоминается, зато во втором — развернута с максимальной подробностью, с указанием ее длительности (почти полторы минуты).

Казалось, разоблачения лжеревизора и самобичевания городничего было бы вполне достаточно, как это реализовано в пьесе Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе» (1827, опубл. 1840). Однако Гоголь дает вторую, еще более сильную кульминацию, которая как бы выходит за рамки и текущей интриги, и даже земного мира. Застывших в ужасе чиновников сравнивают с героями античных мифов, встретившихся взглядом с Медузой Горгоной и, как следствие, окаменевших. Окаменение героев, по убедительному мнению Ю. В. Манна [Манн 1996: 213], имеет прямую параллель с вызвавшей восторг Гоголя знаменитой картиной К. Брюллова «Последний день Помпеи», о которой он подробно писал в статье для книги «Арабески», совпадающей по времени выхода с ранним этапом работы Гоголя над «Ревизором». А ведь упомянутая картина не просто изображает извержение вулкана и гибель знаменитого древнего города, но и воплощает тему трагической

смены цивилизаций, культур, эсхатологическую проблематику. Еще одна закономерная ассоциация связана уже с христианской культурой и темой Страшного суда, на котором человек, как известно, уже не сможет оправдываться и должен будет принять решение о нем Творца. Не случайно городничий раскинул руки в виде креста (впрочем, этот образ имеет различные трактовки, вплоть до профанации распятия).

Все это тематически, мотивно, содержательно близко ломоносовской духовной оде, которую цитировал Хлестаков (начало предполагает обращение знающего человека к тексту целиком, как, например, начало молитвы «Отче наш...»). По мнению В. Л. Коровина, у Ломоносова «речь Бога... в целом организована по принципу шестоднева, рассказа о шести днях творения...» [Коровин 2015: 93], у него, «...как и в библейской книге, Бог убеждает Иова, обращаясь к его разуму и воображению, и тем укрепляет его пошатнувшуюся веру» [Там же: 98] (выделено автором. — С. В.).

Объективно выстраивающаяся ассоциация между одическим образом и тематически близкой к ней Немой сценой — важный элемент внутренней формы произведения (об этом термине см.: [Минералов 1999]), обогащающей его содержание. Бог в изображении Ломоносова именно призывает человека на суд, пока еще не Страшный, но такой, на котором он уже не может дать ответа, что красноречиво проявляется в главном синтаксическом приеме произведения: амплификации риторических вопросов. Вторая кульминация, в буквальном смысле поразительная (как художественное решение) и поражающая, как гром среди ясного неба, персонажей, и развязка намечены уже в четвертом действии через поэтическую ассоциацию духовной оды с Библией и, далее, с Апокалипсисом: *«Городничий посередине в виде столба, с распростертыми руками и закинутой назад голову. <...> Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение. Занавесь опускается»* [Гоголь 2003: 86].

Еще одна функция ломоносовской цитаты в «Ревизоре», с нашей точки зрения, сформировалась позже, при создании «Развязки “Ревизора”», развернувшей то, что потенциально содержалось в эпиграфе и в этом образе духовной оды. Подчеркнем, что это именно авторский текст, представляющий собой развитие замысла писателя о своем произведении, писавшийся в 1840-е годы. И ломоносовская цитата, и принципиально дополненная Немая сцена, и «Развязка “Ревизора”» очень хорошо вписываются в тот мировоззренческий и, как следствие, художественный поворот, который был характерен для Гоголя в 1840-е гг. и который привел к созданию таких произведений, как «Выбранные места из переписки с друзьями», «Размышления о Божественной литургии» и другие, реализующие ярко выраженное религиозное, православное начало.

В «Развязке “Ревизора”» устами Первого комического актера, отсылающего слушателя к эпиграфу пьесы «На зеркало неча пенять, коли рожа крива», Гоголь дает ключ к новому прочтению пьесы, формирует аллегорически-символический ее план: город — душа человека, чиновники — человеческие страсти, ревизор — проснувшаяся совесть: «Ну, а что, если это наш же душевный город, и сидит он у всякого из нас? <...> взглянем... хоть сколько-нибудь на себя глазами того, кто позовет на очную ставку всех людей, перед которым и наилучшие из нас, не позабудьте этого, потупят от стыда в землю глаза свои, да и посмотрим, достанет ли у кого-нибудь из нас тогда духу спросить: “Да разве у меня рожа крива?” <...> Что ни говори, но страшен тот ревизор, который ждет нас у дверей гроба. Будто не знаете, кто этот Ревизор? Что прикидываться? Ревизор этот наша проснувшаяся совесть, которая заставит нас вдруг и разом взглянуть во все глаза на самих себя. <...> Хлестаков — шелкопер, Хлестаков — ветренная светская совесть, продажная, обманчивая совесть, Хлестакова подкупят как раз наши же, обитающие в душе нашей, страсти» [Гоголь 2003: 121–122]. Характерно, что в соответствии с формируемым религиозно-философским планом содержания пьесы слово «Ревизор» Гоголь написал с заглавной буквы, что передано в Полном собрании сочинений писателя. Призыв Первого комического актера, очевидно, в значительной степени тяготеющего в своих мыслях к alter ego автора, состоит в том, чтобы духовно очиститься как можно раньше, не дожидаясь роковой черты: «Лучше ж сделать ревизовку всему, что ни есть в нас, в начале жизни, а не в конце ее» [Там же: 121].

Итак, к выделенным Ю. В. Манном функциям ломоносовской цитаты в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», в первую очередь комическим, а также к идее о превратностях бытия, можно добавить следующее.

Синтез искусств (живописность и скульптурность), аллюзивность (античные мифы и Библия), в целом богатая символика Немой сцены, насыщенная аллегорическая образность «Развязки “Ревизора”» (город — человеческая душа, чиновники — живущие в ней страсти, ревизор — проснувшаяся совесть) через ассоциативные связи с духовной одой М. В. Ломоносова усиливают эсхатологические и апокалиптические смысловые планы «Ревизора», акцентируют духовно-нравственную проблематику, формируют ее поэтапную постановку и углубление. «Ревизор» в этом аспекте вполне можно воспринимать уже не только как произведение сатирическое и социально-обличительное, но и — в контексте поздних «Размышлений о Божественной литургии» и «Выбранных мест из переписки с друзьями» — как призыв к покаянию и христианскому обновлению жизни, прямо сформулированный в словах Первого комического актера.

Источники

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 4. М.: Наука, 2003. 912 с.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. XIII. М.; Киев: Издательство Московской Патриархии, 2009. 587 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 1280 с.

Литература

Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. 383 с.

Васильев С. А. Дубинноголовая: судьба гоголевского неологизма // Русская речь. 2012. № 2. С. 8–10.

Коровин В. Л. О богословских аспектах «Оды, выбранной из Иова» М. В. Ломоносова // Филаретовский альманах. Вып. 11. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. С. 93–100.

Манн Ю. В. Ломоносов в творческом сознании Гоголя // Ломоносов и русская литература. М.: Наука, 1987. С. 351–371.

Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. 474 с.

Минералов Ю. И. Теория художественной словесности. М.: Владос, 1999. 356 с.

References

Aksakov K. S., Aksakov I. S. *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. Moscow, Sovremennik Publ., 1981. 383 p.

Korovin V. L. [On the theological aspects of the "Ode chosen from Job" by M. V. Lomonosov]. *Filaretovskii al'manakh*. Iss. 11. Moscow, House of STOUIH Publ., 2015, pp. 93–100. (In Russ.)

Mann Yu. V. [Lomonosov in Gogol's Creative Mind]. *Lomonosov i russkaya literatura*. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 351–371. (In Russ.)

Mann Yu. V. *Poetika Gogolya. Variatsii k teme* [Gogol's poetics. Variations on the theme]. Moscow, Coda Publ., 1996. 474 p.

Mineralov Yu. I. *Teoriya khudozhestvennoi slovesnosti* [Theory of artistic literature]. Moscow, Vlados Publ., 1999. 356 p.

Vasil'ev S. A. [Dubinnogolovaya: the fate of Gogol's neologism]. *Russkaya rech'*, 2012, no. 2, pp. 8–10. (In Russ.)

«Композитные образования» как стилистический прием (на материале романа Д. И. Рубиной «Маньяк Гуревич»)

Дарья Михайловна Дедковская, Иркутский национальный исследовательский технический университет (Россия, Иркутск), darya_dedkovskay@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724020094

АННОТАЦИЯ: Настоящая статья посвящена анализу «композитных образований» в тексте романа Д. И. Рубиной «Маньяк Гуревич». «Композитные образования» представляют собой единицы, формально схожие с составными наименованиями или сложносоставными словами. Однако их структура, семантика и функции иные. Считать их сложносоставными словами нельзя в силу их отличия от последних по внутренней форме слова, а также широкого диапазона языковых единиц, становящихся компонентами таких «композитов». Помимо существительных, их составляющими могут быть и прилагательные, и причастия, и глаголы, и наречия, и др. Для «композитных образований» характерна многокомпонентность, это свойственно тем единицам, лексико-грамматическим наполнением которых становятся существительные и глаголы. Основная функция таких образований — стилистический прием. В тексте романа они помогают создать нелинейное повествование, сделать его той самой чередой картинок из жизни героя, что автор произведения считает основной особенностью композиции романа. Такие конструкции способны передать ситуацию или событие через призму восприятия героем действий, предметов и их признаков, и все это сливается в синтез ощущений и воспоминаний в сознании персонажа и создает у читателя особый перцептивный эффект.

При анализе подобных образований трудным является определение их лингвистического статуса. Возникает вопрос, применимо ли к ним понятие слова, каковы семантические и грамматические характеристики этой языковой единицы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: композитные образования, Д. И. Рубина, стилистический прием, синтез, синкретизм языковых единиц

для цитирования: Дедковская Д. М. «Композитные образования» как стилистический прием (на материале романа Д. И. Рубиной «Маньяк Гуревич») // Русская речь. 2024. № 2. С. 106–116. DOI: 10.31857/S0131611724020094.

The Language of Fiction

“Composite formations” as a Stylistic Device (Based on the Material of D. I. Rubina’s Novel “Maniac Gurevich”)

Darya M. Dedkovskaya, Irkutsk National Research Technical University (Russia, Irkutsk),

darya_dedkovskay@mail.ru

ABSTRACT: This article is devoted to the analysis of “composite formations” in the text of D. I. Rubina’s novel “Maniac Gurevich”. “Composite formations” are units that are formally similar to compound names or compound words. However, their structure, semantics and functions are different. They cannot be considered compound words due to their difference from the latter in the internal form of the word, as well as a wide range of linguistic units that become components of such “composites”. In addition to nouns, their components can be adjectives, participles, verbs, adverbs, etc. “Composite formations” are characterized by multicomponence, this is characteristic

of those units, the lexical and grammatical content of which are nouns and verbs.

The main function of such formations is a stylistic device. In the text of the novel, they help to create a non-linear narrative, to make it the very sequence of pictures from the life of the hero, which the author of the work considers to be the main feature of the composition of the novel. Such constructions are able to convey a situation or event through the prism of the hero's perception of the actions of objects, their signs, all this merges into a synthesis of sensations and memories in the mind of the character and creates a special perceptual effect for the reader.

It is difficult to determine their linguistic status, when analyzing such formations. The problem arises whether the concept of a word is applicable to them, what are the semantic and grammatical characteristics of this linguistic unit.

KEYWORDS: composite formations, D. I. Rubina, stylistic method, synthesis, syncretism of linguistic units

FOR CITATION: Dedkovskaya D. M. "Composite formations" as a Stylistic Device (Based on the Material of D. I. Rubina's Novel "Maniac Gurevich"). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 2. Pp. 106–116. DOI: 10.31857/S0131611724020094.

Д. И. Рубина — писатель, чьи произведения вызывают интерес не только у литературоведов, но и у лингвистов. Стиль прозаика отличается сочностью, разнообразием и неожиданностью использования языковых средств, которые, безусловно, способствуют реализации авторского замысла.

Целью нашего исследования является анализ «композиционных образований», определение их структуры и функций в тексте романа Д. И. Рубиной «Маньяк Гуревич».

Понятие «композиционные образования», к которым мы относим единицы типа *чинили-платили, обнимались-целовались, бородатых-мордатых, ветрами-дождями-снегами*, взято нами в кавычки не случайно, поскольку это явление трудно определить однозначно. Этот термин является весьма условным. Дефисное написание таких конструкций формально сближает их с составными наименованиями (типа *плащ-палатка, кафе-столовая*), которые также называют сложносоставными

словами с дефисным написанием, сложными словами с дефисным написанием. Нередко по отношению к этим единицам используют термин «компози́ты» [Ахманова 2004].

Дефисные написания, или дефисные комплексы, получили широкое распространение в современном языке, в особенности в художественных произведениях, текстах СМИ, языке интернета. Н. А. Николина отмечает, что функции подобных образований усложняются и могут быть различны. Она делит дефисные комплексы на два типа: «Первый тип представлен дефисными образованиями, которые оформляют цитаты или передают чужую речь и вряд ли могут рассматриваться как цельнооформленные номинации — сложные слова. Второй тип — дефисные комплексы, которые обозначают понятие, не имеющее закрепленного за ним наименования» [Николина 2011: 469].

Нам кажется, что понятие «композитные образования» может отражать специфику этих единиц: их состав, лексико-грамматическое наполнение и функции в тексте.

Главным героем произведения Д. И. Рубиной является врач-психиатр Семен Гуревич, талантливый доктор, человек с высокой степенью эмпатии, добрый и отзывчивый. Эпизоды из его жизни наполнены различными интонациями: от трагически-щемящих до комедийных, близких к буффонаде. «Жизнеописание в картинках — вот что такое этот роман. Вот что такое эти разные сцены: смешные и грустные, пронзительные и щемящие; и трогательные, и любовные... как сама наша, такая мимолетная жизнь», — так охарактеризовала свое произведение автор [Рубина 2022: задн. обложка].

В романе Д. И. Рубиной «композитные образования» являются особым стилистическим приемом.

Приведем примеры из романа «Маньяк Гуревич»:

*На застекленной, добротнo утепленной веранде с четырьмя раскидистыми фикусами по углам, на праздничной желто-синей скатерти уже пыхтел самовар, были расставлены чашки-блюдца, а на тарелках такие версали громоздились, что ребята застыли...*¹

...Катя приноровилась готовить обед на всю семью из половинки курицы: сначала варила детям бульон, потом вытаскивала разваренную мученицу и тушила ее же на сковороде с луком-картошкой.

На иврите, как это ни смешно, он стал говорить гораздо раньше и бойчее всяких кандидатов-докторов, которые зубрили построения глаголов и исключения из правил...

¹ Здесь и далее цитаты по изданию [Рубина 2022].

Перед нами такие сочетания, между компонентами которых несколько иные отношения, чем между компонентами в сложных словах или составных наименованиях. В сочетаниях типа *диван-кровать* и *женщина-космонавт* денонатом выступает один предмет, объект действительности. В представленных сочетаниях слов из произведения Д. И. Рубиной — денонат не один. Это можно увидеть, если трансформировать представленные контексты в предложения с однородными членами: **На застекленной, добротной утепленной веранде с четырьмя раскидистыми фикусами по углам, на праздничной желто-синей скатерти уже пыхтел самовар, были расставлены чашки и блюда, а на тарелках такие версали громоздились, что ребята застыли...*

**...Катя приноровилась готовить обед на всю семью из половинки курицы: сначала варила детям бульон, потом вытаскивала разваренную мученицу и тушила ее же на сковороде с луком и картошкой.*

**На иврите, как это ни смешно, он стал говорить гораздо раньше и бойчее всяких кандидатов и докторов, которые зубрили построения глаголов и исключения из правил...*

Возникает вопрос: почему автор отказывается от привычной синтаксической конструкции с однородными членами и выражает смысл иным, нетрадиционным способом? «Композитные образования» в художественном произведении Д. И. Рубиной обладают несколько иным смысловым наполнением: стремлением к обобщению, отсутствием конкретизации. Анализируя представленные выше контексты, мы можем сказать, что чашки-блюда — любая посуда, лук-картошка — овощи, кандидаты-доктора — высокообразованные люди. Конструкциям с однородными членами свойственна специфическая интонация перечисления, в то время как для «композитных образований» с дефисным написанием она не характерна. Наоборот, такие построения хочется прочитать как интонационное единство.

Лексико-грамматические характеристики компонентов подобных образований различны. Помимо существительных, лексическим наполнением таких «композигов» могут выступать слова разных частей речи.

Прилагательные: *Входишь во двор по дороге в школу и попадаешь в розовую-марганцовую, или зеленоватую от зеленки, или голубоватую от синьки ска-заную страну...*

Глаголы: *Много чего еще имелось у него в арсенале: пальцы бегали вразброс, как тараканы, щипали-щелкали, перебирали струны. И как же он старательно все-все прощупал-проверил.*

Причастия: *Вспоминал жестокою вьюгу в канун Нового, 1984-го, года и прокуренную-протопленную, похожую на парную, столовку на Васильевском, где схомячили они с Тимой по две порции «Ленинградских».*

Деепричастия: ...оставишись с женщиной наедине, Гольц отчебучивает то правой, то левой, заплетая-расплетая их на краткий миг кренделями, чокаясь коленками, штопором вращаясь вокруг оси, свободно раскачивая висящими руками.

Однако не во всех случаях возможна трансформация «композитного образования» в ряд однородных членов (как это представлено выше). Это связано с тем, что по смысловым отношениям компоненты не всегда однородны. Особенно это касается «композитов» с адъективным значением.

Тетка была пожилая, рыжая-крашеная, платье в блестках, голые немолдые руки в дешевых браслетках... ; И камни она ценила крупные, броские-самоцветные: яшму, бирюзу, янтарь, сердолик и агат. Общежития ей как местной-прописанной не полагалось.

Как видно из примеров, компоненты неоднородны, что делает их более сложными, глубокими и стилистически нагруженными. Такие «композиты» дают возможность описать ситуацию, явление, человека, предмет так, чтобы отразить самый главный, ядерный смысловой оттенок, показать то, что важно и для героя, и для автора. «Композитным образованиям» с адъективным значением свойственна одновременность проявления признаков. Если воспользоваться языком живописи, это дает возможность не накладывать самостоятельные краски, а смешивать их, создавая более сложную цветовую палитру.

Отличительной особенностью некоторых композитных образований в романе Д. И. Рубиной является их многокомпонентность. Очень часто они состоят более чем из двух частей. Например: *Так в музеях бывает:ходишь в вестибюль, слева — кассы, справа гардероб, но ввысь перед тобой вздымается головокружительная золоченная лепная-резная лестница, и ты знаешь, что там наверху — залы, люстры-фрески-ковры-вазы-мушкетеружья-картины, а также самое интересное: мраморные дядьки и тетки...*

И кружили, кружили перед глазами безносые каменные девы и траченные ветрами-снегами-дождями ангелочки, и завывали печальные слова на забытых всеми памятниках, незабвенно-безутешные... скорбящие-осиротелые...

Если представить эти конструкции в виде ряда однородных членов, то обнаруживается существенная разница. В трансформированных высказываниях происходит перечисление предметов, где на каждом из них делается акцент. В «композитных образованиях», напротив, нет перечисления. Здесь автор желает создать единый клубок предметов и явлений в восприятии героя. Происходит намеренный уход от детализации воспринимаемого пространства, ситуации. Отказываясь от передачи этого содержания через ряды однородных членов, Рубина достигает особого перцептивного эффекта. С. Ю. Лаврова отмечает: «В образе восприятия

в качестве единицы взаимодействия представлен весь предмет в совокупности его инвариантных свойств. Следовательно, образ восприятия выступает как результат синтеза ощущений» [Лаврова 2008: 10]. Вот этот «синтез ощущений» передается автором с помощью «композиционных образований». Иными словами, мы воспринимаем вслед за героем не отдельные объекты действительности в определенной последовательности, перед нами круговорот разных предметов, что вызывает чувство единства мироощущения, мимолетности впечатления. Важна не сама ситуация в деталях, а впечатление и ощущение от нее.

Можно сказать, что это стилистический прием импрессионизма в прозе. Как импрессионисты пытались передать одним мазком мимолетность мгновения, так и автор романа с помощью языковых средств, одним из которых являются «композиционные образования», передает быстротечность времени, момента.

Следует отметить, что такая многокомпонентность в большей степени свойственна тем композиционным образованиям, которые состоят из существительных или глаголов.

Возможно, что собирание существительных в такие «цепочки» связано со способностью слов этой части речи лаконично описать ситуацию. *Ходил, в чем все ходили: синие школьные брюки, черная куртка; шапки-носки-шарфы-варежки вязала ему бабушка* [Рубина 2022: 113]. Здесь неважно, что именно вязала бабушка, она вязала любые теплые вещи.

Кроме того, маму привлекал дешевый и качественный трикотаж: свитерки-майки-панталоны-лифчики. Следует заметить, что в этом предложении сохранены формальные признаки предложения с однородными членами с обобщающим словом. Но автор отказывается от этой конструкции для создания эффекта обобщенного восприятия предметов.

В большинстве случаев характерной особенностью таких многокомпонентных «композиций» является то, что денотатом чаще всего выступают конкретные предметы действительности. Если говорить о субстантивах, то чаще всего компоненты этих образований — существительные с конкретным или вещественным значением. Это говорит о том, на наш взгляд, что для автора важно передать вещный мир, но, как ни парадоксально это звучит, отказавшись от его конкретности, осязаемости, восприятия привычными органами чувств. Все эти объекты действительности нельзя воспринимать самостоятельно, они должны передавать читателям единый комплекс значений, смыслов, ощущений в сознании героев произведений. Размышляя о дефисных комплексах, Н. А. Николина отмечает: «Объединение в одно целое разных слов подчеркивает неразрывную связь обозначаемых ими реалий или явлений в индивидуальном сознании» [Николина 2011: 468–469].

В аспекте категории перцептивности «композитные образования» служат своеобразным средством создания образа субъекта восприятия в художественном тексте. Этот процесс может быть подчинен созданию художественных образов разного характера, не только человеческого, но и предметного, поскольку «образ предмета обязательно хранит след человеческой психологии» [Авдеевнина 2011: 9]. Многокомпонентные «ком-позиты» — это имплицитный способ отображения процесса восприятия. Очень часто исследователи сосредоточивают свое внимание на глаголах, обладающих перцептивным потенциалом. Здесь мы можем сказать, что ключевыми единицами описания ситуации восприятия, а также создания образа субъекта восприятия выступают номинативы.

Специфично и функционирование глагольных композитов. Они позволяют не только передать одновременность действия, но и подчеркнуть его интенсивность. *Хотелось съесть его немедленно, разорвать ногтями шкуру... взрыться-всосаться в сердцевицу, слопать в один присест...; Обледенелый Гуревич в куртке поверх халата принялся обоими кулаками барабанить-ломиться, приплясывая на крыльце и довольно громко подывая.*

Особенно это проявляется в многокомпонентных глагольных образованиях подобного типа. *В папиной семье все, кроме папы, были хирургами. Два брата и сестра, тетя Фаня. Она тоже кромсала-шила-пилила-рубила, как заливчатский дровосек; В коридорах министерства сидели-стояли-околачивались-качались, перекрикивались и травили анекдоты, подпирали стенки, спотыкались о падающих и бегающих детишек толпы народу.*

Кроме того, глагольные образования в романе передают ряд действий как единый процесс, направленный на один результат. Например: *Еще часа через полтора бригада скорой помощи стала собираться-складываться в намерении покинуть поместье совхозного барина; Пока разбирались, чинили-платили, меняли лампочки, ругались с химчисткой, пробежал месяцок-полтора; Ну и далее пациента мыли-брили-переодевали в больничное и отводили в соответствующее отделение...*

Надо отметить, что для глагольных «композитных образований» часто характерна разговорность компонентов, ср., например, *кромсала, околачивались*.

При анализе «композитов» возникают вопросы и об их лингвистическом статусе как таковом. Применимо ли к ним понятие слова? Ведь перед нами не отдельное слово с одним конкретным значением, а комплексная единица. Кроме того, и денотивные характеристики различны. Как указывает М. В. Костромина, в биноминах, к которым она относит в том числе и сложносоставные наименования, есть контаминация денотативных значений обоих компонентов этой языковой единицы. В итоге

референтом выступает один предмет. В «компози́тах» этого слияния денотативного значения нет, сохраняется референт каждой части, в результате перед нами единица, имеющая семантику обобщения. Именно это не дает отнести «компози́тные образования» к сочетаниям с приложениями, несмотря на то что в обоих случаях компоненты сохраняют самостоятельность. Как указывалось выше, от составных наименований «компози́тные образования» отличаются еще и лексико-грамматическим наполнением, которое не ограничивается номинативной основой.

Предположим, что перед нами языковая единица синкретичного характера, совмещающая в себе признаки и слова, и синтаксического единства. Возможно, что, учитывая относительную целостность понятия, выражаемого ими, и цельность интонации, мы наблюдаем своеобразную синтагму: «интонационно-смысловое единство, которое выражает в данном контексте и в данной ситуации одно понятие и может состоять из одного слова, группы слов и целого предложения» [Светозарова 2003: 469].

Таким образом, вопрос о том, применимо ли к подобным единицам понятие *слово*, требует более тщательного изучения.

В романе Д. И. Рубиной основной функцией «компози́тных образований» является создание обобщенного образа. В художественном пространстве текста необходимо подчеркнуть несамостоятельность какого-то предмета, вещи, потому что перед нами воспоминание, а точнее жизнеописание в картинках — это авторское определение романа очень важно при анализе подобных единиц.

С точки зрения хронологии повествование нелинейно. Описывая ситуацию здесь и сейчас, автор обращается то к прошлому, то к будущему героя. «Компози́тные образования» становятся при этом одним из важнейших стилистических приемов создания этой череды сцен из жизни героя, переходов во времени. Каждая новая картинка — это не просто цепочка событий, реплик. Для Гуревича это прожитая и пережитая реальность, которая отложилась в памяти, в сердце не в виде отдельных предметов действительности или действий, а в виде образов, которые и в воспоминаниях не статичны, а сложны, переплетаются между собой, создавая сложную картину жизни. «Компози́тные образования» помогают во многом передать этот синкретизм мыслей, чувств.

Отсутствие детализации дает возможность представить не столько саму ситуацию, сколько впечатление от нее у героя произведения. С помощью таких конструкций создается своеобразная картина судьбы героя, «компози́ты» позволяют сделать роман не просто жизнеописанием, а жизнеописанием в картинках, передать мимолетность бытия и передать не мир предметов и вещей, а мир красок, чувств, восприятий и ощущений.

Источники

Рубина Д. И. Маньяк Гуревич. М.: Эксмо, 2022. 512 с.

Литература

- Авдевина О. Ю. Понятие субъект восприятия в антропологии языка и текста // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2011. № 2. С. 7–16.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
- Дрога М. А. Составные наименования русского языка // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики: сб. науч. ст. междунар. науч. конф., Белгород, 12–14 мая 2014 г. М., 2014. С. 159–164.
- Костромина М. В. Биномины в современном русском языке. Семантика. Грамматика. Орфография: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 23 с.
- Лаврова С. Ю. Перцептивный образ как аксиологический знак художественного мира (на материале «Очерков» К. Д. Бальмонта) // Солнечная пряжа. № 2. Иваново, 2008. С. 10–16.
- Николина Н. А. Функционирование дефисных комплексов в современной речи // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 467–469.
- Светозарова Н. Д. Синтагма // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. С. 469–470.

References

- Avdevnina O. Yu. [The concept of the subject of perception in the anthropology of language and text] *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*, 2011, no. 2, pp. 7–16. (In Russ.)
- Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. [Dictionary of linguistic Terms]. Moscow: URSS: Editorial URSS Publ., 2004. 571 p.
- Droga M. A. [Compound names of the Russian language]. *Sovremennye problemy yazykoznaniiya, literaturovedeniya, mezhkul'turnoi kommunikatsii i lingvodidaktiki: sb. nauch. st. mezhdunar. nauch. konf.* [Modern problems of linguistics, literary studies, intercultural communication and linguodidactics: collection of scientific articles of the international scientific conference]. Belgorod, May 12–14, 2014. Moscow, 2014, pp. 159–164. (In Russ.)
- Kostromina M. V. *Binominy v sovremennom russkom yazyke. Semantika. Grammatika. Orfografiya*. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk [Binomials in modern Russian. Semantics. Grammar. Spelling: Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1992. 23 p.

- Lavrova S. Yu. [The perceptual image as an Axiological sign of the artistic World (based on the material of K. D. Balmont's "Essays")]. *Solnechnaya pryazha*, no. 2. Ivanovo, 2008, pp. 10–16. (In Russ.)
- Nikolina N. A. [The functioning of hyphenated complexes in modern speech]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2011, no. 6 (2), pp. 467–469. (In Russ.)
- Svetozarova N. D. [Syntagma]. *Russkii yazyk: Ehntsiklopediya*. Pod red. Yu. N. Karaulova. [Russian language: Encyclopedia. Ed. by Yu. N. Karaulov]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya Ehntsiklopediya Publ., 2003, pp. 469–470. (In Russ.)

Пасторальная комическая опера Екатерины Великой «Федул с детьми» как культурный образец

Ника Романовна Тестова, Литературный институт им. А. М. Горького (Россия, Москва),
nikaromanovna@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611724020104

АННОТАЦИЯ: Екатерина II, несмотря на свой статус, является типичным автором эпохи Просвещения: она пишет пьесы, чтобы «править нравы», ее цель — сформировать для дворян новый культурный образец. От рядового автора императрицу отличает не качество пьес, а возможность подтверждать свои классицистические идеалы внесценическими эффектами. «Федул с детьми», например, пишется ею для того, чтобы разрешить назревшую проблему неравных отношений дворян и представительниц податного сословия, и для утверждения идей, выраженных в тексте, императрица выдает замуж за равного ту артистку, которая послужила прообразом главной героини пьесы. Остальные персонажи также являются аллюзиями на реальных лиц — из мира придворных и из мира театра. «Федул с детьми» — типичная комическая опера, в которой Екатерина использует логику жанра, чтобы убедить зрителя постановки в своей правоте. Нравственная победа третьего сословия здесь утверждается благодаря тому, что его представители, исходя из текста пьесы, выступают носителями древних природных нравственных ценностей, а потому их могут погубить отношения с порочным миром дворянства. Умение использовать особенности жанра в своих авторских целях показывает Екатерину как человека, хорошо чувствующего и знающего стиль эпохи. «Федул с детьми» обладает

всеми характерными чертами комической оперы, в том числе такими, как говорящие имена, крестьянские песни, использование поговорок, страх представителей крестьянского мира пасторали перед враждебным городом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Екатерина Великая, пастораль, комическая опера, театр, эпоха Просвещения, культурный образец

для цитирования: Тестова Н. Р. Пасторальная комическая опера Екатерины Великой «Федул с детьми» как культурный образец // Русская речь. 2024. № 2. С. 117–127. DOI: 10.31857/S0131611724020104.

The Language of Fiction

Catherine the Great's Pastoral Comic Opera “Fedul and His Children” as a Cultural Pattern

Nika R. Testova, Maxim Gorky Literature Institute (Russia, Moscow), nikaromanovna@yandex.ru

ABSTRACT: Despite her status, Catherine II was a typical writer of the Enlightenment. She wrote her plays in order to “govern morals”, and her goal was to create a new cultural pattern for the nobility. The difference between her and ordinary writers was not the quality of her plays, but the power she possessed to reaffirm her classicist ideals using off-stage effects. Her opera Fedul and his Children, for example, was written to address the pressing contemporary problems arising from unequal relationships between noblemen and non-noble women. The other characters were also based on real people, drawn from the Imperial court and from the theatrical world. Fedul and his Children is a typical comic opera in which Catherine uses the rules of the genre to persuade the audience of the correctness of her views. The moral victory of the third estate is confirmed in the play by the fact that, according to the text, precisely its members are the carriers of primordial

natural values, which is why interactions with the corrupt world of the nobility pose such a danger to them. Her ability to make use of the specificities of the genre sheds light on Catherine as someone who was familiar with and sensitive to the style of the period. Fedul and his Children has all the characteristic features of a comic opera, including allusive character names, peasant songs, the use of proverbs and the fear inspired by the hostile city in peasants fresh from their pastoral idyll.

KEYWORDS: Catherine the Great, pastoral, comic opera, theatre, the Enlightenment, cultural pattern

FOR CITATION: Testova N. R. Catherine the Great's Pastoral Comic Opera "Fedul and His Children" as a Cultural Pattern. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 2. Pp. 117–127. DOI: 10.31857/S0131611724020104.

Екатерину Великую можно считать образцовой императрицей эпохи Просвещения, если смотреть на то, как при помощи литературы она помещает Российскую империю в ряд «республик письмен» [Goodman 1994]; [Проскурина 2017: 7] и как своими пьесами предлагает дворянству новую культуру поведения [Акимова 2013: 204–216]. Каждый раз, обращая внимание на конкретную социальную проблему, Екатерина писала пьесу, в которой объясняла, как просвещенный гражданин должен относиться к той или иной истории и как должен себя вести, оказываясь внутри нее. Мотивация императрицы как автора также позволяет назвать ее типичным драматургом эпохи Просвещения, поскольку она, как Плавильщиков или Фонвизин, ставила перед собой задачу «исправлять нравы» при помощи драматургии [Зорин 2016: 62, 68–69]. В данной статье будет проанализирована комическая опера «Федул с детьми», написанная для решения определенной социальной проблемы; однако, несмотря на прикладной характер, пьеса обладает всеми чертами модной тогда комической оперы про третье сословие, «исправляет нравы», а решение конфликта, лежащего в основе сюжета, Екатерина предлагает, основываясь на литературной логике пасторали.

Проблема неравенства податного и неподатного сословий, а конкретнее — отношений между дворянами и артистками, встала особенно остро в 1791 году, когда и была создана пьеса «Федул с детьми». Во многом это произошло из-за выступлений депутатов на собрании Уложенной комиссии, где в том числе участвовали драматурги Аблесимов, Попов, Новиков,

Майков и другие [Западова, Макогоненко 1952: 203]. На нем среди прочего обсуждалась тяжелая жизнь крестьян, благодаря чему в обществе начали говорить о правах податного сословия. На сцене же стало модно ставить комические оперы, в которых было возможно сталкивать крестьянский и дворянский миры, например «Мельник — колдун, обманщик и сват» Аблесимова, «Розана и Любим» Николева. Такое явление, как соержанство, когда дворяне жили с артистками, становилось все более распространенным [Щепкин 1988: 10]. В этот же год начал обрастать слухами театально-придворный скандал — любовный треугольник артистки Лизы Урановой, артиста Силы Сандунова и статс-секретаря Екатерины графа Безбородко [Зорин 2006]. В истории также был замешан статс-секретарь императрицы Храповицкий, один из двух директоров придворного Эрмитажного театра, поскольку именно он мог выдавать разрешение на брак и от него зависело жалование артистов. Екатерина считала важным вмешаться в этот конфликт, поэтому написала комическую оперу, где с помощью аллегории раскрывается тема соержанства, а каждый персонаж — это аллюзия на реальное лицо или группу лиц, участвовавших в любовном треугольнике:

- 1) отец семейства Федул = директор театра Храповицкий;
- 2) его дочь Дуняша = артистка Лиза Уранова;
- 3) увлеченный Дуняшей богатый Дегина из Петербурга = граф Безбородко;
- 4) невеста Федула Худуша = императрица Екатерина;
- 5) остальные дети Федула = коллектив артистов Эрмитажного театра.

Как видно уже из списка действующих лиц, пьеса является типичной комической оперой с привычными для классицизма говорящими, отсылающими к определенной идее именами: Федул, с греч. «раб божий», хранитель естественного порядка; Худуша, «худая», насмешка Екатерины над собственной внешностью. По форме «Федул с детьми» так же, как и другие комические оперы, представляет «прозаическую пьесу с музыкальными номерами (более или менее развитыми), написанными на поэтические тексты» [Семенова 2012: 256], однако Екатерина позволила себе в этот раз (как и в случае с другими своими пьесами в этом жанре) отойти от привычного деления на три акта, оставив в «Федуле» только один. Как в либретто, так и в музыке использовались народные мотивы [Полозова 2016: 58] и поговорки, характеризующие речь персонажей, что можно встретить во многих комических операх того времени (например, «Ямщики на подставе» Львова, «Скупой» Княжнина, «Санкт-Петербургский гостинный двор» Матинского). Хронотоп пьесы также типичен для русской комической оперы о третьем сословии, тяготеющей к пасторали

[Немировская 2008: 43]. Персонажи не обладают полноценными «характерами», выражая идеи, заложенные автором, из-за чего Гуковский называл метажанр пасторали «лицемерным» и «самым неприятным, что оставило нам XVIII столетие в области искусства» [Гуковский 1940: 1]. Сам жанр подразумевал некоторую «демократизацию» [Саськова 2000: 8], выводя крестьян на главные роли. Однако драматурги, как правило, не решались выйти за границы дозволенного, и брак между крестьянкой и дворянином становился возможным, только если у крестьянки обнаруживалась «голубая кровь», и тогда «на всякий случай» пьеса заканчивалась нравовучением: «Чем не создан ты владеть / Не старайся ты иметь» (Попов «Анюта») [Моисеева (ред.) 1986]. Однако, если в подобных случаях и можно заподозрить автора в «лицемерии», то в случае с Екатериной имеет место тонкая игра, на грани драматургии и срежиссированного представления, речь о которой пойдет ниже.

Шиллер в работе «О наивной и сентиментальной поэзии» называет тексты, относящиеся к метажанру пасторали, «утопиями», подразумевая их «внекультурность», «наивность» [Шиллер 1957: 441–448]. Пасторальный мир — это мир, где природа представляется спокойным, неподвижным идеалом, к которому человеку, испорченному цивилизацией, следует стремиться [Greg 1959: 464]. Любопытно, что всплеск интереса к пасторали возникает каждый раз, когда человек становится «горожанином» и отдаляется от природы, когда происходит усложнение социальных связей и увеличивается контроль государства над обществом [Evans 1955] (тем любопытнее факт, что жанр пасторали использует императрица). Все эти мотивы Екатерина остроумно обыгрывает, с одной стороны, создавая типичную комическую оперу, а с другой — показывая как дворянам, так и крестьянам «правильный» выход из ситуации, подобной той, которая описывается в пьесе.

Бахтин предлагал классифицировать идиллии по степени преобладания в тексте реальных или метафорических связей с природой, а также по значимости темы семьи, выделяя любовную, семейную, земледельческо-трудовую и ремесленно-трудовую [Бахтин 1975: 234–407]. «Федул», благодаря наличию двух сюжетных линий, является смешением любовной и семейной идиллий.

Первая сюжетная линия посвящена отношениям Дуняши, крестьянки, и Детины, богатого юноши из Петербурга, который влюбляется в девушку с первого взгляда. Очаровавшись ее чистотой и непосредственностью, он предлагает деньги, обещает богатую столичную жизнь, а затем урывает поцелуй. Дуняша колеблется — ей приятно внимание дворянина, но она боится, что за разговоры с чужаками ее могут бить, и высказывает комичные, учитывая возвышенные реплики Детины, опасения: «Мне пора идти

домой, Мне загнать гусей и кур, Чтоб не быть битой самой». Этот сюжет достаточно характерен для идиллии.

- 1) Горожанин, носитель чужих нравов, является источником опасности для персонажа из деревни.
- 2) Нравственная правота деревенской девушки Дуняши подчеркнута самым хронотопом, ее близостью к естественной жизни. Ее характер и нрав обусловлены тем местом, где она родилась и выросла, где уклад жизни формировался веками и еще долго не изменится (то, что Бахтин назвал «смутно ощущаемым фольклорным единством времени»).
- 3) Именно нравственная чистота девушки, ее принадлежность к естественному миру природы привлекает молодого горожанина.
- 4) Быт пронизывает всю жизнь главной героини, ритм хозяйственных дел соответствует ритму естественных событий (таких как рождение, создание семьи и смерть), и выпадение из этого ритма даже на десять минут (для разговора с горожанином) несет опасность для деревенского героя.

Заканчивается эта сюжетная линия большим монологом Дуняши, в котором она проговаривает свои опасения, что городская жизнь ее погубит: «Я крестьянкою родилась, так нельзя быть госпожой; я в деревне жить привыкла, а там буду привыкать»¹. С психологической и исторической точек зрения эту реплику нельзя назвать правдивой: сохранилось немало свидетельств того, как артистки (подразумеваемые под крестьянками) идут на отношения с теми, кто выше их по статусу, например, можно вспомнить Прасковью Жемчугову [Маципуло 2015]. Однако эта реплика логична с точки зрения жанра. Жанр комической оперы, любовной пасторали дает Екатерине возможность «галантным языком» [Акимова 2013: 14–20] говорить о сословном делении и необходимости его строгого соблюдения, расставляя акценты так, будто это нужно в первую очередь крестьянам. Дуняша проговаривает, что в городе ей будет плохо, потому что город (дворянский мир) лжив и опасен для человека, выросшего среди природы, естественных нравов.

Екатерина полагала, что зрители ее комической оперы не только считают аллегорией, но и запомнят этот «правильный» взгляд на неравенство (якобы удобное для податного сословия). Логика императрицы была основана на тех предпосылках, которые Лотман описывал как «историко-психологические механизмы человеческих поступков», поясняя, что основным источником сюжетов поведения дворянства той эпохи была

¹ Здесь и далее текст оперы «Федул с детьми» цитируется по изданию [Екатерина II 1901].

литература, пережитый культурный образец [Лотман 1975: 25–74]. Иначе говоря, дворяне были готовы усваивать «литературную» логику и встраивать культурный образец в свою реальную жизнь. Пави в «Словаре театра» писал, что актер — носитель знаков, средоточие сведений о рассказываемой истории [Пави 1991: 10], следовательно, именно он становится носителем ценностей текста [Котович 2011: 33–34]. Благодаря тому, что Дуняшу, крестьянку-актрису, играла Лиза Уранова, две истории — реальный любовный треугольник и сюжет пьесы — сближались, что делало литературную логику «убедительнее» для реальной жизни; из этого следовало, что дворяне не должны предлагать артисткам отношений, чтобы не разрушать их жизнь.

Вторую сюжетную линию по классификации Бахтина можно отнести к семейной идиллии.

- 1) Федул — носитель традиции, что подчеркивается многочисленными поговорками в его речи, особенностями воспитания детей, поиском жены для помощи по хозяйству.
- 2) Дети Федула боятся нового человека в доме, страх новизны характерен для жанра.
- 3) Сюжет построен на соотношении мира взрослых и мира детей.
- 4) Сочетание темы детей и темы еды как того, что является частью ежедневной крестьянской жизни.

Основной конфликт второй сюжетной линии — спор Федула и его детей. Отец хочет найти себе жену, чтобы лучше следить за детьми, а те, в свою очередь, боятся чужого уклада, изменений, возможных побоев. Заканчивается сюжет и сама пьеса тем, что на сцену выходит избранница Федула, Худуша, чье имя иронически противопоставлено ее дородности (Екатерина не стеснялась смеяться над собой). Появляясь на сцене, она не говорит ни слова, и на этом текст обрывается.

Примечательно, что сюжетная линия Федула и вдовы Худуши, за которую сватаются богатые женихи, но та отказывает, схож с популярной в то время крестьянской песней «Вдовушка по сеничкам похаживала». Вероятно, Екатерина берет за основу фольклорный сюжет, чтобы усилить черты жанра комической оперы, в которой нередко использовались не только крестьянские мотивы, но и крестьянские песни. Кроме того, по сюжету из всех женихов «вдовушка» выбрала скомороха — человека из мира искусства, что вновь должно было напомнить о «настоящем» смысле пьесы.

Федул ищет жену для того, чтобы она помогала следить за детьми, в то время как Храповицкого не так волновала нравственность артистов, хоть это и считалось заботой дирекции [Старикова 1988]. Характерно, что сама императрица называет артистов «детьми театра» [Храповицкий 1990].

Екатерина угадывалась в Худуше благодаря описанию внешности, сочетанию полноты и статности: «Как пава плывет», «От плеча до плеча больше чем аршин, В личике не приметно морщин». Таким «внедрением себя» в текст императрица давала понять зрителям и театральному миру, что отныне она будет еще пристальнее следить за «детьми театра» и что пагубные отношения актрис и дворян недопустимы. Также причиной того, зачем Екатерина «вклинивается» в этот сюжет, было ее желание непосредственно вмешаться в скандал, послуживший основой для пьесы. Так, во время одного из спектаклей после монолога Дуняши, которую играла Лиза Уранова, императрица бросала на сцену букет, что было условным знаком, после чего артистка должна была упасть к ногам Екатерины и просить выдать ее за настоящего жениха, актера Сандунова [Кони 1840: 97–98]. Императрица давала разрешение на брак. Свадьба сопровождалась пением песен, в том числе из другой комической оперы Екатерины «Февей» [Глинка 1895: 154]. Искусствоведы считают, что мотив помощи бедной девушке от самой императрицы, вероятно, послужил вдохновением для пушкинской «Капитанской дочки» [Лопатин 2003].

Исследователи многократно утверждали, что Екатерина плохо понимает литературу, что сюжет «Федула» не логичен [Ливанова 1953: 155], [Берков 1977: 259], [Зорин 2016: 96], однако при этой оценке не был учтен контекст, стиль эпохи, характерные черты комической оперы и драматургии классицизма, стремящейся не к психологической достоверности поступков и характеров, а к ясной доказательности мысли автора, из-за чего и используются характерные для жанра герои, носители определенных идей с говорящими именами, которые поступают согласно логике жанра пасторальной комической оперы. Анализ либретто показывает, что Екатерина прекрасно понимает логику, цели и средства изобразительности современной ей классицистической литературы, использует черты комической оперы для доказательства своей идеи, воздействуя на дворянство при помощи искусства. Обладая политическим ресурсом, Екатерина также подтверждает свои авторские идеи претворением их в жизнь (женитьбой артистов), показывая себя не только как образцового драматурга-классициста, но и как образцовую просвещенную императрицу.

Источники

Глинка С. Н. Записки Сергея Николаевича Глинки // Русская Старина, 1895. 380 с.

Екатерина II. Федул с детьми. Сочинения императрицы Екатерины II: на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина, т. 2, СПб.: Имп. Акад. наук, 1901. С. 521–538.

Кони Ф. Воспоминания о московском театре при М. Е. Медоксе // Пантеон. 1840. Ч. I. С. 90–102.

Храповицкий А. В. Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины Второй. М.: В/О Союзтеатр, Главная редакция театральной литературы, 1990. 300 с.

Щепкин М. С. Записки актера Щепкина. М.: Искусство, 1988. 382 с.

Литература

Акимова Т. И. Роль литературного творчества Екатерины II в становлении дворянского самосознания конца XVIII — начала XIX века. Саранск: МГУ им. Н. П. Огарева, 2013. 275 с.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.

Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. Л.: Наука, 1977. 390 с.

Гуковский Г. А. Проблемы изучения русской литературы XVIII века. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. С. 1–24.

Зорин А. Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры XVIII — начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.

Зорин А. Л. Редкая вещь // Новое литературное обозрение. 2006. № 4. С. 91–110.

Котович Т. В. Хронотоп театрального произведения. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2011. 179 с.

Ливанова Т. Н. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом: Исследования и материалы. Т. II. М.: Музгиз, 1953. 476 с.

Лопатин А. А. Елизавета Сандунова, Лола Монтес, Настасья Филипповна — история одного жеста // Петербургский театральный журнал. 2003. № 2. С. 39–41.

Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни // Литературное наследие декабристов / отв. ред. В. Т. Базанов, В. Э. Вацуро. Л., 1975. С. 25–74.

Маципуло А. С. К проблеме сближения элитарной (дворянской) и народной (крестьянской) культур в России во второй половине XVIII века — начале XIX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. 2015. № 5 (67). С. 89–94.

Моисеева Г. Н. (ред.) Русская драматургия XVIII века. М.: Современник, 1986. 542 с.

Немировская И. Д. Поэтика русской комической оперы XVIII века // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Казань: Казанский федеральный ун-т, 2008. С. 38–47.

Пави П. Словарь театра. М.: Прогресс, 1991. 504 с.

Полозова И. В. Русская комическая опера XVIII века в ее связях с литературой и театром (на примере оперного творчества В. А. Пашкевича) // Известия Саратовского университета. Саратов: Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова, 2016. С. 53–59.

- Проскурина В. Ю. Империя пера Екатерины II: литература как политика. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 256 с.
- Саськова Т. В. Пастораль в русской литературе XVIII – первой трети XIX века: дис. докт. филол. наук. М., 2000. 384 с.
- Семенова Ю. С. Екатерина II как либретист: жанровые особенности комических опер императрицы // Вестник СПбГУ. Сер. 15. 2012. Вып. 1. С. 255–263.
- Старикова Л. М. Театральная жизнь старинной Москвы: Эпоха. Быт. Нравы. М.: Искусство, 1988. 333 с.
- Шиллер Ф. Собрание сочинений в 7 т. Т. 6: Теоретические статьи. Рецензии, предисловия, критические заметки. М.: Гослитиздат, 1957. 790 с.
- Evans M. *English Poetry in the Sixteenth Century*. Hutchinson's university library. London, 1955. 184 p.
- Goodman D. *The Republic of Letters. A Cultural History of the French Enlightenment*. Ithaca; London, 1994. 338 p.
- Greg W. W. *Pastoral Poetry & Pastoral Drama: A Literary Inquiry, with Special Reference to the Pre-restoration Stage in England*. A. H. Bullen, 1959. 464 p.

References

- Akimova T. I. *Rol' literaturnogo tvorchestva Ekateriny II v stanovlenii dvoryanskogo samosoznaniya konca 18 – nachala 19 veka* [The role of the literary creativity of Catherine II in the formation of the noble identity of the late 18th – early 19th century]. Saransk, N. P. Ogarev Mordovian State Univ. Publ., 2013. 275 p.
- Bahtin M. M. [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics]. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and poetics]. Moscow, Hudozhestvennaya Literatura Publ., 1975, pp. 234–407. (In Russ.)
- Berkov P. N. *Istoriya russkoi komedii 18 veka* [The history of Russian comedy of the 18th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 390 p.
- Evans M. *English Poetry in the Sixteenth Century*. Hutchinson's university library. London, 1955. 184 p.
- Goodman D. *The Republic of Letters. A Cultural History of the French Enlightenment*. Ithaca; London, 1994. 338 p.
- Greg W. W. *Pastoral Poetry & Pastoral Drama: A Literary Inquiry, with Special Reference to the Pre-restoration Stage in England*. A. H. Bullen, 1959. 464 p.
- Gukovskii G. A. *Problemy izucheniya russkoi literatury 18 veka* [Problems of studying Russian literature of the 18th century]. Moscow, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1940, pp. 3–24. (In Russ.)
- Kotovich T. V. *Hronotop teatral'nogo proizvedeniya* [Chronotope of a theatrical work]. Vitebsk, Vitebsk State University named after P. M. Masherov Publ., 2011. 179 p.

- Livanova T. N. *Russkaya muzykal'naya kul'tura 18 veka v ee svyazyah s literaturoi, teatrom i bytom: Issledovaniya i materialy* [Russian musical culture of the 18th century in its relations with literature, theater and everyday life: Research and materials]. Vol. 2. Academy of Sciences of the USSR. Institute of Art History. Moscow, Muzgiz Publ., 1953, 476 p.
- Lopatin A. A. [Elizaveta Sandunova, Lola Montes, Nastasya Fillipovna – the story of one gesture]. *Peterburgskii teatral'nyi zhurnal*, 2003, no. 2, pp. 39–41. (In Russ.)
- Lotman Yu. M. [Decembrist in everyday life]. *Literaturnoe nasledie dekabristov* [The literary legacy of the Decembrists]. Leningrad, 1975, pp. 25–74. (In Russ.)
- Macipulo A. S. [On the problem of convergence of elite (noble) and folk (peasant) cultures in Russia in the second half of the 18th century – the beginning of the 19th century]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva*, 2015, no. 5 (67), pp. 89–94. (In Russ.)
- Moiseeva G. N. (ed.) *Russkaya dramaturgiya 18 veka* [Russian drama of the 18th century]. Moscow, Sovremennik Publ., 1986. 542 p.
- Nemirovskaya I. D. [The poetics of the Russian comic opera of the 18th century]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. Kazan, Kazan Federal Univ. Publ. 2008, pp. 38–47. (In Russ.)
- Pavi P. *Slovar' teatra* [Dictionary of Theater]. Moscow, Progress Publ., 1991. 504 p.
- Polozova I. V. [The Russian comic opera of the 18th century in its relations with literature and theater (on the example of V. A. Pashkevich's opera work)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. Saratov, Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov Publ., 2016, pp. 53–59. (In Russ.)
- Proskurina V. Yu. *Imperiya pera Ekateriny II: literatura kak politika* [The Empire of Catherine II's Pen: Literature as politics]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2017. 256 p.
- Sas'kova T. V. *Pastoral' v russkoi literature 18 – pervoi treti 19 veka*. Diss. dokt. filol. nauk [Pastoral in Russian literature of the 18th – first third of the 19th century. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2000. 384 p.
- Semenova Yu. S. [Catherine II as a librettist: genre features of the Empress's comic operas]. *Vestnik SPbGU*, Ser. 15, 2012, Vol. 1, pp. 255–263. (In Russ.)
- Starikova L. M. *Teatral'naya zhizn' starinnoi Moskvy: Epoha. Byt. Nrav* [Theatrical life of ancient Moscow: Epoch. Life. Morals]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1988. 333 p.
- Shiller F. *Sobranie sochinenii v 7 t. T. 6: Teoreticheskie stat'i. Recenzii, predisloviya, kriticheskie zametki* [Collected works in 7 vols. Vol. 6. Theoretical articles. Reviews, forewords, critical notes]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1957. 790 p.
- Zorin A. L. [A rare thing]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2003, no. 4, pp. 91–110. (In Russ.)
- Zorin A. L. *Poyavlenie geroya: iz istorii russkoi emocional'noi kul'tury 18 – nachala 19 veka* [Russian Hero Appearance: from the history of Russian emotional culture of the 18th – early 19th century]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2016. 568 p.

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *М. А. Пузина*

Редакторы *О. В. Антонова, С. В. Дьяченко*

Корректор *Н. Н. Занегина*

Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,

редакция журнала «Русская речь»,

тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

16+

И З Д А Т Е Л Ь:

Российская академия наук

119071, Москва, Ленинский пр-кт, д. 14

Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва,
Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва,
Шубинский пер., д. 6, стр. 1